Петр Валуев

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. 1861 год

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«*1 января 1861 г.* Утром во дворце. Заезжал два раза к гр. Блудову. Записывался по обыкновению в швейцарских разных дворцов. Все это при морозе в 17°.

Обедал у Вяземских. Вечером дома…»

- Петр Валуев
  - ○
- notes
  - ○ Сноски
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
    - ■ 16
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
    - ■ 20
    - ■ 21
    - ■ 22
    - ■ 23
    - ■ 24
    - ■ 25
    - ■ 26
    - ■ 27
    - ■ 28
    - ■ 29
    - ■ 30
    - ■ 31
    - ■ 32

- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76

- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120

- 121
- 122
- 123
- 124
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165

- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181

○ Комментарии
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27

- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39

Петр Валуев
Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. 1861 год

1 января 1861 г. Утром во дворце. Заезжал два раза к гр. Блудову. Записывался по обыкновению в швейцарских разных дворцов. Все это при морозе в 17°.

Обедал у Вяземских. Вечером дома.

2 января. Утром был у государя. Прием благосклонный. При этом получил приказание созвать Совет министров в четверг, 5 числа. Государь, между прочим, сказал: «Ты знаешь, что на Муравьева много кричат, но ему должно отдать справедливость, что он умеет выбирать людей, наприм., Зеленого и тебя». Видел во дворце Игнатьева, сегодня же утром возвратившегося из Пекина. Навстречу ему посланы звания ген. — адъютанта и лента св. Станислава. Из кабинета государя он вынес, кроме того, звезду св. Владимира 2-ой степени. Несмотря на свои утомительные странствования, он потолстел и начинает прискорбно походить на отца.

Видел также ген. Зеленого, который был у государя до меня. Государь его спрашивал, передал ли он мне разговор на мой счет в Лисине? (Разговор относился до мнения, высказанного ген. Зеленым, что меня следовало назначить министром финансов).

Был потом у вел. кн. Константина Николаевича, который также был любезен, но без особой теплоты, крепко бранил министра государственных имуществ и, скоро перейдя от моего назначения в Комитет министров к крестьянскому вопросу, сильно нападал па проект кн. Долгорукова и ген. Муравьева. Он сказал, что в минуту освобождения нельзя допускать никакой неопределительности в цифрах наделов и повинностей, что узел по этим вопросам может быть разрешен только царским словом, «qui a encore du prestige»[1]; что губернские присутствия, которым по проекту кн. Долгорукова и ген. Муравьева предоставляется участие с целию его затянуть, что народ будет оставлен в неизвестности на счет окончательных условий его быта, что, таким образом, в момент личного освобождения не будет никакой твердой точки опоры, и что злейший враг России не мог бы придумать более пагубного предложения и представить государю более опасной и вредной мысли. «От Муравьева можно всего ожидать, но меня удивляет, что на это мог решиться такой

человек, как кн. Долгоруков». Был затем у гр. Блудова, потом в канцелярии Комитета, потом в Министерстве, где прощался с обоими департаментами. Там, кажется, обо мне искренно жалеют. Я ухожу в добрый час. Слышу, что в час времени подписано до 1 тыс. руб. для поднесения мне в знак памяти серебряной чернильницы по какому-то замысловатому рисунку, изготовляемому г-ном Зичи. Вечером был у министра.

3 января. Целое утро ездил в мундире по разным швейцарским для записывания у разных министров. Видел только кн. Горчакова и ген. Чевкина. Был два раза у гр. Блудова, который то назначал, то отменял заседания Комитета министров. Был у кн. Орлова. Замечательное состояние, в котором он находится, может быть только сравнено с распадением здания по частям как бы в момент землетрясения. Отделяющиеся части падают, но еще не разбились, они по крайней мере частью сохраняют прежний вид, прежний блеск. Та же осанистая наружность, те же черты, не движутся только голова и руки. Туловище, как каменное torso в креслах. Взгляд по временам прежний, в другие минуты блуждающий, нерешительный, исподлобья, как у сумасшедшего или онемелого. Мысль порою ясная, отчетливая, резко и плавно выраженная, порою туманная и без опоры памяти. Он вдруг начал говорить о министрах и сказал о Муравьеве: «он всех их умнее, но смотрит то вперед, то назад, то по сторонам, чтобы только себе не повредить». Fifficus[2]. О. Чевкине: «Влиятелен, но влияние незавидное; il n'est pas considere; il a de l'esprit; il est bossu»[3]. О Панине: «Он часто ошибается, но честен и знает, чего хочет». Довольно отчетливо и резко в выражениях кн. Орлов отзывался о всем современном ходе дел, о недостатке последовательности в действиях правительства и т. п.

Вечером был у гр. Блудова, у министра государственных имуществ и у кн. Долгорукова, который передал мне некоторые записки по делу о воскресных школах. В них приписывается первоначальное возникновение этих школ бывшему киевскому профессору Павлову, якобы по совету Герцена и впоследствии, давних предположений Петрашевского{1}[4].

4 января. Утром опять езда при 20° по министрам и швейцарам. Заезжал в Комитет. Обедал у вел. кн. Ольги Николаевны с бар. Модестом Андреевичем Корфом и Егором Мейендорфом. Она еще очень хороша. Принц (крон), кажется добряк, но не очень дальний. Быть может, я ошибаюсь. Во всяком случае, он симпатичная личность, а но антипатичная,

как большинство тамошних принцев.

Вечером, в 11 часов, министр государственных имуществ дал мне знать, что дело о виленских злоупотреблениях по отчуждению казенных лесов, за исключением некоторых справок и «многосложностью» дела, не может еще быть внесено в Совет министров. Зачем же докладывалось оно государю в прошлый понедельник, если справки неполны?

5 января. Утром Совет министров. В первый раз видел этих господ в сборе. Синклит не величественный, не похожий на римский сенат и не расположенный к умиранию на курульных седалищах под мечом каких бы то ни было галлов. Слушалось дело о воскресных школах. Ген. – губ. Игнатьев подал записку, в которой указывал на опасность, предстоящую от неправильного направления школ. Министр народного просвещения оправдывал школы и защищал действия своего министерства. Кн. Долгоруков желал правильного и постоянного надзора чрез постоянных наблюдателей. Ген. – ад. Сухозанет предлагал исключить взрослых. Ген. – ад. Анненков находил, что начальниками и наблюдателями должны быть священники. Министр государственных имуществ говорил не о деле, но о своих школах. Гр. Панин доказал присутствие опасности приведением примера, что в одной школе на вопрос: «Кто был Авраам?» – ответ был следующий: «Миф». Игнатьев доказывал то же чтением неподходящей к делу журнальной статьи и ссылкою на присутствие в школах дам из модных магазинов. Княжевич, Адлерберг, Прянишников и Блудов молчали. Ланской сказал два или три слова неопределенного значения. Дело кончилось признаньем надобности наблюдения и привлечения духовенства к участию в оном, этот тезис поддерживали вел. кн. ген. – адмирал и ген. Чевкин, в особенности отчетливо последний. Кн. Горчаков говорил с эмфазисом, но не сказал в сущности ничего. Гр. Панин говорит плавно, его орган хорош, но синтетические способности слабы. Хорошо изъясняется Ковалевский, но он говорил слишком жалобно, как бы изнемогая под бременем несправедливых нареканий Игнатьева и шефа жандармов.

Был потом в канцелярии Комитета. Вечером у министра. который передал следующее. У него был Путята, живущий теперь в комнатах бывшей квартиры ген. Ростовцева. Там на днях слышны были странные звуки. На вопрос: «Не Яков ли Иванович? послышался троекратный стук в дверь. Потом магический карандаш дал на следующие вопросы следующие ответы: Что тебе нужно? – Огонь. – Для чего? – Воевать. – Кому воевать? –

Министрам. – С кем? – С коварным князем Константином. – Какой конец? – Вседержитель! Могила!».

Ген. Муравьев говорил об этом кн. Долгорукову и гр. Адлербергу.

Заходил вечером к Головнину. Старался обратить через него внимание вел. князя на польский вопрос. У нас опять готовы впасть в старые ошибки и считать полицейские строгости или преследования политическою премудростью и государственною силой{2}.

6 января. Утром был у бар. Штиглица, вечером у гр. Antigone Блудовой. Читал дела бывшего во время оно Инвентарного комитета. Замечательно, что в то время государь император действовал и говорил именно так, как он в последние два года не одобрял, чтобы говорили другие. Mutantur tempora et nos mutamur in illis[4].

7 января. Утром у кн. Долгорукова, у гр. Гурьева и в канцелярии Комитета. Гр. Гурьев много говорил о крестьянском деле, но говорил языком двадцатых или тридцатых годов. Странно, до какой степени ум наших государственных людей иногда становится неподвижным на старости. Lord Aberdeen, lord Landsdowne, lord Brougham, даже: the iron duke[5], не взирая на преклонные лета, всегда умели говорить так, как говорили их современники. У нас, если привыкнуть к тому, что теперь почти сделалось уже достоянием всех образованных слоев народа, то нельзя более ни объясняться с нашими думными старцами, ни даже понимать их. Наприм., гр. Гурьеву на мысль не приходит, чтобы можно было усомниться в праве держать крестьян бессрочно на барщине или в верности цифр посевов и урожаев, заимствованных из официальных отчетов.

Пример животного магнетизма. На одного из моих новых подчиненных Селецкого, молодого человека лет 25-ти, поступила к шефу жандармов жалоба его тетки полковницы Синельниковой. Селецкий магнетизировал в шутку ее 17-летнюю дочь и через несколько минут привел ее в состояние сомнамбулизма, из которого нельзя было ее вывести целую неделю. После того они как-то встретились в другом доме. Молодая девушка будто бы тотчас подошла к Селецкому, повинуясь внутренному влечению своего магнетического подчинения, и снова впала в сомнамбулическое состояние, которое, впрочем, было на этот раз не столь продолжительно. Селецкий был сегодня у кн. Долгорукова, потом у меня. Он обещался избегать всякой встречи с молодою Синельниковою и не ездить в те дома, куда

она ездит.

В Государственном совете сегодня готовился указ о назначении председателя Совета. Государь присылал за Бутковым. О ком речь, в нашей канцелярии не знали.

8 января. Утром у обедни. Потом у министра. Председательствующим в Государственном совете и Комитете министров назначен гр. Блудов. Бутков препроводил ко мне по Комитету высочайшие указы об увольнении кн. Орлова и о назначении гр. Блудова, который притом остается главноуправляющим 2-м отделением е. в. канцелярии и даже, говорят, председателем Департамента законов в Государственном совете.

9 января. Утром в Комитете. Заезжал в департаменты, где мое наследие до сих пор еще не разделено по принадлежности. Продолжаю работать по крестьянскому делу по просьбе кн. Долгорукова и министра государственных имуществ.

Вечером у гр. Блудова с докладом, по-видимому, усыпительным, ибо он заснул два раза в течение ¾ часа. Оттуда заехал к Вяземским слушать записку Веневитинова по крестьянскому вопросу. Он читал ее сам с подобающею торжественностью, словно умирающий Chatham свою последнюю речь в парламенте. Если что-либо оправдывает редакционистов, то это такие противники, как Веневитинов. Наивное тупоумие при наивном самопревозношении и почти ни на что не пригодном добродушии.

10 января. Присутствовал в первый раз при заседании Комитета министров. Кн. Горчаков все-таки наиболее наевропеизированный из членов Комитета. Вечером у министра, где по-прежнему производится непрерывная переварка его предположений по разным частям его предположений по крестьянскому делу.

11 января. Утром в заседании Комитета заслуженных гражданских чиновников, где я состою членом по новой должности и где нахожусь председателем или старшим членом старого моего начальника 35, 36-го и 41-го годов Танеева. On en revient toujours etc[6].

Потом в Комитете. Вечером дома за работой для кн. Долгорукова.

12 января. Утром в Комитете, заезжал в департаменты.

Вечером у министра.

13 января. Утром в Комитете. Заезжал к Барашковым и Вяземским. Говорят, что начинают маневрировать со стороны большинства Главного комитета с целию привлечения на эту сторону членов Государственного совета. Гр. Нессельроде говорил о том министру. Слышал то же от кн. Вяземского.

14 января. Утром в Комитете. Сегодня в заседании Главного комитета по крестьянскому делу подписан общий журнал. Он составлен в фолиантном размере и заключает в себе много статей, о которых вовсе не было рассуждаемо в Комитете, умалчивая, с другой стороны, о некоторых действительно в нем происходивших суждениях или неточно излагая заявленные мнения. При раздраженном настроении умов и принятой системе составления журнала, частию посредством перепечатывания статей, вошедших в издание журналов Редакционных комиссий, частию посредством распределения работ по другим статьям между Государственной канцелярией и негласно деятельными на сие время членами реченных комиссий, дело не могло быть иначе.

Кн. Долгоруков, ген. Муравьев и некоторые другие члены Комитета заявили, что не считают себя связанными содержанием журнала при дальнейших действиях своих в Государственном совете.

15 января. Утром у обедни. Затем официальные визиты. Был у Милютина, товарища военного министра, с которым дотоле не был знаком. Приятная личность, но в крестьянском вопросе он, очевидно, под влиянием брата. Вечером у ген. Муравьева. Наши soit disant gros bonnets[7] продолжают делать промахи по крестьянскому делу. Гр. Рибопьер подавал какую-то записку государю. Кн. Горчаков передавал ему же наивно бесполезное письмо Веневитинова. Как все это неловко, близоруко, несвоевременно.

16 января. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова и у Вяземских. Кн. Долгоруков прислал мне составленный им весьма удачно краткий очерк главных постановлений, заключающихся в проектах крестьянских положений по системе его и ген. Муравьева.

17 января. Заседание Комитета. Проекты Положения должны быть, по-видимому, окончательно отпечатаны завтра и тотчас

представлены государю императору. На будущей неделе назначается собственно по крестьянскому делу особый Совет министров в совокупности с Главным комитетом. Жаль, что в этом случае мое место будет принадлежать Буткову.

Заезжал во 2-й департамент, где Рудницкий, вчера назначенный окончательно директором на мое место, в первый раз *его* занял в моем бывшем кабинете, за моим столом, на моем седалище.

18 января. Утром в Комитете и у министра. Вечером дома за работой. Читал отчет государственного контролера за 1860 год. Хорошо составлен. Несколько любопытных цифр. Излишек расходов на содержание армии во время Восточной войны он определяет в 365 мил., не включая в эту сумму некоторых дополнительных издержек 1857 года.

Il ne faut pas se raidir contre les choses, car elles ne s'en inquietent pas[8].

19 января. Утром у министра финансов, праздновавшего 50-летие службы, потом в Комитете. Княжевичу дан обед по подписке. Около 600 человек в нем участвовало. Говорят, это торжество было теплое и радушное. Если он многим оказал услуги, то не на свой счет.

Обедал у Паскевича. Видел там гр. Потоцкую, урожденную Сапега, о которой много было речи прошлого весною. Вечером у министра, который ввиду предстоящей развязки крестьянского вопроса и предусматриваемых им толков об устройстве крестьян государственных готов отказаться от всей своей кадастровой системы и старается доказывать, что он в 1859 и 1860 годах делал то же самое, что говорил в 1857 и 1858.

20 января. Утром в Комитете. Потом в Министерстве. Вечером у Вяземских на литературном вечере, где познакомился с Гончаровым. Он читал две главы из романа. Майков и Бенедиктов – стихи.

21 января. Утром кн. Долгоруков и ген. Муравьев прислали мне каждый по экземпляру проекта Манифеста. Кн. Долгоруков был потом у меня. Вечером я был у министра. Пересоставляю и сокращаю по возможности этот проект, в котором 14⅓ стр. печати in folio. Был в Комитете. Ко мне заезжал. Дм. Милютин. Он почти «краснее» или желчнее брата. Когда я ему сказал, что нельзя объявлять освобождения на масленице, когда все пьяны, он отвечал: «Да что же, казне и откупщикам будет больше

дохода!»

22 января. Кончил работу по проекту Манифеста. Был У обедни. Потом у кн. Долгорукова. Вечером у министра. Изменил проект по замечаниям того и другого.

На будущую субботу, 28 числа, назначено заседание Государственного совета под председательством государя для обсуждения первых 20-ти пунктов «Общего положения». Говорят, что государь намерен при этом предложить заготовленные вопросы, направленные к тому, чтобы провести с размаху главные начала проекта большинства{3}.

23 января. Утром в Комитете. Вечером у министра. Сегодня в Главном комитете рассматривался проект Манифеста. Оказался еще один текст – гр. Блудова. Ни одного не одобрили. Буткову поручено сделать свод и представить гр. Влудову на критику и одобрение.

24 января. Заседание Комитета. Вечером у министра и у гр. Нессельроде, который просил меня заехать к нему для объяснения по крестьянскому делу. Он говорит, что большинство оппозиции будет в пользу мнения кн. Гагарина и, между прочим, что бар. Корф восстает против проекта 3-х членов. Я сказал ему, что это значит, что бар. Корф будет не в пользу мнений кн. Гагарина, а за проект Редакционных комиссий.

25 января. Утром в Министерстве и Комитете. Должен был диктовать Рудницкому записку для министра. Он плохо ориентируется на своем новом поприще.

26 января. Утром у министра. Ему сообщена программ, вопросов, предназначенных к обсуждению на послезавтра. Они изложены ясно и определительно. Не могло предстоять никакого сомнения насчет ответов с его точки зрения, т. е. с точки зрения его проекта, по первым 4-м вопросам о наделах и повинностях. Оказалось противное. Ген. Муравьев не решается открыто вотировать против кн. Гагарина из опасений, что в пользу системы его самого и кн. Долгорукова будет немного голосов. «Скорее за кн. Гагарина, чем за Редакционные комиссии». – говорит он. Почему он не за самого себя? Стоило работать над своим проектом. И к чему же ведет вотирование в пользу кн. Гагарина когда очевидно, что его проект утвержден быть государем не может? Предуведомлен о колебаниях

Муравьева, гр. Нессельроде и кн. Долгорукова. Дал знать Неелову, чтобы он предуведомил пр. Шувалова. Гр. Нессельроде потом заезжал ко мне. «Je vous avoue, – сказал он, – que si Dolgorouki et Mouravieff passent dans le camp Gagarine, j'y passe aussi»[10]. Вот наши убеждения и наши государственные люди!

Вечером у кн. Долгорукова и у министра. Сегодня был Совет министров по крестьянскому вопросу. Государь объявил, что он «приказывает и требует», чтобы рассмотрение проектов было кончено в Государственном совете к 15-му февраля. Он также объявил, что упраздняет Главный комитет по крестьянскому делу и комитет, бывший под председательством министра двора[11], и вместо их учреждает новый комитет, в котором должно сосредоточиться рассмотрение всех законодательных вопросов по устройству сельских обывателей всех разрядов. Министр государственных имуществ попытался резервировать свое мнение, указывая на необходимость внимательно рассмотреть проект устройства комитета, прочитанный Бутковым. Государь жестко остановил Муравьева, сказав, что нечего рассматривать, и что он так хочет. Никто не был предуведомлен о прочитанном проекте, и Адлерберг даже не был предуведомлен о своем отрешении от председательства в вышереченном особом комитете. Les cartes se brouillent[12].

27 января. Утром в Комитете и в Министерстве. В Государственном совете чистили залу заседаний на завтра. Майор, от ворот, Кубе распоряжался.

Chacun son metier[13].

Вечером у кн. Долгорукова и министра. Государь, по словам Долгорукова, рыцарски намерен быть беспристрастным и не заявлять завтра своего мнения. Долгоруков, видимо, доволен своим с ним разговором. Сегодня обед у гр. Гурьева для разных членов Совета. Этих господ дисциплинируют и экзерцируют.

28 января. Сегодня в 12 часов государь император открыл заседание Государственного совета по крестьянскому делу краткою речью, в которой напомнил о предшедших фазисах этого дела и повторил требование, чтобы оно было рассмотрено без замедления и рассмотрение кончено к 15-му февралям. Замечено, что во время его речи что-то обрушилось с потолка с сильным треском и что сегодня годовщина смерти Петра Великого.

Заседания продолжались до ¾ 6-го часа. В прениях принимали участие почти все языком владеющие члены. Сильно восставал против нарушения прав собственности дворянства

министр иностранных дел кн. Горчаков. Гр. Сергей Строганов, кн. Гагарин говорили в том же смысле. Кн. Долгоруков с ген. Муравьевым защищали свою систему. Главным оратором большинства Комитета был гр. Панин, который говорил беспрерывно, отвечая каждому, кто изъяснялся с противной стороны. Ген. Анненков с обычным бледным словоизобилием рассказывал длинную историю о каком-то саратовском помещике из севастопольских героев, которому надлежит выдать дочь в замужество и которого разорит проект Редакционных комиссий. Гр. Блудов a propos de[14] вотчинной полиции сказал государю, что дворянство подносит ему кнут и плеть для сечения крестьян и т. д. При подаче голосов в собрании, где было, кроме государя, 45 членов, в том числе 3 вел. князя и пр. Ольденбургский, оказались следующие результаты:

По вопросу об определении известной нормы наделов и повинностей законодательным порядком вместо безусловных добровольных соглашений 30 голосов pro, 15 – contra. Большинство состояло из лагеря вел. кн. ген. – адмирала + лагерь Долгорукова и Муравьева (меньшинство составляли гагаринцы). По вопросу об определении наделов теперь же или о предварительном истребовании соображений губернских присутствий pro – 17 голосов (лаг. вел. князя), contra – 20 (Муравьев и Долгоруков + несколько гагаринцев).

8 голосов, из числа гагаринских, по этому вопросу не поданы. По третьему вопросу, быть ли волостям, pro – 25 голосов (лаг. вел. князя + часть долгоруково-муравьевского).

По четвертому, быть ли волостным попечителям, pro – 14 голосов, contra – 31 (лагерь вел. князя и гагаринский).

Последний votum, между прочим, ясно показывает, как мало члены давали себе отчет в том, что делали по некоторым вопросам. Учреждение волостных попечителей на предложенных основаниях было одним из самых либеральных предположений, когда-либо сделанных с самого начатия крестьянского дела. А против него подали голоса все члены так называемой либеральной партии.

Вообще заседание было, говорят, весьма прилично. Государь вечером посылал за кн. Долгоруковым и его благодарил. Если бы долгоруково-муравьевский лагерь соединился с гагаринцами, то против начал большинства Главного комитета было бы 28 голосов, а в пользу этих начал только 17-ть, в том числе три вел. князя и пр. Ольденбургский по указу, 4 члена Главного комитета и бар. Корф по тем же самым чувствам, которые ознаменовались в деле шишмаревского дома; следовательно, кроме их, только 8 новых голосов из членов Совета. Вечером был у министра.

29 января. Утром у обедни. Потом у министра. Ездил по ужаснейшей распутице к Калинкнну мосту. Потом с 4-х часов до 6½ снова у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для соображения некоторых вопросов по дальнейшему ходу крестьянского дела. В начале совещания присутствовал гр. Нессельроде. Вечером опять у министра до часа ночи. Его разлагающие тенденции расходились вследствие полууспеха в заседании вчерашнего числа. Он теперь снова говорит о невозможности кончить дело до осени и о его намерении приняться за вторичное обсуждение каждой отдельной статьи, каждого отдельного проекта Положения.

Вчера в заседании Государственного совета обрушившийся или упавший предмет был корона с минского герба. В городе уже рассказывают, что упала корона с московского, а не с минского герба. Московский герб прибит на противуположной стене против окон.

Между речами достойна внимания речь с. – петербургского ген. – губ. Игнатьева. Она ограничилась упреком Редакционным комиссиям в том, что они не включили в число табельных дней: высокоторжественных тезоименитств е. и. величества, и дня рождения е. и. величества, и дня коронации е. и. величества.

30 января. Утром в Комитете. Заходил в Департамент податей и сборов к новому директору Гроту. Перед обедом заходил ко мне кн. Долгоруков и просидел до ½ 7-го в разговоре на тему вотчинных полиций. Вечером у гр. Блудова. Потом в Марнинском театре, который видел в первый раз. Видел M-me Ristori в роли королевы Елизаветы. Великий талант. Сцена, в которой Елизавета требует, чтобы ее оставили одною, и потом падает на колени, производит сильное впечатление. Поплатился за театр тем, что должен был просидеть до 4½ час. утра за работой, чтобы наверстать время, проведенное в театре.

31 января. Утром в заседании Комитета. После обеда у Вяземских и у гр. Блудова. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для окончательной редакции их amendements по 2-му разделу общего Положения.

1 февраля. Сегодня утром кн. Долгоруков меня уведомил, что государь утвердил по мемории Государственного совета мнение меньшинства относительно вопроса о способе определения наделов. Следовательно, губернские присутствия не призываются к участию. Следовательно далее, система кн. Долгорукова и ген. Муравьева{4} ‹в главных своих чертах,

пересмотре норм надела на местах и учреждении волостелей, уже отвергнута. Судьба идет своею дорогой{5}.

2 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева и в Комитете. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для обсуждения порядка, которого им следует держаться при дальнейшем рассмотрении великорусского Положения. Ген. Муравьев ниже всякой критики. Все та же страсть к мелочам и то же отсутствие рассудительности в отношении к данным условиям времени и дела.

3 февраля. Утром в Комитете. Вечером на свадьбе молодого Половцова с воспитанницею бар. Штиглица. При этом случае был в первый раз в сенатской церкви. Имеет ли Сенат у нас будущность?

4 февраля. Утром в Комитете. Обедал у Паскевича. Вечером у юн. Долгорукова и ген. Муравьева, где встретил Игнатьева.

Между ними разговор замечательный по тупости Игнатьева и по спутанности слов и понятий самого Муравьева, который теперь совершенно впал в роль интриганта, довольствующегося возбуждением неудовольствия и оппозиции в Государственном совете, без всякой надежды на практические от того результаты и даже без желания результатов. Затем приехал Клейнмихель. При встрече он и Муравьев обнялись, и Клейнмихель приветствовал Муравьева возгласом: «Наш общий спаситель». – Вот п……, – сказал мне бывший при том ген. Зеленый.

В Государственном совете ген. Анненков готовит предложение понизить на ⅓ все нормы Редакционных комиссий. Кн. Долгоруков и ген. Муравьев не участвуют в этом предложении, но его одобряют.

6 февраля. Утром в Комитете. Вечером у ген. Муравьева. Гр. Сергей Строганов играет странную роль. Он большею частью подает голос с членами большинства Главного комитета. В городе кричат о его defection[15]. (Класс кричащих большею частью не употребляет русского языка). Мне кажется, что гр. Строганов заглаживает высказанные им в первом заседании замечания на речь государя, после которых государь ему сказал: «Граф, вы придираетесь к моим словам».

Завтра выпускаются на сцену по вопросу о наделах Анненков и Игнатьев с их двухтретными предложениями. Великий Клейнмихель намерен их поддержать. Кн. Долгоруков и Муравьев дергают со стороны те ниточки, по которым должны разбежаться

Игнатьев и Анненков. Что за сумбур в голове Игнатьева! Любопытно было бы стенографировать ход его мысли наедине, а потом и в диалоге с Муравьевым. А сей последний?!›

7 февраля. Утром в Комитете, где не было заседания, потому что члены заняты крестьянским делом. Вечером у министра, потом у Гернгроса.

Сегодня в Совете по вопросу о цифрах наделов 27 голосов против 15-ти положили принять цифры Главного комитета В ⅔ размере. Вероятно, что это не будет иметь практических результатов, потому что государь согласится с меньшинством. Предложение о ⅔ внесено Анненковым и Игнатьевым. Гр. Блудов называет Sonderbund'ом союз, составившийся между этими господами и долгоруково-муравьевцами. Между тем союз Долгорукова с Муравьевым, видимо, слабеет. Бар. Корф теперь подает голос с членами большинства.

8 февраля. Утром у министра. Потом в Комитете. Вечером в цирке, где видел «les merveilles gymnastiques creees et executees par M. Jules Leotard»[16]. Позже еще раз у министра. Сегодня в Совете при рассмотрении северо-западного местного Положения разрешен полуудовлетворительно вопрос об односельях. Затем по вопросу об инфляндских уездах Витебской губернии 30 голосов против 9-ти объявили себя в пользу пересмотра в губернском присутствии постановлений о повинностях, определенных для этих уездов Редакционными комиссиями и Главным комитетом. По другому вопросу, о поверочных комиссиях, 27 голосов против 12-ти поданы в пользу какого-то предложения ген. Муравьева, которого значение он, однако ж, не сумел мне ясно определить. Кажется, что дело в назначении этих комиссий только для тех случаев, когда в них представится надобность, вместо возложения на них обязанности поверять повинности во всех имениях 4-х губерний. Пр. Ольденбургский и гр. Строганов вотировали с большинством.

9 февраля. Утром в Комитете. Кое-какие визиты. Вечером заходил к Головнину. Нельзя{6} ‹ожидать от него многого для будущности. Его методический кабинетный самодовольный ум не может приладиться к эпохе быстрых движений и переворотов. Он все рассчитывает на годы там, где силою вещей вопросы предрешаются в неделю, и стремится к устройству коллегий, тогда как у нас и одиночных деятелей приискать трудно.

Был в прежних моих департаментах. Prikarov (?) говорил о Champeine: «C'est mon clair de lune»[17], я и этого не могу сказать о моих преемниках.

В Университете при годовом акте произошла сцена. Из программы была исключена какая-то речь, которую должен был говорить профессор Костомаров. По окончании акта, когда удалялись или удалились присутствовавшие «honoratioren»[18], студенты начали вызывать Костомарова. Принуждены были призвать ректора (Плетнева), который объявил студентам, что программа сокращена будто бы за недосугом министра народного просвещения, который вовсе не присутствовал.

11 февраля. Два дня не видал ни кн. Долгорукова, ни ген. Муравьева. Слышу, что вчера в Государственном совете произошло неожиданное событие. Единогласно принято будто бы предложение кн. Гагарина отводить крестьянам вместо указных наделов за повинности ¼ этих наделов бесплатно. Если так, то почему же некоторые члены так кричали против нарушения прав собственности?… Куда девалось положение о выкупе и на каких основаниях применять четвертование наделов к западным хуторным хозяйствам и к поземельному устройству государственных имуществ{7}?

12 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева. Постановление о ¼ надела состоялось в виде меры, допускаемой по добровольному соглашению сторон. Странный взгляд на дело. Кто же мог считать подобные соглашения недозволенными?

Вчера государь собирал у себя Главный комитет для совещания по проекту Манифеста третьего издания. Это издание принадлежит московскому митрополиту Филарету, которому были сообщены на заключение прежние два издания. Ген. Муравьев чрезвычайно хвалит проект преосвященного Филарета. Верю, что проект хорош, но не доверяю суждениям о нем ген. Муравьева.

Государь по всем пунктам согласился с меньшинством Совета. Вчера, чтобы заявить свою решимость идти избранным им путем, он читал Комитету полученное им безымянное письмо, в котором его укоряют в нарушении своего обета, в пренебрежении к закону, в грабительстве чужой собственности и, говоря о ножах, которые точат на него и на все его семейство, указывают на вредное влияние, представляемое им вел. кн. Константину Николаевичу, и упоминают даже о том, что в народе будто бы считают ген.–адмирала настоящим преемником престола, потому, что он рожден «сыном

императора».

‹ *13 февраля*…… ›

Совет, крестьянские положения.

Утром в Комитете. Вечером был у меня Кошелев. Он смотрит на развязку крестьянского дела, как на торжество демократических начал, превосходящее не только его ожидания, но даже его желания. По его мнению, не пройдет двух лет до предъявления всеми губернскими дворянскими собраниями petitions of rights[19] и до устранения от дел всех «vieilles ganaches»[20].

От него слышал, что в Государственном совете 7 голосов, в том числе голос гр. Строганова, были поданы в пользу того, чтобы на брак крестьян испрашивалось разрешение помещиков.

14 февраля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова, который во все продолжение моего доклада не то чтобы засыпал, но почти не просыпался. Потом у министра, который теперь вместо меня пилит гр. Стенбока и в большом затруднении, что и как делать по удельному ведомству ввиду состоявшегося разрешения общего эмансипационного вопроса. Все, однако, вверх дном. Всех предъявлений как будто не бывало. Бедный Михаил Николаевич! Жутко ему приходится. Где прежний aplomb и прежняя уверенность в успехе всеподданнейших докладов?

У меня обедали Эттинген, Кубе, Гернгрос и Рудницкий.

15 февраля. Утром в Комитете, который имел заседание. Потом в Министерстве и у кн. Суворова. Вечером у министра, который требовал моего мнения о мерах по ведомствам государственных имуществ и уделов, которые становятся необходимыми вследствие разрешения крестьянского вопроса.

Губернаторам дано знать для объявления по принадлежности, что обнародование крестьянских положений последует великим постом.

16 февраля. Во время вчерашнего заседания Комитета Тымовскому принесли телеграмму от государя. Его лицо несколько изменилось при чтении, потом он говорил с кн. Долгоруковым. Сегодня слышно, что в Варшаве беспорядки. По случаю годовщины Гроховской битвы хотели отслужить или отслужили тризну о павших в тот день поляках. Говорят, что народ столпился и что войско принуждено было действовать оружием. По сегодняшним известиям стрельба будто бы продолжается, и государь очень беспокоен. Поляки давно ищут

случая pour se faire mitrailler[21]. Цель очевидна. В Европе опять заговорят о польском вопросе. Тамошнее безмозглое управление им помогает. Теперь е. в. император всероссийский уже поставлен на одну доску с неаполитанским ex-королем по делам Сицилии и с австрийским императором по делам венгерским. Ненавистное управление поддерживается картечью и штыками.

Утром в Комитете. Вечером у Шереметевых. Здесь в городе ходит множество более или менее нелепых слухов о том, что произойдет 19-го числа. Говорят о движении в народе. Загородные баталионы гвардии сюда вызваны.

17 февраля. Утром в Комитете. Заезжал к Паскевичу. Вечером был у Платонова. По его рассказам, в первый день варшавских известий, во вторник, не получено никакого сведения о столкновении войск с народными толпами. Следующий день прошел спокойно. Вчера сборища возобновились. В проходившую где-то роту бросали каменья. Она дала залп, которым убито 6 человек и несколько других ранено. Сегодня других известий но было. Государь вчера и сегодня посылал за Тымовским и Платоновым.

Между тем у нас словно бьют на то, чтобы и здесь происходили варшавские события. В сегодняшних газетах ген. — губернатор сухо объявляет, что 19-го числа никаких правительственных постановлений по крестьянскому делу объявлено не будет. Почему не сказать, как в сообщении губернаторам, что дело отложено до поста, или, по крайней мере, не прибавить слова: «еще». Сухое отрицание дразнит.

18 февраля. Сегодня вздумали исправить в «Северной пчеле» вчерашнее объявление и напечатали, что редактор озаботился наведением справок и осведомился, что в «седьмое царствование» (sic) императора Александра II-го, в дни молитвы и поста, наконец, последует ожидаемое событие.

Утром в Комитете. Потом заходил к Карамзину, который несет прямую чушь по крестьянскому вопросу. На дороге к нему видел{8} ‹изукрашенный цветами вокруг пиэдестала монумент императора Николая. Одни говорят, что цветы присланы Нелидовою, другие, что подрядчиком, строившим монумент. Многие склонны видеть в них демонстрацию против нынешнего царствования. Говорят, что и на сегодняшней панихиде в Петропавловском соборе была тьма народа также в виде демонстрации. Цветы, впрочем, искусственные; такова же и демонстрация.

Вечером был в Политико-экономическом комитете Географического общества, куда не ездил два года, несмотря на постоянные повестки. В нем также заключается симптом нашей дезорганизации. Лица, имеющие официальное значение, как Гагемейстер и Бутовский, играют в нем роль, вовсе не соответствующую этому значению… Оттуда отпра›вился к Головнину на вечер in fiocchi[22] в честь гр. Муравьева-Амурского. Были там братья Милютины, Оболенский, кн. Орлов-сын, с которым

Я только при этом случае познакомился, Ковалевский (Азиатский департамент), гр. Амурский, Краббе и я. Н. Милютин в желчном настроении духа. Следовательно, несмотря на торжество системы Редакционных комиссий, его торжество не полное. Головнин говорил о варшавских делах, что поляки начали слишком рано, что Тимашев того только и желал, чтобы они дали достаточный повод к принятию репрессивных мер, что теперь их примут, парализируют движение, qu'on arretera les meneurs[23] и пр. и пр. Весьма сомневаюсь в основательности тимашевеких воззрений.

19 февраля. Сегодня, вместо ожидаемых демонстраций и даже волнений, ничего кроме грязи и ям на улицах. Эти ямы не помешали, впрочем, блистательному петербургскому свету собраться на раут кн. Юсуповой (матери), которая при этом случае показывала новое устройство своего великолепного дома на Литейной. Она, говорят, и, вероподобно, вышла или выходит замуж за какого-то Chauveau или Chevat. Но, между тем, признала не лишним de faire acte de presence ici[24]. Весною она опять отправится в Париж проживать там русские полуимпериалы вместе с разными другими русскими дамами и кавалерами, пока в Политико-экономическом комитете будут рассуждать о денежном кризисе, а в Главном финансовом комитете будут предлагать для восстановления равновесия между привозом и вывозом звонкой монеты 30-рублевую в год пошлину за паспорт кн. Юсуповой и другие полуподобные паспорты.

Гр. Муравьев-Амурский назначен, говорят, членом Государственного совета и получил Владимирскую ленту. Кн. Суворов, чаявший того же звания, если не той же ленты, будто бы не получил ни того, ни другого.

Между тем из Варшавы, как слышно, невзирая на все усилия держать дело в секрете, доходят неладные вести. Кн. Горчакову представлен адрес за подписью 140 прелатов и других почетных лиц, в котором испрашивается восстановление конституции конгресского царства. Кн. Горчаков будто отказался принять

адрес. Тогда будто бы решили отправить сюда депутацию. Государь несколько раз посылал за Тымовским и за военным министром. Здесь войско одно не поможет. Залегает гроза на западе. Principium finis[25]. Вопрос только в следующем: разрушение или возрождение?

В Государственном совете в прошлую субботу кн. Гагарину подано безымянное письмо, в котором его поздравляли или приветствовали защитником прав собственности, а поступки правительства, т. е. государя, называли «le delire du despotisme»[26]. Гр. Блудов имел неприличие сказать, что в другие времена кн. Гагарин подвергся бы ответственности за получение подобного письма. Тогда Гагарин отвечал, что сожалеет, что не показал еще письма всем членам Государственного совета, и подал оное присутствовавшим в заседании вел. князьям. В тот же самый день или накануне оканчивали обсуждение Положения о горнозаводских крестьянах. Гр. Строганов спорил с Чевкиным и хотел требовать собирания голосов, но остановился и громко сказал, что, впрочем, собирание мнений теперь уже бесполезно и что большинство не имеет никакого значения. Никто затем не настоял на обряде подачи голосов, и Положение принято беспрекословно, т. е. единогласно. Как у нас все невпопад. Непокорность и оппозиция. Разве учреждение Государственного совета издано со вчерашнего дня и разве многозначительное «и я» не писалось прежде тысячи раз на стороне меньшинства? К чему теперь выходки гр. Строганова? А тот же самый гр. Строганов остается попечителем цесаревича и подавал голос вместе с меньшинством в пользу наделов гр. Панина и Главного комитета.

20 февраля. Утром в Комитете. Видел Буткова, который говорит о всем у нас делающемся почти с милютинскою желчью. И он недоволен. Упрекает государя в том, что он беспрестанно поддается то одному влиянию, то другому. Говорит, что не понимает отношений государя к Константину Николаевичу, который, по его мнению, вовсе не пользуется приписываемым ему кредитом и «ужасно боится» государя. Вчера е. величество утвердил журналы Государственного совета по крестьянскому делу. Вел. князь желал быть при этом и условился с Бутковым быть в одно время во дворце. Но когда Бутков был позван в кабинет государя и доложил ему, что вел. князь желал присутствовать при утверждении журналов, то государь отвечал: «Зачем? Я один могу дело покончить». Бутков недоволен решением крестьянского вопроса, особенно по западным губерниям, и говорит, что правительство ошибается,

думая, что, в случае смут в порубежных с Польшею губерниях, крестьяне будут за него против помещиков.

Между тем здесь были приняты вчера странные меры. Не только консигнировали войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию; кроме того, оба Адлерберга и кн. Долгоруков будто бы ночевали во дворце и, incredibile dictu[27], имели готовых лошадей для государя! Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы государь не ночевал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел. кн. Ольги Николаевны. Об. – полицмейстер Паткуль между тем сек дворников и одному из них дал 250 розог за то, что он будто бы сказал, что когда объявят свободу, то он закричит «ура!». По-татарски мы обращаемся в европейцев!

Из Варшавы были вчера телеграфические известия и приехал фельдъегерь. Но о содержании вестей я ничего не узнал подробно. Говорят только, что все спокойно. Поляки просят восстановления не конституции конгресского царства, а органического статута 1832 г. Бутков говорит, что депутации сюда не будет.

Вечером был у гр. Блудова. Он по-прежнему почивал во время моего доклада{9}.

‹*21 февраля*. Утром в Комитете. В заседании участвовал для слушания отчета кн. Васильчикова по управлению его генерал-губернаторством в 1859 и 1860 гг. вел. кн. ген. – адмирал. Реченный отчет особенно понравился государю, который повелел сообщить оный в копиях прочим ген. – губернаторам.

Кн. Долгоруков говорил мне, что смотрит с опасением на польские дела. «On prend la chose trop legerement chez nous». – Je suis heureux devous l'entendre dire, mon prince. Je tiens pour certain que la chope est tres grave. – «Chut! il n'en faut pas parler»[28]. Почему же?

И.М. Толстой, сегодня заседавший вместо кн. Горчакова, напротив того, выражался следующим образом: «On n'a pas laisse a Gortsehakoff (т. е. наместник) le temps de faire la betise de recevoir sa petition. Tout va bien. Il faudra seulement faire aller ailleurs M. M. Fialkovski et c'ie»[29].

Звезда Муравьева, видимо, бледнеет. Государь холоден. При вчерашнем докладе он ему не дал руки. В доме поговаривают об увольнении, об отказе далее вести дела в Министерстве. Особенно зла, едка и желчна министресса Пелагея Васильевна. Давно ли за обедом при разных воскресных гостях она и он

торжествовали? Давно ли Клейнмихель величал его «общим спасителем»? Sic transit gloria[30].

22 февраля. Утром в Комитете. Потом в Департаменте сельского хозяйства, где открыл учрежденный под моим председательством комитет об устройстве Петровского-Разумовского и предполагаемых в нем заведений (Земледельческой академии и пр.). Видел Зеленого, который передал мне, что при последнем докладе государь почти сказал Муравьеву, что не желает иметь его министром. Он с гневом, и, ударив по столу, сказал, что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому› делу и что управляющие палатами государственных имуществ должны помогать, а не противиться исполнению этих постановлений. Видно, что вел. кн. Константин Николаевич возбудил в государе эту мысль о противодействии министра государственных имуществ и его подчиненных.

Муравьев, который вообще ведет и держит себя теперь с большим достоинством и спокойствием, чем обыкновенно, отвечал (разговор происходил в конце доклада), что воля е. величества будет свято исполняться и что если он, министр, найдет принятие каких-либо мер противным своей совести и своим убеждениям, то будет просить уволить его от обязанности исполнять такие меры. Государь на это сказал: «Прощайте». Муравьев, возвратись домой, написал письмо государю с просьбою об увольнении от звания министра, но Зеленый дал ему совет не посылать письма до следующего доклада, чтобы вполне убедиться, что обнаруженное государем настроение ума не было минутного вспышкою, вызванною наговорами, не имеющими надлежащего основания.

Вечером у Паскевича. Theatre de Variete. Весь петербургский beau monde. Паскевич едет в субботу в Рим для передачи королю и королеве неаполитанским знаков ордена св. Георгия за Гаэту.

Все варшавские notability[31] всех сословий, от Фиалковского и Замойского до Шленкера, подписали адрес, представленный наместнику. В этом адресе не выражается никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции конгресского царства, но только приносится е. и. величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши. Наместник принял адрес. Здесь его в этом обвиняют, хотя неизвество почему. Между тем вся Варшава в трауре, и коноводы движения, конечно, постараются faire mousser autant que possible le sang verse[32]. Кн. Горчаков, говорят,

сменил об. – полицмейстера и дезавуирует ген. Заболоцкого (дежурного), приказавшего выдать войскам боевые патроны.

23 февраля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Ждали государя, но он не приехал, потому что у него был прибывший из Варшавы ст. секр. Карницкий. Мне говорил Фредро, что Карницкий прислан от кн. Горчакова с положительным и категорическим признанием в невозможности продолжать прежний regime и в безусловной необходимости или сделать уступки и переменить систему, или править Царством со дня на день штыками и картечью. Карницкий говорит, что он не может остаться на службе, если требования кн. Горчакова не будут удовлетворены, что никто остаться на службе в Царстве Польском не может, одним словом, что струна была натянута донельзя и лопнула. Gouverner c'est prevoir[33]. Хорошо у нас предвидели и правили. Вел. княгиня сказала мне: que fautil faire en Pologne? – Changer de systeme, Madame. – Je le pense aussi; mais voici le ministre de l'interieur qui est flamboyant et parle de mesures de severite[34]. (Ланской!!) – Mais on a etc trente ans severe, Madame, et ou en est-on arrive?[35]{10}.

24 февраля. Утром в Комитете, вечером на рауте у кн. Горчакова. M-me Kalergi мне сказала, что, по отзыву ее отца (голубого гр. Нессельроде), все потеряли голову в Варшаве и в продолжение 2 дней городом управлял и все полицейские обязанности исправлял Комитет из граждан и обывателей. Убиты, конечно, большею частью невинные зрители, между прочим, француз, служащий в управлении железной дорога. Сегодня утром были позваны к государю Тымовский, Платонов, кн. Долгоруков и кн. Горчаков. О результате аудиенции Карницкого я не мог узнать ничего положительного.

25 февраля. Утром в Невском монастыре, потом в церкви, потом в Комитете, заходил к Вяземским. Встретил Фредро, который говорил, что в совещании у государя вчера участвовал, кроме Горчакова и Долгорукова, военный министр, что Платонов на сей раз говорил в смысле последнего отзыва наместника, т. е. в смысле необходимости перемены системы, что его поддерживал Сухозанет и что государь, несмотря на противоречия Долгорукова и Горчакова, решился не прибегать исключительно к силе. Написано в Варшаву о представлении ближайших со стороны князя-наместника предположений.

26 февраля. Утром у обедни. Был в Комитете и видел бега

на Неве. Одно национальное удовольствие. Много народу, и он смотрит с участием на это зрелище.

Третьего дня был у меня ген. от артиллерии бар. Корф и передал мне бумагу по тяжебному делу его брата, бывшего председателя Тобольской казенной палаты, с его женою. Редко читал что-нибудь гаже. Пошлые ругательства с постоянною примесью баронской спеси и возгласов насчет герба, дворянского достоинства, дворянских чувств, facon de voir d'un chevalier[36] и т. п. Между тем, этот chevalier[37] с гербом называет жену подлою тварью, подлянкою, говорит, что сказал ей: Il faut que vous recuiez (sic) la maison de voire presence[38] и пр. Из переписки видно, что жена дрянь, но и муж далеко не рыцарь. С этими навозными бумагами ген. Корф приехал ко мне прямо от государя в полной форме с лентою, принесши е. величеству благодарность за какую-то милость по случаю служебного юбилея. Нужно значительное притупление всякого рода чувств и полное обращение в юбилярную служебную «res», чтобы с легкой руки в александровской ленте высыпать перед незнакомым человеком такого рода скверный семейный сор.

Читаю oeuvres posthumes de Tocqueville[39], когда у нас будут так писать? Когда у нас будут Токвили?

27 февраля. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, у кн. Голицыной и кн. Суворова, которого застать дома невозможно. Вечером у министра, который сообщил мне на заключение проекты указов министру уделов по вопросу об устройстве удельных имений.

28 февраля. Утром у ген. Муравьева. Разговор шел, между прочим, о возможности его выхода из Министерства вследствие объяснений с государем. Когда я ему сказал, что, по моему мнению, надлежало бы обождать открытия нового комитета сельских обывателей, то он отвечал: mais vous concevez qu'il m'est plus avantageux de m'en aller plutot. Les choses n'iront pas. Il vaut mieux etre dehors avant la bagarre[40].

Заседание Комитета. Гр. Блудов рассказывал, между дрочим, что про княгиню Багратион, постоянно жившую в Париже, гр. Федор Пален говорил: «qu'une colonne ennemie l'avait coupee a la bataille d'Austerlitz et que depuis elle n'avait pas reussi a se degager»[41]. О наших законах Сперанский отзывался, что их надлежит писать неясно, чтобы народ чувствовал необходимость прибегать к власти для их истолкования. Гр. Блудов присовокупил: «Это, впрочем, была не его мысль, а мысль покойного государя». Различие между самодержавием

и деспотизмом гр. Блудов объяснял императору Николаю тем, что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться{11}. Завтра будет, говорят, eu Journal de St-Petersbourg un communique a propos des affaires de Pologne. – On ne tombe, disait un homme d'Etat, que du cote ou l'on penche. – Si nous tombons en Pologne, c'est done du cote des mesures de police substituees a des idees de gouvernement[42].

1 марта. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, где было 2-е заседание Петровско-Разумовского комитета. Обедал у Карамзина.

В «Северной пчеле» и «Полицейских ведомостях» напечатана статья Погодина по поводу крестьянского дела, где он рисует впечатление и первоначальные последствия, ожидаемые им от эмансипационного манифеста. Статья вообще хороша, но на ней лежит грубое погодинское клеймо в форме приглаженных «квасом» волос крестьян в этот высокоторжественный и высокорадостный для них день. Неужели нам нельзя и печатать без родного «кваса»!

В Варшаве, в ожидании отзыва государя на представленный ему адрес, охранение общественного порядка и все обиходное полицейское управление в руках граждан, студентов, даже гимназистов. И все идет гладко, спокойно, благопристойно. 19-е февраля торжествовано; город был иллюминован. Войска, официальная полиция и сам наместник – в стороне. Они как бы временно удалены от должностей и полуарестованы на квартирах. Сам кн. Горчаков, Муханов и К° дают нам пример d'un petit gouvernement provisoire a l'ombre de la bonne petite citadelle de Varsovie[43]. Можно ли придумать более полную, унизительную, подавляющую сатиру на всю систему нашего польского управления! Можно ли найти в истории более неопровержимое, явное, почти наивное сознание в своей неспособности, в отсутствии всякой нравственной силы, в несостоятельности всего того, что думано и делано 30 лет сряду? Это хуже Вены и Берлина в 1848 году. Завтра будет напечатан «en Journal de St-Petersbourg» польский адрес, в котором самодержцу всероссийскому говорится то, чего до сих пор никогда никакой народ не говорил так прямо никакому самовластителю, а именно, что, кроме принесения жертв (живых – victimes[44]), нет средства быть услышанным и что посему этот народ неутомимо приносит жертвы, одни за другими, – «en holocauste»[45]. Наместник Царства своими мерами, своим настоящим положением краснопречиво и неопровержимо

оправдывает эти слова. Что скажут в ответ на них? Несколько общелестных фраз, и попытаются поторговаться[12] с неотразимою необходимостью, и проторгуются!

2 марта. Утром заходил к Вяземским. Кн. Вяземский празднует сегодня литературный юбилей, или, точнее, другие его празднуют. Он назначен гофмейстером якобы для состояния при е. в. государыне императрице. Кроме того, прибавлено нечто к его аренде. Вел. кн. Елена Павловна написала к нему любезную записочку и прислала оную при букете из каких-то им некогда для нее воспетых цветов. Академики и друзья князя (их много) дают ему обед в здании Академии наук.

Был потом в Комитете.

Был на юбилярном обеде. Гр. Блудов, после «loyalty toast'a»[46] в честь е. величества и другого, мною не расслышанного тоста в честь императорского дома, или России, провозгласил беззвучным голосом (parlant comme les ombres de l'Odysse[47], по выражению Тютчева) тост в честь юбиляра. Кн. Вяземский читал ответную речь, весьма хорошо написанную. Жаль только, что он ее читал.

Плетнев читал приветствие от Академии и стихи Тютчева. Бенедиктов декламировал, а Соллогуб пел свои стихи. Погодин, нарочно приехавший из Москвы, сказал речь; наконец, немецкий lettre Wolfsohn[48] также произнес speech по-немецки и к тому бесконечный, а гр. Орлов-Давыдов, сказав speech по-русски, провозгласил тост в честь отсутствующего сына юбиляра. На обеде присутствовали многие сильные сего мира, и вообще празднество, по-видимому, удалось. (Жаль, что распорядители исключили многих современных литераторов из списка приглашенных к участию в обеде).

При всем том видно, что у нас в подобных случаях требования скромные и уровень невысок. С удовольствием ценю в кн. Вяземском дар привязывать к себе людей. У него действительно, друзей и доброжелателей много. Ценю этот дар тем более, что я его лишен совершенно. Нередко анализировал я себя в этом отношении. Знаю, почему я друзей не имею и не мог иметь, знаю, что в этом виноват не я…, но сожалею о себе и радуюсь за тех, у кого есть друзья.

Познакомился на обеде с Писемским, Майковым, Бенедиктовым и Погодиным.

3 марта. Был в французском театре. В 2 года первый раз. Впечатление – чувство удовольствия, что не бывал чаще. Я легко плачу, если пиэса трогательна, а это досадно; я скучаю, если

пиэса комическая, но в современном роде, т. е. фарс. Je n'aime pas le gros rire[49]. Нет, мне еще рано искать развлечений в этом роде. Осадок грусти и тоски на дне моего сердца приводится в движение. Мне как-то душно и тяжело, выходя из театра.

Обедал у Муравьевых. Зеленый сказал мне, что М. Н. думал и даже написал записку о присоединении Департамента сельского хозяйства к межевому корпусу, чтобы оставить это за собою, а Министерство якобы сдать! Это на него похоже. Вечером заходил к Вяземским, где видел Погодина и Тютчева, который говорит, что взгляды Зимнего дворца на польский вопрос est une fatalite dynastique et tient au sang Allemand[50].

4 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Завтра Манифест об отмене крепостного состояния читается в здешних и московских церквах. Сегодня с почтовым поездом отправились по Московскому тракту до 40 генералов овиты и флигель-адъютантов, командированных в разные губернии для наблюдения за ходом крестьянского дела. Великие дела не лишены некоторой доли камизма. Каждого из этих господ Бутков снабдил особым официальным чемоданом с официальным ключом и за печатьми. В этих чемоданах везутся новые крестьянские Положения, которые везущими должны быть сданы губернаторам.

Вечером был на концертном вечере в Зимнем дворце. Императрица n'a point paru[51] по неизвестной причине. Но были все вел. князья и принцы, и, кроме вел. кн. Елены Павловны и Екатерины Михайловны, все прочие вел. княгини. Вел. кн. Михаил Николаевич говорил со мною о крестьянском деле, выражая уверенность в благополучном его исходе. Государь вспомнил о посылаемых мне теперь ежедневно губернаторских отчетах и сказал мне: «Я тебя теперь бомбардирую». Вел. кн. Ольга Николаевна оказала мне внимание приглашеньем к ужину за ее столом. Гр. Потоцкий (камергер, по случаю любезности его жены, не весьма обладающий камергерскими и вообще порядочньши манерами) уверял меня que la voix publique me nomme president du Conseil d'administration a Varsovie[52]. Спасибо. Он не сказал мне, что Муханов уволен.

5 марта. Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, Манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного

введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года!» или: «Так только через два года!», – слышалось большею частью и в церквах, и на улицах. Из Москвы тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось спокойно «благодаря принятым мерам».

Государь на разводе собрал офицеров и сказал им речь по поводу совершившегося события. При выходе из манежа народ приветствовал его криком «ура!», но без особого энтузиазма. В театрах пели «Боже, царя храни!», но также без надлежащего en train[53]. Вечером никто не подумал об иллюминации. Иностраницы говорили сегодня: «Comme votre peuple est apathique!»[54]. Это не столько апатия, сколько сугубое последствие прежнего гнета и ошибок во всем ходе крестьянского дела. Правительство почти все сделало, что только могло сделать, чтобы подготовить сегодняшнему Манифесту бесприветную встречу.

Утром был у обедни. Потом на рысистых бегах. Вечером у гр. Блудовой и у Мещерских.

6 марта. Утром в Комитете, в Министерстве и у кн. Щербатовой. За мной посылал кн. Вяземский, чтобы посоветоваться на счет адреса от имени Правительствующего сената, имеющего быть представленным государю в ответ на Манифест. Сенаторы положили «не благодарить и не поздравлять», но верноподданнически отозваться на Манифест. Каждый Департамент избрал редактора. Затем из всех редакторов избран кн. Вяземский, а он выпросил себе в сотрудники сенатора Пинского (Карниолини), который должен был приехать к нему сегодня вечером. Между тем проект адреса был уже написан и на совещании со мною подвергся только немногим изменениям.

Вечером был у гр. Блудова и у Вяземских, где по древнему обычаю дамские вечера не клеятся.

Из Польши все те же вести. Временное правительство прекратило свои действия, и правительство наместника восстановлено, но обнаруженное бессилие его лежит на нем тяжкою гирею, опутывает его колючими веригами. Здесь краснеют пред претерпенным и претерпеваемым там уничижением, но не знают, на что решиться, за что взяться, с чего начать и к чему идти.

7 марта. Утром в Комитете. Заходил к Шувалову, который показал мне превосходно продуманное и написанное им мнение в ответ на предложение некоторых дворян ходатайствовать

о созыве чрезвычайного собрания дворянства и о принятии в соображение правительством претерпеваемых дворянством убытков вследствие эмансипационной реформы. Шувалов доказывает, что говорить об убытках рано, что предаваться раздражительным прениям несвоевременно, и что вообще подобная система действий со стороны дворянского сословия по соответствовала бы ни его достоинству, ни настоящему значению, ни будущему призванию.

Вечером был у меня Маврос. Умен. Из его речей видно, между прочим, как у нас уже глубоко проникли понятия о либеральных формах правления. Мы опираемся на войско, а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует.

8 марта. Утром в Комитете и в Министерстве, где было 3-е заседание Петровского комитета. В городе ходят слухи о каких-то новых столкновениях в Варшаве.

9 марта. Утром в Комитете и у гр. Блудова, который сообщил мне записку статс-секретариата Царства Польского о введении в действие в Царстве органической грамоты 1832 г., доселе в действие не введенной. Эта записка будет рассматриваться в назначенном на 11-е число заседании Совета министров.

Я воспользовался представлением губернаторских отчетов для испрошения у государя высочайшего повеления и сообщения начальникам губерний чрез министра внутренних дел всех высочайших резолюций и отметок, по отчетам последовавших. Государь согласился с характеристическою оговоркою: «Кроме подлежащих тайне, потому что, к сожалению, опыт доказал, что их в Министерстве внутренних дел иногда употребляют во зло». И привел два примера.

Вечером был у меня Вилькен из Варшавы. Он метко говорит, что жертвы 15-го февраля для поляков «des oncles d'Amerique» – On en porto lc deuil; mais on en herite[55].

10 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Государь отклонил принятие адреса Сената. Слышно, будто бы не желают признать за ним право представлять адресы. Если можно представлять приветный адрес, то, говорят, можно было бы представить и неприветный. Кн. Вяземский замечает, что de ce qu'on a le droit de souhaiter le bonjonr au quelqu'un il no s'en suit pas encore qu'on ait le droit de lni dire d'aller au diable[56]. Полагаю, что главную причину непринятия адреса следует скорее искать в огласившемся, вероятно, обстоятельстве, что Сенат не хотел «ни благодарить, ни поздравлять».

11 марта. В ½ 7-го час. утра фельдъегерь привез изустное приказание государя отложить Совет министров до 14-го числа. Государь сегодня причащался св. тайн и до 3-х часов утра, по словам фельдъегеря, молился. Был утром у Ланского, который довольно здраво говорил о польских делах. Я старался доказать ему необходимость перемены системы. Потом был в Комитете и у кн. Суворова.

Вечером в Политико-экономическом комитете. Многочисленное собрание. Из пустого в порожнее переливали довольно плохие речи по вопросу о колонизации порубежных областей.

Встретил у Ланского гр. Муравьева-Амурского. Il n'a plus allures d'un astro ascendant[57]. Видно, что ему как-то неловко, что его не прочат в Варшаву.

Гр. Стенбок уведомил меня поздно вечером, что я избран в члены Английского клуба.

12 марта. Утром у обедни. Заходил к Щербатову и Ославиным.

Сегодня нечто вроде организованной властями крестьянской демонстрации. Я не видал ее, но говорят, что у Зимнего дворца собралось до тысячи, до двух тысяч или до двухсот (varias fama voces habet[58]) крестьян. Депутация из 12-ти человек была допущена к государю и поднесла хлеб-соль.

Из Варшавы получены от кн. Горчакова новые предположения, составленные, как слышно, марграб'ом Велопольским. Совет министров назначен по сему поводу па завтра. Карницкий, который был у меня вечером, говорил, что они отчасти идут далее, отчасти не столь далеко, как предположения, составленные им вместе с Платоновым и Тымовским.

Был вечером у Ланского. Еще раз встретил там Муравьева-Амурского и еще раз вынес из этой встречи впечатления, что он ниже своей репутации и даже не умеет нести этой репутации с достоинством. Видел Милютина. Кисель.

Потом заезжал в Английский клуб.

13 марта. Совет министров. Вынес из него самое тяжелое впечатление. Кроме обыкновенно присутствующих 15-ти членов, были приглашены гр. Сергей Строганов, бар. Мейендорф. Тымовекий и Платонов.

Государь открыл совещание упреком в несоблюдении тайны насчет того, что в Совете происходит, и сослался

на перепечатание в «Колоколе» всего сказанного им в предшедшем заседании Совета по крестьяпскому делу. Потом е. величество вкратце рассказал варшавские события, прочитал письмо и записки, полученные от наместника, и при этом неоднократно дал заметить, что недоволен тем, что делалось и теперь делается в Варшаве и в Царстве Польском. Потом мною была прочитана записка, составленная Тымовским, Платоновым и Карницким, с изъяснением мер, которые, по их мнению, могли бы быть приняты для удовлетворения справедливых просьб и надежд Польши. Сущность их: введение в действие доселе не введенного в действие органического статута 1832 года с некоторыми переменами; восстановление Государственного совета с упразднением кодификационной комиссии, призвание в оный по назначению почетных обывателей и чипов местного управления; образование губернских и уездных советов; образование муниципалитетов в городах. Затем я прочитал проект указа и expose de motifs[59]. составленные Велопольским и присланные кн. Горчаковым, как предположения, им одобренные и настоятельно рекомендуемые.

Во время чтения гр. Блудов, один из двух еще живых редакторов статута 1832 г. (гр. Нессельроде – другой), заметил, что в сущности ничего не введено было в действие из того, что в статуте было предложено.

Начались толки, не могу назвать их ни совещанием, ни прениями. Сущность заключалась в следующем:

Гр. Адлерберг. Ввиду нынешних обстоятельств и ради спешности дела – в пользу предположения наместника.

Гр. Панин. Находит, что стеснение жителей Царства и недостатки тамошнего управления преимущественно и даже исключительно относятся до части народного просвещения. Избирательное начало в городах опасно. Бургомистров и ратманов лучше назначать от правительства. Различие между дворянами и недворянами должно быть сохранено. Государственный совет следует восстановить; кодификационную комиссию упразднить. Улучшить часть народного просвещения. Действовать постепенно и осторожно в отношении к реформам (je n'ai jamais rien entendu de plus creux que la parole d'ailleurs sonore et coulante du Cte Panine[60]).

Гр. Строганов. В Варшаве революция. К государю обращаются мятежники. Aucune concession. Wielopolski et Zamoyski au lieu d'avoir voulu etre les martyrs de la bonne cause (!!!) sont les conspirateurs[61].

Кн. Горчаков. Un gouvernement fort peut ameliorer. Ses concessions ne sont pas faiblesse. Point de concessions successives

pour ne pas exciter d'esperances irrealisables. Il faut sur le champ en tracer les limites et achever l'oeuvre ici, la faire complete sans correspondances preambles avec Varsovie. Il faut se hater. De nos jours le temps devoue mais ne consolide pas[62].

Platonoff. Il n'y a pas de concessions. Le statut organique existe. Il s'agit de l'executer[63]. Tymowski. То же.

Гр. Блудов. Соединяется с кн. Горчаковым. Кроме того, полагал бы вызвать из Царства для подробной разработки предположений о местных улучшениях экспертов из местных обывателей.

Его величество имел ту же мысль. И он хотел вызвать оттуда благонадежных лиц и писал о том кн. Горчакову. При этом государь недоверчиво отозвался о Замойском и сказал, что кн. Горчакову известно, что он в сношениях с Парижем. Из отрывка письма Горчакову (наместника) видно, что, по отзыву самого Замойского, il a dechaine le diable et ne sait plus comment le dompter ou le conjurer[64].

Бар. Мейендорф. L'une les limites a tracer c'est que l'on ne prejuge pas aux interets de l'Empire. Le Conseil superieur propose par Wielopolski et ou siegeraient des eveques, des representants des villes et des representants des conseils de palatinats, lui semble dangereux. Les sessions par convocation sont une sorte de representation nationale[65].

Ланской. Monosyllabes d'adhesion[66].

Вел. кн. ген.–адмирал prefere un Conseil permanent. Pas de convocations[67].

Чевкин. Нельзя торопиться. Выборное начало полезно в низших сословиях, следовательно, в городах. Наши главные враги – высшее сословие. lis font passer pour l'opinion publique leur propre fagon de voir[68]. Забыто в предположениях статс-секретариата сословие крестьян. У них нет представителей; Восстановить Государственный совет, который может принять в себя, что нужно. Ввести в действие статут 1832 года. Избегать центральных представительств. Лучше 39 уездных. Они мельче. С ними легче оправиться. Кроме того, нужно бы назначить и местные советы коронных председателей.

Гр. Строганов. Нам следует опираться на низшие сословия.

Государь начинает обнаруживать нетерпение. Постановляются вопросы. Кн. Долгоруков три раза указывает на ст. 53 и 54 Органического статута, обещающие представительные собрания областных чинов. Е. величество их сам прочитывает. Кн. Долгоруков намекает мягко и робко на то, что надобно ожидать, что меры, по-видимому, одобряемые Советом, не удовлетворят на местах. Вопросы повторяются. Никто

не решается прямо сказать своего мнения. Е. величество говорит, что, по-видимому, все согласны принять предложения статс-секретариата. К ним прибавляют допущения в Государственный совет 2-х епископов или прелатов и, по предположению Велопольского, отделение народного просвещения и дел духовных от Комитета внутренних дел. Допускается эвентуально назначение Велопольского директором этой новой части управления: Под конец все происходит так неотчетливо, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю сам, что принято, что не принято. Государь приказывает, чтобы главные черты одобренных мероположений сегодня ж были сообщены наместнику по телеграфу, и возлагает редакцию на кн. Горчакова вместе с Платоновым и Тымовским. Кн. Горчаков предлагает этим господам немедленно заехать к нему и приглашает, неизвестно почему, пр. Панина к участию в этом труде. Гр. Панин отнекивается, но под конец, по-видимому, соглашается. Затем я читаю записку об учебной части.

Гр. Строгано в отзывается весьма неблагоприятно о наших университетах.

Кн. Горчаков, имея в виду, что в записке статс-секретариата предлагаются в разрозненном виде все составные части университета, просит, чтобы совокупность их решились назвать университетом.

Ковалевский слабо поддерживает.

Е. величество passe outre peremptoirement[69].

Чевкин восстает против вольных слушателей.

Гр. Строганов тоже.

Муравьев за них заступился, но государь, видимо, не хотел его слушать.

Совещание принимает бессвязную форму. В конце оного я опять не знаю в точности, на чем остановились. Но другие, по-видимому, счастливее меня. Горчаков возобновляет Панину, Платонову и Тымовскому приглашение отправиться к нему. Заседание закрывается. Vous n'etes pas content[70], – сказал мне, уходя, кн. Долгоруков.

Mon prince, vous verrez les consequences et vous en jugerez[71].

Заседание началось с признания, что ни одно из заключающихся в статуте обещаний не было исполнено в течение 30 лет. Оно происходило ввиду событий, самым резким и тягостным образом обнаруживших несостоятельность 30-летней системы управления, но ни один голос не возвысился до признания явных, несомненных ошибок и неправд. Ни один голос не обратился к сердцу государя. Ни одна благородная струна души не была затронута. Никто не подумал, не упомянул

о том, что вытерпела или перетерпела Польша в это 30-летие, и о том, что если крамолы продолжались и продолжаются, то мы собственными ошибками и неумением вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признал (кроме кн. Горчакова, и то только мимоходом) крайности современных обстоятельств.

Хотя действия и положения наместника о них свидетельствовали и хотя самый факт созыва Совета для обсуждения не мер подавления крамолы, а предположений наместника и статс-секретариата доказывает, что мы считали себя кое в чем связанными или как бы провинившимися.

Говорили о воспитании, о постепенном образовании какого-то{13} <несбыточною противодействия средних и низшего сословий высшему, но никто не заикнулся о страшной ответственности кровавых принудительных мер, никто не вспомнил о значении единодушия, ныне обнаружившегося во всех слоях польского народа, и не дерзнул коснуться вопроса о его общечеловеческих стремлениях и правах.

Не хотели делать уступок и не заметили, что их делают, забыли, que des concessions faites de mauvaise grace sont les pires que l'on puisse faire[72].

Государь был предрасположен к лучшему результату, голос гр. Панина дал всему совещанию то направление, от которого впоследствии гр. Строганов, Чевкин и другие не позволили ему уклониться.

Меня огорчают преимущественно несостоявшиеся в Совете определения. Быть может, нам необходимо на первый раз выиграть время; быть может, эти определения и удовлетворяют на время Варшаву; быть может, к лучшему и то, что они не удовлетворяют Варшавы и Царства. Меня огорчают речи, мною слышанные, лица, мною виденные. Меня огорчает, оскорбляет и уничижает тот полицейский уровень, на котором так плотно держались все члены царской Думы. Повторяю, ни одного благородного слова, ни одной смелой мысли, ни одного широкого размаха, ни одного возвышенного и ни одного теплого чувства{14}.

14 марта. Утром в Комитете. Сегодня кн. Горчаков, Тымовский, Платонов, гр. Панин, кн. Долгоруков и Чевкин (двое последних по желанию государя) собирались после заседания Государственного совета у кн. Горчакова для написания грамоты или указа о польских концессиях. Ответа на вчерашнюю телеграмму нет. Но есть известие о некоторых частных беспорядках 13-числа. У ген. Абрамовича, Эноха и на станции

железной дороги выбиты стекла. За Мухановым, который уехал на почтовых, до первой станции железной дороги в Пруссию гнались, но не успели его захватить. Платонов посылается в Варшаву завтра с грамотою. Поздно. Кн. Долгоруков, которого я видел у кн. Суворова, говорил, пожимая плечами, о Панине и Строганове, а собственную свою нейтральность или вялость объяснял тем, «que c'etait un parti pris chez l'empereur et que par consequent on aurait pu seulement faire une demonstration de principes sans obtenir d'autre resultat que de rendre la position de s. m. plus embarrassante»[73]. Он справедливо замечает, что и предложения Велопольского были недостаточны для удовлетворения поляков и что нужно было бы «aller au dela»[74], но присовокупил «qu'il n'y a pas encore aupres de s. m. de conseilleur qui puisse etre l'organe d'opinions et l'avocat de mesures hardies et larges»[75]. Очевидно, что главную роль в этом деле играет кн. Горчаков.> {15}

<15 марта> …….

…лась, но сего после долго общая буря, а по делу о переводе в Москву Румянцовского музеума чуть-чуть не вцепились друг в друга гр. Блудов, гр. Адлерберг и пр. Ольденбургский. Обедал у Хрептовичей, между прочим, с лордом и леди Нэпир. Вечером был у меня Эгтинген.

Платонов и Карницкий отправились в Варшаву. Указ или грамота подписан. Из Варшавы ничего нового не слышно.

16 марта. Утром в Комитете. Заходил к гр. Медему. Здесь теперь все четыре остзейские дворянские маршалы. Кн. Суворов вместе с ними намерен поднять вопрос о смешанных браках и о восстановлении des liberies de l'eglise Luterienne dans les provinces de la Baltique[76]. Они намерены опереться на Ништадтский трактат. Кн. Суворов меня о том спрашивал. «Si vous parlez au nom des droits imprescriptiblcs de l'humanite, – сказал я, – je serai toujours pour la liberie des croyances; si c'est au nom du traite Nystadt je serai toujour centre son application en cette matiere comme en toute autre»[77].

Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Музыка, Kindersymphonie Бетховена, удушливая жара и т. п. Вел. кн. Константин Николаевич спросил меня, доволен ли я результатом совещания Совета по польскому вопросу. Я отвечал уклончиво, что не знаю, можно ли было постановить что другое, но присовокупил, что с прискорбием слышал все то, что в Совете было говорено, потому что оно доказывает, что члены Совета не знают Польши и не видят размеров тамошнего вопроса. Я упомянул о Панине

и Строганове. Вел. князь сказал, что Строганов удивил его, что он ожидал человека с либеральными взглядами, а не закоснелого крепостника.

В этом деле, – сказал он, – я защитник системы благоразумных уступок. Я заметил, что когда отдельные человеческие личности делают ошибки, то не допускаются притязания, чтобы эти ошибки им сходили с рук даром; мы 30 лет ошибались и думаем, что можем довольствоваться тем, что, наконец, благоволили заметить ошибки, но не хотим признать и допустить их неизбежных последствий. Да, сказал вел. князь, эти 30 лет мы будем не раз помнить.

Фредро уверяет, что умеренная партия в Варшаве хороши приняла сообщение об уступках 13-го числа.

17 марта. Утром в Комитете и Министерстве, где я председательствовал в Комитете по петровско-разумовскому делу. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером в Михайловском театре, куда никто не ездит слушать Levasseur, благодаря назначенным им высоким ценам. Всего занято было пять лож. Видел Тымовского, который говорит, что сегодня послано в Варшаву известие о назначении Велопольского директором de l'instruction publique et des cultes[78]. У Нессельроде после обеда имел длинный разговор с Тимашевым, который dans les mecontents[79] и говорит, что скоро оставит службу. По его мнению, статьи в «Колокол» пересылаются Головниным. Pour rester au service a present, – говорил он, – il i'aut un devouement personnel sans limites. Je l'avais pour l'empereur Nicolas. Je ne l'ai pas pour l'empereur Alexandre. Pour les principes, oui, pour la personne, non.

L'empereur se fait illusion sur ce qui se passe. Il est despote au fond de l'ame. Il m'a dit lui meme qu'on lui passerait sur le corps plutot que d'obtenir capitulation, et cependant nous y marchons[80]. Последнего не вижу. В академических ведомостях и других газетах теперь печатается ряд бездарнейших статей по крестьянскому делу.

18 марта. Утром в Комитете. Обедал в Английском клубе. Обед годовой in fiocchi[81]. Speech'и герцога Монтебелло, лорда Нэпира, гр. Орлова-Давыдова, Толстого. Ничего особого. Веригин (ex-моряк) также сказал спич, в котором пригласил к более усердной подписке на памятник А.С. Пушкину. Музыка проиграла туш; не расслышавши тоста, слушатели закричали «ура!», и никто не подписался. Кн. Долгоруков сказал мне, что на место Муханова назначен в Царство Польское директором комиссии внутренних дел ген.-м. Гецевич.

19 марта. Утром у обедни. Затем целый день дома, за работой для министра государственных имуществ во исполнение данного ему обещания написать очерк хозяйственного устройства государственных крестьян по части наделов и повинностей.

20 марта. Утром в Комитете. Вечером заходил к гр. Блудову. Остальное время дня за работой. Читал 2-й выпуск материалов по крестьянскому делу, печатаемых в Берлине. В них много фактов умышленно искажено, наприм., весь эпизод о Шувалове и Паскевиче. Этот 2-й выпуск имеет решительно милютинский оттенок.

21 марта. Утром заседание Комитета. Вечером дома.

22 марта. Утром в Комитете и в Министерстве, где было заседание Петровско-Разумовского комитета. Обедал у Карамзина. Потом заезжал в заседание Политико-экономического комитета, где присутствовал вел. кн. ген. — адмирал и были гр. Муравьев-Амурский, Литке, Милютин (товарищ военного министра), Игнатьев junior[82] и другие notamlites[83].

Все они довольно бодро переносили скуку слушания произносимых речей о колонизации штрафных и нештрафных, о Нов. Голландии, Ван-Диемене, Амуре и пр. и пір. Вечером заезжал ко мне кн. Урусов (ген. — ад.), отправляемый в Варшаву, чтобы предварить меня о разговоре на мой счет с кн. Горчаковым. Предметом разговора было отправление меня самого в Варшаву. «Gorischakoff est tres frappe de cette idee»[84]. Этого недоставало.

23 марта. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Видел вел. кн. Марию Николаевну. Она стареет скорее сестры своей Ольги. Кн. Долгоруков и кн. Суворов по-прежнему font les petits coeurs aupres d'elle[85].

24 марта. Утром в Комитете. Дома. Сплин.

25 марта. Утром у обедни. Обедал в клубе. Меж людей грустно.

26 марта. Утром получил известие о рождении внучки Марии. Да благословит ее Бог на поприще жизни. Был у Вяземских утром и вечером. Был у обедни и в Казанском

соборе. Сюда приехал варшавский Муханов.

27 марта. Муханов был у государя и, говорят, принят очень хорошо. Он рисуется жертвою не только нынешних событий, но и вообще горчаковской администрации. Впрочем, он отчасти, конечно, не один и не главный виновный. Между тем его приезд сюда и его рассказы не принесут пользы. Он не может не смотреть на вещи и не говорить односторонне.

Коцебу уволен, т. е. фактически, от должности начальника штаба, на его место назначен Крыжановский, начальник артиллерийского училища, под именем помощника.

Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

28 марта. Заседание Комитета. По словам Муравьева, из Варшавы получены известия о новых беспорядках. На сей раз будто бы убитых 10-ть со стороны поляков и 5-ть со стороны войск. Еще за два дня пред сим у нас находили, что все в Варшаве идет ладно и радовались закрытию Агрономического общества, не замечая, что это именно <……>

(Из Литвы и Вильно также сведения о разных манифестациях. Заволакивается наш горизонт.

Сегодня в Комитете гр. Блудов не только цитировал, но почти пропел среди заседания стихи Беранже: Plaignez moi, mes amis; j'ai deja cinquante ans…[86] или нечто в этом роде.

29 марта. Тосканское двустишие. Guelfa non sono ne Ghibellm m'appello. A chi mi paga bene fa di capella[87].

Утром в Комитете. Потом в Министерстве государственных имуществ заседание Петровско-Разумовского комитета. Сегодня напечатаны в «Journal de St-Petersbourg» и других газетах известия о новых варшавских событиях.

Вилькен, заходивший ко мне вечером, слышал от бар. Розена (шталмейстера вел. кн. Елены Павловны), что снова поговаривают о назначении меня в Варшаву.

30 марта. Утром в Комитете. Вечером был у меня кн. Мещерский (гофмейстер вел. кн. Екатерины Михайловны) и нес всякого рода чушь насчет польских дел.

31 марта. Утром в Комитете. Читал en Revue des deux mondes статью о посмертном творении Линнея Nemesis divina[88]. Во многом словно отголосок моей собственной мысли: Innocue vivito numen adest[89].

1 апреля. Утром в Комитете и на выставке художественных произведений в Академии. Обедал в клубе. Какое отталкивающее существо Г…) были одновременно арестованы два других студента: кн. Оболенский и Пащенко. Оболенский был сослан в Пермь. Его сестра сошла с ума и впоследствии умерла. Он сам не выдержал несчастья и упал нравственно. Обвинение заключалось в вольнодумстве, чтении запрещенных книг, связи с профессором Descamps и предосудительных речах насчет государя. Дело было в 1831 году. Доносчиком был другой студент. Петров. В похвалу государю следует оговорить, что он повелел Петрова исключить из университета и в службу не принимать. Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo[90]

2 апреля. Утром у обедни. У Вяземских, у Ивлавиных. Сегодня в газетах более подробное извещение о варшавских событиях. Явные недоговорки и вообще изложение неудачное.

Хрущов решительно сходит с ума. Он на днях давал завтрак в день рождения жены и, выпивши за ее здоровье, присовокупил, что хотя ей за 30, она еще не имеет надобности припоминать песню:

Combien je regrette
Mon bras si dodu
Et le temps perdu[91].

Он всем рассказывает свои прежние bonnes fortunes[92], просит о выписке для него зубров из Беловежской пущи и пр. и пр. А Головнин говорил мне в 1858 году, что государь император «reserve a Ghroutschoff un des premiers portefeuilles qui se trouveront disponibles»[93].

3 апреля. Утром в Комитете. Говорят, из Варшавы получены неблагоприятные вести. У меня был Муханов. Он слагает вину последних событий па кн. Горчакова, Панютина, Кодебу и пр. До его словам, полиция ничего не знала, ни к чему не приготовилась. Войск было всего три полка Сифианос и Энох наперерыв советовали уступки. Кн. Горчаков ни на что не решался. Но сам Муханов, министр внутренних дел Царства, к чему же был приготовлен и что же знал? В прусских газетах сегодня напечатано, что 27 марта кн. Горчаков по требованию толпы приказал войскам удалиться. Неудивительно, если после того он 28 числа был принужден тем же войскам приказать стрелять.

Вечером был у гр. Блудова и у Мещерских. У гр. Блудова

слышал Погодина, читавшего сумасбродную статью об эманципации. Заставь Мишку любезничать, он лоб расшибет. Статья выходит из пределов вероятия. Погодин, ввиду совершившегося у нас чуда, приглашает Вильберфорса, Бентгама и пр. «класть земные поклоны» (sic), затыкает за пояс на бегу Монтескье. Маколея, Гиббона, Гизо и пр., объявляет, что у нас нет уже никаких сословных различий, находит, что завтра крестьянин может сесть на место «любого министра» (sic), говорит, что до 19 февраля мы могли по своему произволу «страмить, истязать и ссылать в каторгу» (sic) 23 миллиона людей, которые теперь, видимо, очутились людьми в полном смысле слова, а прежде были вещами; что, кроме того, у нас 70 миллионов людей теперь поземельные собственники, что Фурье. Овен, Сен-Симон могут у нас теперь видеть готовые «фаланстеры» (sic). а именно село Богоявленское, село Пятница-Берендеева и т. п. и пр. и пр. Нечего сказать, хороши мы, зрелы мы, разумны мы.

Эта чушь читалась у председателя Государственного сонета и Комитета министров при кн. Вяземском, Тютчеве. Делянове и гр. Антигоне, которая во время чтения соблаговоляла предлагать легкие исправления, между тем как г. председатель правительственных конклавов улыбался и выражал по временам сомнения насчет согласия цензуры. На сей раз цензура поможет, она остановит или изувечит статью. Мне почти жаль.

4 апреля. Утром в заседании Комитета, где гр. Блудов с непостижимым упорством защищал интересы откупщика Кокарева. Вечером был у английского посла на официальном приеме. Хрущов признан умопомешанным.

5 апреля. Утром в Комитете и в Министерстве, по случаю заседания Петровско-Разумовского комитета. Обедал у гр. Хрептович с блистательными дамами кн. Меншиковою, кн. Кочубей, кн. Паскевич и некоторыми фешианабельными кавалерами: «a distinguished party»[94]. Кн. Меншикова в воскресенье уезжает в свою баден-баденскую виллу. Она три года не была в России. Приехала на зиму и опять едет. Жаль. Наши дамы – не русские дамы.

Вечером у гр. Блудова. Раут в честь его рождения. «Вы большие, вы очень велики», – оказал мне кн. Горчаков. – Я довольно длинен, князь. – «Будете еще больше: я вам за это отвечаю». Что это значит? Он сегодня обедал во дворце. Недаром эти слова. Да будет мне Бог в помощь.

6 апреля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены

Павловны. На сей раз были и государь, и императрица, которая спросила меня, обедал ли я у цесаревича? Следовательно, предстоит у него обедать на днях. Шувалов (Департамент общих дел) сказал мне, что ему предложено занять место Тимашева. Он, видно, уже решился принять это место (je l'admire mais ne l'imiterais pas[95]), но говорит, что предъявил в подробности свои условия, заключающиеся, между прочим, в том, чтобы III отделение не простирало своих притязаний на круг действия судебных мест и чтобы Царство Польское не было отделяемо по делам высшей полиции от империи.

7 апреля. Утром у ген. Муравьева по случаю присланной ко мне от государя записки ген.–ад. кн. Васильчикова о крымских делах. Васильчиков во всем подтверждает показания Тотлебена.

В военном министерстве что-то неладно. Сухозанет и Милютин в дурных отношениях. Второй явно высказывает свое неудовольствие. Первый также недоволен. В Министерстве внутренних дел также, должно быть, разладица. Иначе бы Шувалов не вышел. Польские дела in status quo, т. е. не принимают оборота к лучшему. Одним словом, куда ни посмотри, всюду кризис.

Статья Погодина сегодня напечатана, но со значительными пропусками. Остались, впрочем, земные поклоны Вильберфорса и фаланстерии села Богоявленское, Спас-Берендеевка и пр.

8 апреля. Утром в Комитете. Обедал в клубе. Вечером в заседании Политико-экономического комитета, где, по случаю назначенного по программе занятий совещания о последствиях разрешения крестьянского вопроса, было до 150 человек членов и посетителей. Присутствовали вел. кн. ген.–адмирал, гр. Блудов, Чевкин, Княжевич, с. – петербургский губернский предводитель дворянства гр. Шувалов, лифляндский и эстляндский губернский предводители гр. Кейзерлинг и Эттинген и пр. и пр. Председательствовал Левшин. Прения и весь спектакль заседания были самого жалкого свойства. Впрочем, иначе и быть не могло, а если можно чему-нибудь удивляться, то разве только легковерности, с которою вел. князь поддался советам Головкина насчет пользы поддержания Комитета своим присутствием в последние три заседания. В прениях участвовали все одни и те же лица, с тою же комическою самоуверенностью, с тою же бездарностью и с тем же неумением делать дело, за которое они берутся. Все собрание ограничивается присутствием при словесном ратоборстве двух-

трех записных языков Комитета: Вернадского, Безобразова, Тернера, Калиновского и еще кое-кого под ту же мерку. Эти господа толкуют каждый по нескольку раз, рассыпаются градом общих мест насчет «науки» Франции, Англии, поземельной собственности, ассоциационных теорий, банков, выкупа и пр. и пр., сами себе выдают грамоту на звание экономистов и передовых людей, не приходят пи к какому практическому заключению, не разбирают никакого противоположного мнения и явно заняты только самими собою и наивным потешением своего самолюбия. Наивное употребление их «я» доходит до комизма.

Таким образом Безобразов заявил, что он «готов содействовать выкупу». Чем? «Серьезным приглашением высших классов к соблюдению их интересов в этом деле». Вообразите, какое бедствие, если бы Безобразов вместо того сказал бы: «я не готов содействовать выкупу и не обращусь к высшим классам с серьезными приглашениями!»

9 апреля. Утром у обедни. Затем целый день дома. Гр. Нессельроде (pater) присылал мне статью, напечатанную в «Курьере варшавском» по распоряжению Велопольского. Из нее видно, что теперь правит делами Царства не кн. Горчаков, но Велололльский. Статья хорошо и ясно высказывает причины упразднения Земледельческого общества. Затем был у меня Нессельроде filius и сказывал, что увольнение Тимашева дело завершенное, как он сам от него слышал. Нессельроде горою стоит за Тимашева и Герштенцвейга. Он говорил: «je suis mtimement lie avec l'un et Fautre»[96].

10 апреля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова. Он продолжает заботиться о Кокореве.

11 апреля. Утром в Комитете, где заседание продолжалось до 1/2 5-го часа по делу австрийского подданного Токарского, у которого ребенок остается некрещенным другой год, потому что отец, женатый на православной, но сам католик, не соглашается на окрещение оного по обряду православной церкви. Гр. Блудов и Чевкин почти с неистовством настаивали на точном соблюдении закона. С ними согласилось большинство других членов.

Вечером дома. Нездоров.

12 апреля. Целый день дома по нездоровью. У меня был приехавший из Варшавы Блюменфельд. По его рассказам,

бестолковость распоряжений местного начальства превышает все, что мы об ней уже знали. Положение дел самое натянутое, и мы еще не сделали ни одного решительного шага к лучшему.

13 апреля. Заседание Совета министров. Кроме двух пустых вопросов о производстве в чины дворянских предводителей и о разрешении ген.–ад. Демидову разыграть в лотерею его Суксунские заводы, обсуживался вопрос о мерах надзора за университетскими студентами и об улучшении вообще состояния и направления наших (университетов. К этому делу был приглашен гр. Строганов. Не постановлено решительного заключения, но поручено особому комитету, составленному из гр. Панина, гр. Строганова, кн. Долгорукова и Ковалевского, рассмотреть предположения, изложенные в читанной сим последним записке. Главные из них: отмена мундиров, 17-тилетний возраст для поступления в университет, строгие приемные экзамены, отмена прав на чин, кроме кандидатов (потому что это первая ученая степень), учреждение университета в Вильне для отвлечения собственно польских студентов от наших университетов и безусловное требование платы за лекции, от которой ныне половина студентов освобождается. Совещание по этому предмету продолжалось 2 1/2 часа большею частью в виде того, что на английском парламентарном языке называется «desultory conversation»[97]. Общее впечатление, как и в предшедшее заседание, самое печальное. Мы словно в черной котловине, исходного пути не видно. Государь не замечает, что перед ним дилемма: вести дело новою стезею или не вести его вовсе. Его советники или сами того не видят, или не имеют духа ему это высказать. Гр. Строганов и ген. Чевкин разными путями и по разным побуждениям близко подходили сегодня к этому коренному вопросу, но первый не настоял, а последний отшатнулся. Гр. Строганов сказал, что предлагаемые министром народного просвещения меры недостаточны, имеют только полицейское значение и не устранят зла в его корне; что мы не знаем, к чему нас ведет правительство; что благонамеренные представители консервативных начал не могут писать, пока вместо репрессивных законоположений по делам печати существует превентивная цензура; что для дальнейшего развития на исторической почве нужно твердое установление и последовательное соблюдение известных начал; что уже теперь никто но решится писать в пользу начал безграничного самовластия{16} и что нужно знать, имеет ли его величество в виду нас вести к конституционным формам правления или нет. (Все это, впрочем, было высказано

в несколько приемов, а не в один раз). Государь сначала не заметил всей важности вопроса и, улыбаясь, сказал, что, кажется, не может быть никаких сомнений насчет видок правительства. Впоследствии он яснее дал почувствовать, что не имеет конституционных планов, но не заметил, что, говоря об улучшениях и соглашаясь, по-видимому, с гр. Строгановым насчет необходимости исторического развития, нельзя было миновать сугубого вопроса: в чем же именно могли заключаться эти улучшения и это развитие? Неужели можно допустить предположение, что все это должно ограничиться кабинетного деятельностью господ министров и что жажда улучшений и развития, однажды возбужденная или проснувшаяся в мыслях, утолится прежними ниспосыланиями законодательных и административных благ в виде сенатских указов и законодательной манны Государственного совета и Комитета министров? Неужели 30-летний опыт не обнаружил, что все это не приносит ожидаемой пользы и что вопрос о конституционных или точнее представительных, или совещательно-представительных учреждениях у нас не есть пока вопрос между самодержавием и сословиями, а между сословиями и министерствами? Государь полагает, что литература развращает молодежь и увлекает публику; он жалуется на то, что цензура не исполняет своих обязанностей, но все, по-видимому, не замечает, что литература есть в то же время и отражение духа большинства публики. Он еще не убедился, но нет ведомства, канцелярии, штаба, казармы, дома, даже дворца, в котором не мыслили бы и не говорили в политическом отношении так, как говорит именно та литература, на которую он негодует. Если направление большинства вредно, если оно стремится далее, чем для блага России ему надлежало бы стремиться, то причиною тому именно инерция правительства, которое хочет не вести и направлять, а только тормозить и удерживать. Консервативные начала нашли бы себе защитников, но для этого нужно, чтобы им дана была возможность стать на стороне правительства, указывать на его деяния и цели и определять те грани, которых оно переступать не намерено. Теперь они могут только молчать, чтобы не увеличивать собою число тех, которые порицают правительство. Защищать его невозможно. Даже за деньги оно не может приискать себе защитников. Гр. Строганов намекнул на это и даже сказал, что покойный государь «хотел все сам делать, а всего самому делать уже нельзя»; но пр. Строганов не сделал дальнейшего шага, по извлек вывода из своих собственных посылок и не объяснил, что именно следует

предоставить делать другим, если этого нельзя сделать «самому».

Чевкин сказал, что самодержавие должно оставаться неприкосновенным, но что нужно, чтобы и закон оставался не нарушенным, и что у нас вредят самодержавным началам те отступления от закона, которые мы себе постоянно дозволяем. Государь не без досады спросил: «Кто же это мы? Это, значит, я». Чевкин замялся, отвечал, что говорил о «всех нас вообще». И тем этот incident завершился.

Много было толков о Польше. Из всего видно, что взгляды на польский вопрос не изменились. Не замечают, что провидение предрешило польский вопрос, а с ним предрешило и несколько русских. Мы от Польши отрешиться не можем. Где проведем мы границу между Польшей и нами и где оставим себе точку соприкосновения с Европой, если отделим Польшу? В Палангине? Недаром сливала постепенно история племена литовские, малороссийские и польские с великорусским, недаром замывала она кровью прежние границы. Где мы теперь отыщем их и как восстановим? Нам и не следует их восстановлять. Мы должны осуществить первый из известных двух стихов Пушкина:

Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? – вот вопрос.

Но для осуществления именно первого, а не последнего стиха, нужно смотреть па польские дела иначе. А взглянув иначе на них, мы иначе взглянем и на дела русские.

Гр. Панин avec sa parole sonore et creuse[98] остался себе верен и произвел ожидаемую Paniniana. Он предложил для устранения всех зол и посеяния всех благ учредить над Министерством народного просвещения и Главным правлением училищ «какой-нибудь высший комитет».)

14 апреля. Кн. Долгоруков желал со мною видеться. Я был у него перед обедом. Если я не ошибаюсь, j'ai pour la premiere fois frise un portefeuille[99]. Разговор имел предметом вчерашнее совещание и вопрос об университетах и литературе. Кн. Долгоруков раза три повторял фразу: «Не думаете ли Вы, что министр народного просвещения умный, энергический, которому государь высказал бы свою мысль и свою волю, мог бы направить профессоров к защите самодержавия» или «начал самодержавия» или «системы самодержавия»? За точность слов не ручаюсь, но смысл точен. Кн. Долгоруков говорил, что мы в безвыходном положении, что предлагаемые министром народного просвещения меры не разрешают вопроса, не искоренят зла, что Ковалевский и желчен и непоследователен,

что надобно решиться на что-нибудь, но он затрудняется остановиться на той или другой мысли и т. д. Я старался постоянно обобщать вопрос и доказывал, что не литература и университеты влияют на публику, а, наоборот, расположение умов публики и состояние правительства объясняют направление литературы и состояние университетов. Я высказал все то, что вчера мною здесь написано, и в ответ на вопросы о том, что может сделать идеальный министр народного просвещения, постоянно объяснял, что без точки опоры в самой системе действий правительства, без нравственной силы, которою одно правительство может вооружить министра, нет государственного человека в Европе, который мог бы разрешить задачу, и что государь может ежедневно менять министров народного просвещения, но не найдет ни одного, который мог бы исполнить его волю. Я сказал кн. Долгорукову прямо, что уже теперь в обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самовластия, но что при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя. Я сказал, что наше правление – министерская олигархия, и привел тому примеры. Я указал на необходимость занять умы образованных классов населения предоставлением им некоторого участия в местных делах и на возможность исполнить это децентрализационным способом насчет министерств, а не насчет самодержавной власти. Наконец, я навел разговор на Польшу и по этому предмету высказал свою мысль так же положительно, как и по другим. Я имел побочную цель. Если когда-нибудь мне придется действовать на другом поприще; то, по крайней мере, кн. Долгоруков предуведомлен и не будет иметь права изумляться.

О «конституции» он говорил сегодня раза два, как о неизбежном последствии эмансипационного дела, но присовокуплял, что государь не только не решится заявить согласие на постепенное развитие конституционных форм, но даже решительно высказался в противном смысле еще недавно и не изменил, по-видимому, своего взгляда на этот вопрос. При этом кн. Долгоруков еще раз сказал: «Мы в безвыходном положении, что будем мы делать?» Я отвечал: «Ждать с верноподданническою покорностью, пока мысль и воля государя изменятся».

Кн. Долгоруков говорил, что у него сегодня был гр. Строганов, «qui craignait d'avoir ete trop cassant hier»[100].

Целый день дома. Приезжал ко мне купец Зимунд из Берлина

с письмом от принца Карла по своим старым лесным делам. Я письма не принял (с согласия Зимунда, которому оно было дано факультативно), чтобы избегнуть обязанности отвечать. При этом случае я узнал, что государь говорил обо мне с принцем Карлом в Беловеже прошлого осенью (т. е., вероятно, наоборот пр. Карл говорил обо мне по поводу лесного дела) и отзывался хорошо. Затем пр. Гогенцоллерн сказывал Зимунду: «ich hatte hier viel Einfluß, und ob ich fur Preußen nicht zu gewinnen ware?»[101]. Я отвечал смеясь, daß ich wohl nicht zu gewinnen sei, aber schon gewonnen sei fur die Falle, wo ich russisches Interesse mit Preussischem oder anderem identisch fande[102]. Зимунд извинился и сказал daß er das Gewinnen jawohl im guten Sinne habe verstehen konnen[103]. Из его рассказов видно, впрочем, что лесная часть нашего управления мало улучшилась. С Зимунда просили в Волынской губернии 5 тыс. руб., чтобы отпустить ему те деревья, которых он хотел. Он вынужден был продать свое право на рубку жидам. Жиды вырубили, что захотели, и ему же, Зимунду, потом сдали{17}.

15 апреля. Утром в Комитете. Вечером у всенощной. Потом у ген. Муравьева, который по вопросу об устройстве поземельного быта государственных крестьян опять переменил свои взгляды. Теперь он либеральнее смотрит на дело и допускает безусловно отказы от земель. Впрочем, это может быть только от того, что он смотрит в лес.

Говорят, что была речь о передаче Министерства внутренних дел кн. Долгорукову с присоединением к оному жандармской части и с назначением Шувалова товарищем. Сомневаюсь, чтобы эта комбинация состоялась.

Из губерний тревожные вести. Случаи неповиновения крестьян умножаются. В Казанской губернии дошло до стрельбы и, говорят, убито 60 человек. Туда командируется ген. – ад. Бибиков{18}. В Пензе взбунтовалась уваровская вотчина и взяла в плен исправника и сотского. Везде крестьяне недоумевают насчет земли, которая будто бы им дается в надел, но дается не даром, а бСльшею частью за прежние повинности. Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и ободряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немыслим, что он должен быть собственником и т. п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге.

Разным начальственным лицам прислан по городской почте пародированный манифест 19 февраля. При том же вступлении и заключении в нем говорится о предоставлении дворянству конституционных прав и преимуществ в виде вознаграждения за нарушение их прав на поземельную их собственность. Муравьев этим тешится. От него, кроме желчи и ядовитой злорадости, теперь ничего не добудешь. А он остается министром и оставляется министром.

Гр. Строганов много наговорил императрице о неудовлетворительном состоянии наших университетов. Некоторые думают, что ему самому хочется быть министром народного просвещения. Не думаю.

16 апреля. Утром у обедни. Был у Вяземских. Потом дома. Ко мне заходил Нессельроде. Он говорит, что кн. Горчакова сделала министром иностранных дел вел. кн. Ольга Николаевна. Отец его рекомендовал Будберга, а о Горчакове сказал государю: «Je l'ai eu trente ans dans mon ministere et je ne l'ai jamais trouve bon a rien de serieux»[104].

17 апреля. Вчера была годовщина брака е. величества. По этому случаю произведены в ген. – лейтенанты его бывшие адъютанты Александр Адлерберг и Паткуль. Сегодня, в день августейшего рождения, никаких торжественностей не происходило. Сказывают, что они отложены до второго дня Пасхи. Был в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

Читал печатаемый за границей неким г. Кельсиевым сборник сведений о раскольниках. Замечательно, что правительство,

давно имея в руках эти сведения, до сих пор не придумало другой системы действий в отношении к расколу. Замечательно также, что в лоне нашей церкви могло образоваться и может поддерживаться не только столь значительное число разных расколов, но и такие сумасбродные, нелепые учения и иноверия, каковы хлыстовщина, наполеоновщина и скопцы.

18 апреля. Утром у обедни и в Комитете. Вечером в церкви.

19 апреля. Утром у обедни. Вечером у всенощной. Был у меня Неелов, который утверждает, что ген. Муравьев кандидат на Министерство внутренних дел и что была речь о назначении меня на его место, но что он настаивал на назначении Зеленого. Так говорит Шувалов.

Получил от государя отчеты польских губернаторов и сделанное для него в статс-секретариате из них извлечение. На этом извлечении, самом пустом и бесцветном, е. величество изволил написать, что «грустно думать, что эти успехи и благоденствие (sic) будут приостановлены теперешними неустройствами». Грустно читать эту отметку. Если государя успели уверить, что Польша благоденствовала, то чего же ждать и на что надеяться?

20 апреля. Удостоился св. причащения. Был у Вяземских и в Комитете. Вечером у всенощной.

21 апреля. Вчера утром Сивере говорил мне, что слышал от княгини Кочубей о моем назначении министром внутренних дел. У Муравьевых говорили жене о назначении меня министром народного просвещения. В Комитете слышали о назначении меня министром финансов. Сегодня гр. Блудов прислал за мною перед обедом и объявил, по поручению государя, что я буду назначен управляющим Министерством внутренних дел. Да благословит меня Бог на новом поприще. Вспоминаю стихи, записанные в моем дневнике в Митаве:

Ihn lasse du mal wahen.
Er ist ean weiser Furst
Und wird sich so verhalten,
Dass du dich wundern wirst.[105].

Преклоняю голову, преклоняю колена, молюсь и благодарю.

В городе уже знают об этом назначении. Муравьев и Нессельроде писали ко мне, а Хрептович был у меня, чтобы

меня поздравить. Ланской не просился в отставку, хотя и уволен по прошению. Он будет графом и je vous le donne en mille…[106] и обер-камергером.!?!

Был в Комитете. Заезжал к гр. Блудову вечером. Был в Казанском соборе. Потом у всенощной, потом у Муравьева.

22 апреля. Утром приехал фельдъегерь от государя спросить, почему меня нет? Гр. Блудов забыл передать мне повеление быть у е. величества в 11 часов. Был во дворце и видел государя в 2. Милостивый прием. Объявление о моем назначении, изъявление доверия, указание на то, что государь желает «de l'ordre et des ameliorations qui ne changent point les bases du gouvernement»[107], приказание быть к докладу в пятницу вместе с Ланским. Я просил государя поддержать меня в том затруднительном положении, в которое я современными обстоятельствами и положением Министерства буду поставлен, и просил позволения прямо и без обиняков высказывать мои мысли. Ответ: Je vous l'ordonne[108].

Был потом у гр. Блудова и в Комитете. Потом у Вяземских.

23 апреля. Ночью в Зимнем дворце у заутрени. Мое назначение встречено, по-видимому, общим сочувствием. В 11 часов у государя. Он говорил о назначении мне преемника по Комитету, но еще не решился. Гр. Блудов предлагал ему Головнина. Думают также о Корнилове, московском губернаторе, рекомендованном, вероятно, гр. Строгановым. О. Головнине государь выразился с некоторым недоверием.

В 12 часов у императрицы. Прием ласковый. И она, и государь говорили о том, не возьму ли я в директоры Департамента общих дел гр. Бобринского вместо гр. Шувалова. В 1/2 1-го у вел. кн. Константина Николаевича. У него был целый час. Во время разговора доложили о приезде государя. Вел. князь просил меня дождаться его возвращения. По обратном приходе в кабинет он сказал, что говорил государю о том, что я у него. Государь отвечал, что он ему меня рекомендует и что я человек, который не покривит душою. Я сказал вел. князю при прощаньи, что прошу двух вещей: позволения говорить прямо и надеяться на столь же прямое объявление мне суждений и мнений его высочества, а затем, в случае суждений обо мне посторонних лиц, – «очных ставок». «Я убедился опытом, – сказал я, – в их надобности и пользе». После вел. кн. ген.–адмирала объехал других вел. князей и всех вел. княгинь. Был у кн. Суворова, у Муравьева и у Ланского. Ланской откровенно сказал мне, что не просил увольнения, но что в пятницу государь ему сказал

(в обязательных формах и выражениях), qu'il desirait que Lanski se retirat[109]. Я предостазил Ланскому самому назначить мне, как и когда он захочет сдать Министерство. Он сказал, что хочет только представить государю отчет, который, вероятно, будет готов во вторник 25 числа.

24 апреля. Утром был у разных министров и в Комитете, Вдова ген. Ростовцева возведена с сыновьями в графское достоинство. Обедал у Щербатова. Вечером был у гр. Гейдена. у Мальцовой по ее желанию и делу ее мужа с калужским губернским начальством.

Остановился на мысли просить себе Гейдена в товарищи. Был вечером в церкви и отслужил молебен благодарственный и начинательный. Кн. Горчаков сообщил мне, что просил меня для Варшавы, но государь отказал.

Вчера гр. Панину и Чевкину даны андреевские ленты. Кн. Меншиков сказал мне: «On dit que le cordon est donne a un nain et a un pas nam, qu'on avait decore ce qu'il y avait de plus long et ce qu'il y avait de plus tordu»[110].

Утром был у меня орловский губернатор гр. Левашов. Он отправляется в губернию на днях. Государь присылал вчера бумаги, полученные им от находящегося в Казани ген.-м. свиты е. в. гр. Апраксина, о тамошних беспорядках. Замечательна неизменность некоторых приемов бунтующего народа. Со времен стрелецких бунтов, сквозь Стеньку Разина и Пугачева по 1861 год одни и те же черты. Опирание зачинщиков на царские имена, обвинение властей в подложных указах, систематическое заглушение каким-нибудь «cry»[111] увещаний начальников, быстрый упадок духа при энергическом употреблении силы и т. п.

25 апреля. Утром в Главном комитете и в Комитете министров. Перед тем принимал у себя прежних сослуживцев по Министерству государственных имуществ, поднесших мне «testimonial»[112] в виде художественно отделанной Сазиковым серебряной чернильницы. От имени прочих говорил Рудницкий. У нас обедали m-me Brandt и Рудницкий. Вечером с 1/2 10 до 1/4 12 tete a tete у вел. кн. Елены Павловны. Рекогносцировка с ее стороны. On m'a cru toujours oppose a l'emancipation. Les reactionnaires comptent sur moi. Je serai expose a une forte pression etc[113].

7 мая. С 25 апреля по настоящий день ни минуты свободной. Между тем положение дел мало изменилось. Был в Совете и Комитете министров и два раза в Главном комитете. Вступил

28-го числа в управление Министерством. Видел департаменты, кроме Медицинского. Вчера обедал у вел. кн. Елены Павловны. 5-го числа представлял в Царском Селе мои первый всеподданнейший доклад. Трудна моя ноша{19}.

Сегодня у обедни, несколько визитов. Обедал у Муравьевых.

На Аптекарском острове, 15 августа. Жаль, что с 7-го мая пробел. Таким образом, первые мои шаги на новом поприще не сохранятся для меня самого в этой книге и в моей памяти с тою точностью и ясностью, с которою в позднейшее время я, вероятно, пожелаю их обозреть. Но нельзя было. Между тем, благодаря Бога, время прошло без беды. Мои начатки довольно удачны. Я сделал мало, но ничего не испортил, ничего не утратил. Крестьянское дело идет. Министерство двигается. Мое место в Совещательных коллегиях было занято мною, по-видимому, с честью. Между тем многое переменилось или передвинулось на горизонте. Государь и императрица уехали в Крым. В Царстве Польском дела по-прежнему натянуты, но наместником назначен гр. Ламберт, варшавским военным губернатором и председателем комиссии внутренних дел – ген. – ад. Герштенцвейг. дежурным генералом – гр. Гейден. Военным министерством управляет Милютин. Министром народного просвещения – гр. Путятин. В западных губерниях быстро развилась система манифестаций. Против нее вместо безграничного произвола ген. – губ. Назимова я старался изыскать меры законные, при меняясь к законодательству Франции и Пруссии по делам этого рода и даже по делам прессы, ибо мне хотелось и по сим последним делам у нас проложить тропинку, по которой можно будет со временем провести новый закон. Моя мысль после непродолжительной и даже неупорной борьбы осуществлена, и «Положение о временных полицейских судах» издано при указе Сената от 9-го августа.

Вчера был в городе у вел. кн. Михаила Николаевича, который на время отсутствия государя императора уполномочен собирать в экстренных случаях особый совет из министра народного просвещения, ген. – ад. Чевкина, управляющего Военным министерством гр. Шувалова, как представителя III отделения, и меня. Вчера была речь о двух студентах Московского университета, открыто проповедовавших социализм. Один из них в особенности говорил народу в Тульской губернии, что земля и власть принадлежат миру, что посему не следует слушаться царя и оставлять часть земли помещикам, что для осуществления того и другого нужно оружие, и, следовательно, народу следует им запастись, и т. п. Вопрос был в том, как вести дело: негласно

через жандармов или регулярным законным ходом через Министерство внутренних дел. Шувалов предлагал последнее, и с ним все согласились. Заключение будет представлено на утверждение государя.

Сегодня у обедни. Я несколько болен глазами. Получил телеграммы из Харькова об отъезде и. и. величеств. Все благополучно.

Вечером заезжал Шувалов с записочками от кн. Долгорукова, который, между прочим, говорит, что встреча государя везде праздничная и что вообще он не может скрыть, что, проезжая в первый раз через Россию бескрепостного состояния, ощущается чувство необыкновенно приятное{20}. Кн. Долгоруков беспокоится тем, что по доходящим до него слухам крестьяне делятся, т. е. семьи расходятся. Он спрашивает меня, нельзя ли запретить разделы циркуляром?!! Так-то понимается свобода.

16 августа. Новый директор Департамента общих дел гр. Павел Шувалов сегодня первый раз присутствовал при докладе. Ему нужно время для ориентировки.

Целый день дома. В Нижнем какой-то диакон Щеглов отправился к ардатовскому помещику Чаадаеву, чтобы объявить ему. что он, Щеглов, декабрист, и что декабристов теперь в Петербурге, Москве и Казани 80 тыс. чел. Чаадаев сказал ему, что он не в здравом уме, ибо декабрьские события были 36 лет тому назад, а Щеглову теперь 28, и выслал вон. Дело дошло до городничего, губернатора и епархиального начальства. Оказалось, что Щеглов – преподаватель при воскресной школе в Ардатове. Губернатор вызвал его к себе и, расспросив лично, объявил, что дело не заслуживает никакого внимания и что Щеглова надлежит немедленно возвратить к его служебным занятиям, следовательно, и к воскресной школе. Министерству губернатор не донес об этом, но епархиальное начальство дало знать Урусову, а Урусов мне. Щеглов, очевидно, сумасброд, но Муравьеву не следовало оставлять его при воскресной школе.

17 августа. Дома. Работал.

18 августа. Дома. Приготовлял отправление докладов в Крым, в том числе написал два секретных своеручно. Из них первый о предоставлении предстоящим губернским собраниям права заниматься обсуждением некоторых административных вопросов, специально им указанных, чтобы таким образом отвлечь их от несвоевременных и неудобных заявлений и требований по вопросам общим, им не указанным, о чем ходят

различные толки. Второй с испрошением разрешения государя представить ему новую записку по вопросу о преобразовании (или улучшении, как обыкновенно говорится) быта духовенства. Эта мысль, так давно меня занимавшая, быть может, теперь осуществится. Поводом служит плачевное положение православной церкви в Западном крае и существование особого Комитета для обеспечения тамошнего сельского духовенства. В этой сфере все вопросы сопредельны. Почему обеспечивать один Запад? Почему только обеспечить, а не возвысить? Вчера подробно объяснялся по сему предмету с Урусовым. План моих действий составлен. Что скажет государь?

С Запада и из Варшавы ничего нового. Ген. Милютин не хочет согласиться на мои предположения о реквизиционном в известных случаях способе продовольствования войск{21}.

Вечером заезжал ко мне Нессельроде. Едет за границу.

19 августа. Дома. Были у меня ген. Милютин, гр. Гейден и новый витебский губернатор Оголин. Милютин озабочен приготовлением армии к будущим eventualites[114] и по сему предмету имел совещание с кн. Горчаковым, который не находит надобности к подобным приготовлениям. Из Польши и Литвы ничего нового, кроме того, что гр. Ламберт по приезде в Варшаву начал с того, что прекратил бивуакирование войск на улицах. Видел Тышкевича, возвратившегося из Вильно. По его словам, Назимов совершенно упал духом и растерялся{22}.

20 августа. У обедни. Потом несколько визитов. Был у гер. Монтебелло, который очень интересуется польскими делами Вечером был у меня ген. Россет. Получил из Ковно известие, что распоряжение об обезоружении Литовского края приводится в исполнение и что сборища воспрещены. Но объявления по сему предмету сделаны неловко и несогласно с данною мною инструкцией. Хоминский явно в фальшивом положении.

21 августа. Утром у Чевкина, потом в Министерстве. Видел вызванного сюда минского губернского предводителя Лаппу. Совесть у него нечиста. После его ухода один минский жид. имевший до меня просьбу, передал мне перехваченное им письмо Лаппы, компрометирующее его в отношении к переговорам с жидами и к каким-то бумагам, на которые я не мог разобрать ближайшего указания по нечеткости его почерка. Передал это письмо Шувалову.

Вечером дома.

22 августа. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров и в Главном комитете. Получил от государя из Елисаветграда бумаги, отправленные мною 12-го числа. Кн. Долгоруков пишет, что все по части путешествия благополучно. На Западе но так. Ген. Назимов по-прежнему принимает меры административного произвола без последовательности, толку и успеха. В Гродне декан Маевский организовал процессию, объявив о ней заранее, и привел в исполнение, несмотря на увещания и запрещения начальствующих. С ген. Назимовым обменивались телеграммами, но это ни к чему не повело, и в назначенный день и час вынуждены были вывести войско. Над ним принял начальство командир 3-ей дивизии. Губернатор сам выехал на площадь. Развели мост и, действительно, не пропустили процессию за Неман. Но Маевский отслужил литанию на площади и сказал слово народу, объявив, что правительство помешало выполнить обет, но что Бог видел их желания. Затем все разошлись. Губернатор при сем пишет: «Порядок не был ни на минуту нарушен; никаких происшествий и несчастий не было, и никто не арестован»{23}.

23 августа. Дома. Был у меня г. Яблочков но делу об устройстве Земского банка. Министр государственных имуществ вернулся в город. Отправлен в западные губернии чиновник особых поручений Стороженко для ближайшего разведывания тамошних дел.

24 августа. Дома до обеда. Из Вильно получено известие об объявлении военного положения. Где, когда, почему – неизвестно. Ген. – губернатор счел даже излишним меня известить об объявлении. Он сообщает только об нем в ответ на депешу, в которой я счел не излишним обратить его внимание на впечатление, которое произведет в Европе объявление края на военном положении тогда, когда эта мера не принята и в Царстве. В Киеве, по частным известиям, отбирают также оружие. От кн. Васильчикова нет о том извещения.

Обедал у Штиглица (не банкира) с лордом Нэпиром, Грейтом, бар. Пер <…?> и пр. Нэпир справедливо замечает, что у правительства нет партии, что у нас никто его не защищает и никто за него не вступается. «Depuis six mois que je suis ici, – dit lord Napier, – c'est a peine si j'ai entendu quelques personnes de ce que l'on nomme ici le parti allemand prendre le parti du gouvernement»[115]

25 августа. Утром в городе. Заседание Комитета у вел. князя

по вопросу о различии мнений милютинских и моих, по вопросу о реквизиционном способе продовольствования войск. Заявил в Комитет о полученном мною из Вильно сведении. Условились подтвердить высочайшее повеление о том, чтобы местные власти нас извещали своевременно о всем, о чем они доносят государю. Из писем кн. Долгорукова видно, что они телеграфируют в Крым, а молчат в отношении к Петербургу. Потом в Министерстве. Распорядился отправлением чиновника Департамента духовных дел к митрополиту Жилинскому в Друзкеники, чтобы убедить его издать mandement[116] римско-католическому духовенству, о прекращении его агитаторства в Западном крае. Потом у ген. Муравьева, который вернулся в город. Он совершенно дезориентирован и ни о чем не знает.

Вечером приготовил 3-е отправление бумаг к государю. Опять несколько дней сряду не ложусь ранее 3-го часа.

26 августа. Ген. Назимов уведомляет, что военное положение объявлено в Вильно, Бресте, Бельске, Белостоке и во всей Ковенской губернии, кроме Новоалександровского уезда.

Был у меня кн. Щербатов, саратовский губернский предводитель дворянства. Below the… mark[117].

27 августа. У обедни. Были у меня ген.–губернаторы Игнатьев и Анненский, известный почтсодержатель. Полезно видеть людей своими глазами. Смотрю теперь на него иначе Он лично лучше Почтового ведомства.

Был на даче Громова для осмотра сада, который великолепен, как и вся дача.

Вечером был у меня ген.–ад. барон Ливен. Получил кучу бумаг из Вильно и Ковно. Военное положение объявлено 22 числа, а 23-го ковенский губернатор Хоминский не только не знал об этом в 90 верстах от Вильно, по доносил, что дела уже приняли несколько лучший оборот{24}. Военное положение объявлено не только в вышепоименованных городах, но и в их уездах.

28 августа. Утром доклады по разным департаментам. Вечером был у меня кн. Михаил Кочубей для объяснений по его самарско-саратовскому делу. Une belle figure, mais un tristc personnage[118].

29 августа. В Министерстве. Потом в Комитете министров, где сегодня председательствовал ген. Муравьев. Слушалось, между прочим, дело о 16 западных фирмах. Комитет принял мое

заключение, выраженное с месяц тому назад в записке, истребованной от меня кн. Долгоруковым по высочайшему повелению. Для составления статей, направленных против заграничной прессы, кн. Горчаков отдал в мое распоряжение г. Жеребцова.

Вчера был опять у меня г. Яблочков по делу о его проекте Земского банка. Он просит, чтобы я принял на себя официальное проведение этого проекта.

Гр. Шувалов сообщил, что получил из Крыма по телеграфу разрешение передать мне дело студентов Заичневского и Аргиропуло. Он говорит, что вообще дело принимает широкие размеры, и он вынужден был арестовать значительное число лиц разных званий{25}.

30 августа. Утром в Александро-Невской лавре. Погода ясная. Множество народу. Придворные певчие необыкновенно хорошо пели «Херувимскую песнь» и «Отче наш». После обедни завтрак en masse et au galop[119] у митрополита. Вечером были у меня Замятнин и Грин из Риги с дочерью.

31 августа. Гр. Толстой приехал и явился. Посылал к гр. Шувалову Собещанского по делу о студентах Аргиропуло и Заичновском. Между тем, les arrestations et visiles domiciliaires continuent[120].

Вечером был кн. Щербатов и три часа говорил о себе и об «Искре», которая его когда-нибудь сведет с его маленького ума.

1 сентября. Получил замечательное письмо от и.д. гродненского губернского предводителя гр. Старжинского. Он с большою откровенностью указывает, с одной стороны, на ошибки и притеснительные действия местных властей, с другой, на desiderata[121] Литвы. Он прямо говорит, что край желает «d'etre uni a l'empire et au royaume comme autrefois il a ete uni au royaurae seul; d'avoir pleine liberte de conscience, un tribunal superieur et une universite a Wilna, le droit d'enseignement et de judicature dans sa langue et un organe pour manifester ses voeux»[122]. Он в заключение просил, чтобы я кого-нибудь послал в край или кого-нибудь оттуда вызвал. Я дал ему знать по телеграфу, чтобы он сам приехал, и получил вечером же извещение, что он выезжает в Петербург. Письмо его шло долго. Оно, вероятно, «перлюстровано» на почте.

Получил по телеграфу из Ливадии известие об утверждении моих всеподданнейших докладов относительно новых

губернаторских назначений в Гродно и Ковно.

В городе разнеслась, наконец, молва о взятии под арест нескольких лиц и забрании их бумаг. В том числе взяты Перцов старший, брат пензенского вице-губернатора и бывшего начальника отделения в Департаменте общих дел, factotum'a[123] гр. Шувалова.

2 сентября. Утром в городе. Прием просителей. Вечером дома.

3 сентября. У обедни. Потом у Игнатьева. Были у меня гр. Гейден, сенатор Капгер, Собещанский и Анненский. В Калужском пехотном полку польские юнкера прибили польского офицера за то, что он запрещал им петь польский гимн. Плохой признак. Сенатор Капгер, по поводу возложенной на него ревизии, и Собещанский, по предмету возлагаемого на него следствия, оба говорили об общественном мнении и о щекотливости их положения. Signum temporis[124].

Назимов телеграфирует в Крым, будто бы военное положение водворило тишину и будто бы исчезли траур и национальные польские костюмы. Стороженко, бывший в Вильне, о том не упоминает, но говорит, что ген. – губернатор собирал новый совет для обсуждения вопроса об объявлении военного положения и объявил оное, вопреки мнению членов этого совета, за исключением одного – полк. Галлера.

Ламберт до сих пор ничего не сделал еще в Царстве. Он пишет от 30-го, что прежняя неурядица в церквах продолжается и что хотя в Варшаве пока спокойно, но в провинциях проявляются частные вспышки. Он прислал кн. Горчакову записку Велопольского о разрешении проводить в действие в Царстве Польском папские акты без получения на то разрешения от Министерства внутренних дел с непосредственного дозволения наместника{26}.

4 сентября. Утром доклады. Получил из Крыма бумаги, отправленные туда 18 августа. Разрешено передать на обсуждение первого губернского дворянского съезда (харьковского) вопросы, на которые я указывал. Разрешено также представить записку о мерах к преобразованию быта нашего духовенства. Вечером были Яблочков с своим проектом, пр. Бобринский с некоторыми вопросами по делам губернии и гр. Старжинский из Гродно. Продолжительный с ним разговор пока не привел ни к какому положительному результату{27}.

По городу разослано печатное воззвание «К молодому

поколению» самого возмутительного содержания, в прямом социалистическом духе. Земля признается общим достоянием народа, правомерность всякой недвижимой частной собственности отвергается, указывается на необходимость действовать в этом смысле на солдат и простолюдинов и говорится en toutes lettres[126], что если бы для достижения цели «и пришлось вырезать до сотни тысяч помещиков, то этим не испугались бы» сочинители воззвания. Оно, очевидно, напечатано в Лондоне на бумаге и шрифтом Колокола, по помечено Петербургом.

5 сентября. Утром в Министерстве. Потом Комитеты – министров и сельских состояний. Вечером доклады. Краббе метко называет кн. Горчакова отсыревшим фейерверком.

6 сентября. Утром доклады. Был в городе перед обедом. Вечером герцог Монтебелло и гр. Старжинский были к чаю.

С последним имел опять длинный разговор о западных губерниях. Он сказал, что признает неосуществимыми часть своих desiderata[127] и что вполне понял мою основную мысль, которая заключается в том, что прежде чем ожидать какого-либо знака внимания правительства к интересам местного дворянства, оно должно обнаружить, что стоит на стороне правительства, а не на стороне агитаторов.

В Москве во время пребывания цесаревича студенты Университета хотели воспользоваться прибытием его высочества на лекции, чтобы сделать демонстрацию и толпою просить его об отмене распоряжения, сделанного в последнее время на счет платы за слушание курсов. Об этом было получено сведение, и вел. князь не поехал на лекцию.

7 сентября. Дома. Приезжал Шувалов. Он жалуется на медленные приемы Собещанского. Он вообще отзывается весьма en noir[128] об общем положении дел. Говорит о необходимости ехать в Париж для поправления здоровья. Словом, ему крепко хочется быть министром внутренних дел.

8 сентября. Утром в Царском Селе. Вернулся с 2-х-часовым поездом после завтрака у цесаревича. Были в Царском все министры, кроме кн. Горчакова, Муравьева, Прянишникова и Тымовского. Говорил с Шернвалем о финляндских делах. Судя по его словам, там весьма неладно, и гр. Берг со дня на день более портит дела. В С.-Петербургском университете гр. Путятин не справится с профессорами, которые отказываются от выбора

ректора.

9 сентября. Утром в Министерстве. Получил бумаги, отправленные в Крым 25/VIII. Государь написал на моей инструкции: «Весьма дельно», а кн. Долгоруков ее находит слишком длинною. Он прав, но это не инструкция, а программа. При недостатке дисциплины в Назимове я заранее знал, что инструкции в собственном смысле исполнять не будут, но знал также, что она при случае будет представлена государю. Изложенные в ней мысли я желал видеть им одобренными.

Вечером дома за работой. Против меня начинают уже маневрировать. Бутков писал к кн. Долгорукову, критикуя то, что сделалось в Комитете министров в его отсутствие. Шувалов также уже подкапывается.

10 сентября. У обедни. Был у меня ген. Дренякин. Ни его, ни Кригера я бы не назначал губернаторами, если бы мог выбирать и в настоящее время имел из кого выбрать. Целый день дома за работой. За время отсутствия государя из Крыма велено 2-м губернаторам, киевскому и виленскому, ежедневно телеграфировать мне о положении края. Их депеши сообщаются вел-кн. Михаилу Николаевичу и Шувалову. Назимов принимался было расстрелять гродненского декана Маевского. Я телеграфировал ему, что он из него сделает святого. Назимов приостановился.

11 сентября. Утром в городе. Вечером дома за работой.

12 сентября. В городе. Комитет министров. Из Варшавы Ламберт телеграфирует, что партия умеренных берет верх. Наше положение характеризует следующий факт, сообщенный мне ген. Милютиным. При преобразовании редакции «Русского инвалида» его тотчас спросили, будет ли он препятствовать «подготовлять умы к конституции». Вечером дома. Работал.

13 сентября. Дома. Получил бумаги из Крыма от 4-го и 6-го. Государь вполне одобряет распоряжения ген. Назимова относительно военного положения и не согласен с моим мнением. В сделанной на моем докладе отметке он ссылается на депеши Назимова. Именно на этих депешах нельзя основываться. Развозка и разноска возмутительных статей продолжается. Обе полиции, тайная и явная, ищут, но до сих пор не находят.

14 сентября. У обедни. Был у меня ген. Муравьев, который по вопросу об устройстве удельных и государственных крестьян теперь снова остановился на началах, мною предложенных в мае месяце.

Гр. Ламберт сообщает, что городские выборы в Царстве Польском оканчиваются, и что уже составляется адрес, заключающий в себе всеподданнейшую просьбу о даровании Царству конституционного устройства.

Обедал у английского посла с герцогом Монтебелло и шурином Нэпира г. Губбардом, М.Р. После обеда была речь об английских волонтерах. «C'est un mouvement ephemere[129], – сказал Монтебелло, – cela ne durera qu'un temps»[130]. – «Cela durera autant que l'empire francais»[131], – отвечал Нэпир. «Mais alors vous voulez dire que c'est a perpetuite»[132], – возразил первый.

Кончил свой очерк о положении крестьянского дела в настоящее время.

15 сентября. Утром в городе. Был у гр. Рибопьера, который наравне с тысячью других считал долгом мне раскрыть глаза по крестьянскому делу. В Министерстве. Обедал у Муравьева. Там его зять Шереметов меня также мучил крестьянским делом. Вечером был у меня возвратившийся из Вильно Тышкевич. По его словам, там плохо. Поляки все заодно. В народе пропаганда. В начальстве неурядица. Назимов говорит, что я слишком молод. Увы, зачем он неправ!

Был у меня барон Велио, перечисляющийся в Министерство внутренних дел. Секретарь нашей Брюссельской миссии.

Отправил к государю составленный мною общий очерк нынешнего положения крестьянского дела{28}.

16 сентября. Утром в Министерстве. Вечером дома, за работой. Вчера депутация из «сословия литераторов», состоящая из гр. Кушелсва, Краевского и Громека, отправилась к гр. Путятину и представила адрес, подписанный 30-ю здешними писателями, с просьбою о допущении со стороны этого сословия «депутата» к следствию, производимому над г. Михаловым в III отделении. Михайлов арестован по подозрению в привоза из-за границы воззвания «К молодому поколению». Он, говорят, уже сознался в привозе 10-ти экземпляров. Один из прежде арестованных студентов, Костомаров, обвиняет его в привозе всего издания. Гр. Путятип отозвался, что оп не признает сословия литераторов, но согласился переслать просьбу к гр. Шувалову. Этого делать не следовало, ибо, принимая и пересылая просьбу, он допускал возможность удовлетворения и,

следовательно, возможность признания просьбы основательною.

17 сентября. У обедни. Обедал в Михайловском у вел. кн. Михаила Николаевича с гр. Барановым и ген. Вилламовым. Прекрасный дворец. Вел. князь сообщил мне замечательное письмо от ген. Крыжановского из Варшавы, заключающее в себе весьма верное описание тамошних дел. Ген. Крыжановский замечает, что у поляков есть идея, а у нас против них идеи нет, и что против идей нельзя употреблять штыки. Почти то самое, что я на днях писал к Головкину. Вел. князем было отчеркнуто именно это место в письме, что меня порадовало.

Получена бумага от государя от 8-го сентября.

18 сентября. Утром в городе. Розыски Шувалова, кажется, увенчаются успехом, но не его агенты напали на след. Следственный пристав Путилин поймал вора, укравшего часовую цепочку. Этот господин предлагает под условием освобождения раскрыть истину насчет распространения возмутительных воззваний и указать всех главных участников дела. Вечером дома. Был Тышкевич.

19 сентября. Заезжал к возвратившемуся из Москвы гр. Блудову. Потом был в Министерстве, в Комитете министров и у ген. – губернатора, который болен. В Комитет министров приезжал Шувалов для передачи мне некоторых бумаг. Он в нервическом состоянии, явно недоволен своей ролью и не менее явно метит в министры. Гр. Блудов убил часа два с лишним в Комитете пустыми разговорами о предметах, не заслуживавших никаких толков.

Встретил на Невском кн. Горчакова, qui parle de sa retraite[133]. Вечером дома. Был у меня Грабовский, директор Киевской конторы Коммерческого банка.

20 сентября. Утром в городе. Был у меня в Министерстве гр. Кейзерлинг. Вечером дома за работой.

21 сентября. Целый день на даче. Писал для государя записку о положении православной церкви и духовенства. Был у меня виленский епископ Красинский, Pere Robin в совершенстве. Он привез в кармане камень, брошенный ему в окно в Вильне месяца два тому назад, и в бумажнике ту записку, в которую был завернут камень. Он уверяет, что духовенство нигде не участвует в беспорядках. Когда я ему указал на различие actes de commission[134] и actes d'omission[135], он вынужден был

сознаться, что последние обнаруживаются повсеместно. Он, впрочем, довольно резко высказывался насчет причин неудовольствия края и особенностей Литвы. У него, Лаппы и Старжинского одна тема. Очевидно, что они теперь полагают обстоятельства столь для себя благоприятными, что отзываются о griefs du pays[136] (griffes – как произносит эти слова директор Киевского коммерческого банка Грабовский) так, как никогда прежде не смели об них отзываться. Разговор продолжался почти 1 1/2 часа и почти исключительно с его стороны. Я не сказал ничего, кроме указаний на actes d'omission[137] и приглашение хладнокровно взвесить, к чему ведет и может привести настоящее положение дел. Я вынужден не обнаруживать, что у нас в настоящее время нет ни установившегося плана действия, ни даже установившегося взгляда.

22 сентября. Да благословит Бог новый год моей жизни. Утром у вел. князя в заседании Gouv provisoire[138]. Слушалось дело Перцова, виновного в собирании разного рода возмутительных стихов и статей и в сочинении таковых, впрочем, без дальнейшего, по мнению гр. Шувалова, оглашения. Кроме того, была речь о делах Университета. Там совершенная анархия. Студенты собирают сходку, составляют проекты адресов, на стене приклеено было к ним революционное воззвание. Главные ораторы Утин, Френкель, Никольский. У них организованные комитеты и субкомитеты. Они готовятся в случае арестования некоторых объявить себя «en permanences»[139] и сопротивляться массой. Гр. Путятин ничего не знал сегодня о происходившем вчера.

Вечером отправил к государю мои две записки: о настоящем положении дел в империи и о духовной части{29}.

У меня был soiree d'intimes[140]. В виде иллюминации пожар на типографском дворе. Сгорел сарай с сеном.

23 сентября. Утром в Министерстве. С 12-ти до 5-ти принимал разных посетителей. Между прочим, были 1/2 дюжины генералов, гр. Рибопьер и Тимашев, который, конечно, все видит en noir[141]. Он говорит относительно возможности вновь поступить на действительную службу довольно метко: les choses ne sont pas encore en assez bon etat pour rentrer par gout, ni en assez mauvais pour rentrer par devoir[142].

Вечером дома. Был Тышкевич. Написал Шувалову, что если до послезавтра Министерство народного просвещения не примет мер по делам Университета, я вынужден буду просить о том вел. князя.

24 сентября. Утром у обедни. Потом в городе. Заезжал к английскому послу и к Муравьеву. Последний уже ставит паруса по ветру и готовится быть членом конституционного министерства. Он говорит, что по возвращении государя надлежит решить дело и предложить его величеству прежде всего распустить своих министров и затем составить новый «cabinet». Он уже идет далее и находит, что дворянство, как каста, долго существовать не может и что следует образовать аристократию на началах поземельной собственности.

Вечером дома.

25 сентября. В Университете беспорядки увеличиваются. Сегодня толпа в несколько сот человек студентов, с сотнею студентов Медико-хирургической академии и несколько офицеров (!?), найдя университетские аудитории закрытыми, отправилась через Невский проспект в Колокольный переулок, где живет новый попечитель, ген. Филипсон, шумела, кричала, осыпала бранью гр. Шувалова и обер-полициймейстера, весьма нецеремонно обошлась с вышедшим к ней попечителем и вместе с ним возвратилась в Университет, где на дворе произносились речи и явно организовалось университетское восстание. Собрали два взвода жандармов, послали за пехотой, наконец, ген. — губернатор убедил толпу разойтись. Таким образом, и в Петербурге состоялась первая уличная манифестация. Выходя из Государственного совета (который сегодня возобновил свои заседания), Краббе сказал мне: «Через Рубикон перешли»[{30}].

5 октября. Пробел с 25-го сентября не имею времени пополнить. Я был болен и теперь еще не совсем оправился. С 1-го числа в городе. Университетское дело еще не кончилось. Путятин ниже всякой критики. Наш Gouvernement provisoire, по распоряжению вел. князя, усиленный ген. Муравьевым, Чевкиным. кн. Горчаковым, гон-губернатором и командиром гвардейского корпуса ген. Плаутиным, также не отличается ясностью взгляда и решительностью действий.

Получил сегодня из Ливадии мою записку по крестьянскому делу. Она, по-видимому, произвела надлежащее впечатление. Из отметок государя видно, что он доволен. Кн. Долгоруков пишет, que le memoir c a ete tres goute[143].

Утром работал, потом ходил. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером на музыкальном вечере у кн. Кочубей.

Моя мысль о приобретении органа прессы для правительства, по-видимому, осуществляется. На днях имел переговоры

с Павловым. Его газета «Наше время» может сделаться «une feuille inspiree»[144].

6 октября. Утром у Вяземских. Заходил в Михайловский дворец, чтобы отдать для вел. кн. Екатерины Михайловны мою фотографическую карточку. Вечером разбирал бумаги и работал.

7 октября. Утром в Министерстве. Потом у вел. кн. Михаила Николаевича в заседании Совета, где продолжались суждения об университетском деле. О продолжении курсов на указанных начальством основаниях поступило до 600 прошений. Предполагается открыть курсы на будущей неделе. Вечером получил из Ливадии свои две записки об общем положении дел в империи и о преобразовании быта духовенства. С содержанием последней государь вполне согласился. По содержанию первой государь настаивает в разных отметках на неприкосновенности самодержавия. За обе благодарит. Кн. Долгоруков пишет, что государь ими весьма доволен.

8 октября. Утром у обедни. Был у митрополита Жилинского. Вечером у вел. князя. Решено открыть курсы Университета в среду, 11-го числа.

Из Варшавы плохие вести. Ген. Герштенцвейг лишил себя жизни. Гр. Ламберт болен и просит увольнения. Говорят, будто бы велено возвращающемуся из-за границы ген. Сухозанету остановиться в Варшаве. Говорят также, что имеют в виду ген. Лидерса для командования тамошними войсками{31}.

Были у меня Ламанский и Сивков. С первым я желал объясниться о положении наших финансовых дел вообще, с последним – по предмету проекта его и Яблочкова о поземельном банке.

9 октября. В Государственном совете. Потом 2 часа убито в Департаменте экономии, где Бахтин, Чевкин и под конец Княжевич толкли воду по делу об Обществе взаимного страхования домов в С.-Петербурге. Вечером работал.

10 октября. В Комитете министров. Вечером был у меня Грейг. Разные доклады.

Вел. кн. Михаил Николаевич имеет в виду, по словам Грейга, основанным на словах гр. Шувалова, говорить с государем по его возвращении в том смысле, в каком я писал. Шувалов намерен сделать то же. Из слов гр. Строганова, изъявившего желание со мною переговорить до приезда е. величества, я заключаю то же

самое.

Герштенцвейг еще не умер. Он всадил себе в голову две пули. Одну вынули, другую нет. Его отец также застрелился. Сын всегда имел при себе отцовский пистолет и взял его в Варшаву.

Ген. Зеленый вытребован по телеграфу навстречу государю. Говорят, что его прочат в виленские ген. – губернаторы.

11 октября. Утром дома. Был у меня виленский губернский предводитель Домейко. Он откровенно выражает желание Литвы возвратиться к status quo ante 1831. Но что Литва? Дворянство? Или весь край? Был также нижегородский губернский предводитель Стремоухое. Предложил ему кандидатство в губернаторы.

Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Горчаковым и Шуваловым. Цель обеда – условиться, что и как говорить государю по возвращении. Вел. князь смотрит на вещи, как мы. Переворот или поворот необходим. Кн. Горчаков, как всегда, dans le vague et dans un monde de phrases[146]. Шувалов настаивает преимущественно на перемене в личном составе Министерства. Я держался середины и, полагая, что неудобно предлагать государю разом отстать от всех, к кому он привык, указывал преимущественно на необходимость убедить его в неотложной потребности иначе смотреть на дело, предпоставить себе новую цель и устроить иначе строй главных деятелей.

В Университете открыли курсы. Говорят, что студентов на них было около 50-ти.

12 октября. Ездил в Царское Село, чтобы видеть вел. кн. Марию Николаевну, у которой, несмотря на выраженное ею желание, не удосужился быть с июня месяца. Она очень встревожена настоящим положением дел и говорит: «On nous chassera tous d'ici a un an»[147]. Вернулся в 6-м часу. Между тем в Университете продолжались курсы и беспорядки. Одни говорят, что студентов было много, другие, – что их пришло с небольшим 20-ть. Но перед Университетом собралось их несколько сот. Арестовано и отправлено в крепость до 230-ти. Подробностей точно еще не знаю. Одни говорят, что они упорствовали не расходиться; другие утверждают, что они даже с палками напали на войско; третьи, что сопротивления и нападений вовсе не было и что, собственно, нельзя с точностью определить, за что столько из бывших там лиц арестовано. Вечером были у меня Павел Шувалов, Отсолиг, Толстой, Тышкевич, который в числе прочих был захвачен и отправлеп в крепость и которого я должен был выручить, кн. Иван Грузинский и осташковский городской

глава Савин, который желал выразить мне желание и объяснить нужды городских сословий, говоря, по его выражению, как джентельмен джентельмену. В нем виден опыт образованной bourgeoisie[148] или tiers etat[149]. На первый взгляд, образованности или подготовки более, чем природного ума.

13 октября. Утром у вел. князя для поздравления с днем его рождения и для того, чтобы просить его приказать публиковать в «Ведомостях» статьи об университетских происшествиях. Вечером за работой. Были Тютчев, Россет, Тышкевич, Толстой. Плетнев приезжал по моей просьбе для объяснений по университетскому делу. Он разделяет мое мнение насчет закрытия Университета.

14 октября. Утром в Совете у вел. князя. Рассуждали о том. что делать с арестованными студентами. Чевкин непременно хотел отдать около полусотни или сотни в солдаты. Муравьев говорил о ссылке поляков в Березов, Омск, Томск и т. п. Решили нарядить комиссию для разбора и обнаружения самых упорных или виновных. Путятин представил проект статьи для напечатания в газетах, который признан неудобным. Мне поручено по соглашению с ним оный переделать. Вечером приезжал Тышкевич, чтобы сказать, что он открыл, кто составляет в Варшаве секретный комитет, руководящий движением. Грейг был до 3-х часов утра. Разговор о составе и программе будущего «cabinet». Завтра вечером Чевкин и Шувалов едут в Москву навстречу государю.

В городе много толков о Ламберте, которого сильно осуждают. Мне он никогда не был по сердцу. Рассказывают, что он взял на подъем 50 тыс. руб. и что теперь Лидерс выпросил 100 тыс. Дороги эти непрочные назначения.

15 октября. У обедни. Заходил к Чевкину, на которого я резко нападал вчера в Совете у вел. князя. Разговор с ним о настоящем положении дел. Он ярый абсолютист, но, однако же, призадумался, когда я сказал ему, что личный состав всех министерств не позволяет действовать по прежней системе и что из каждых десяти чиновников можно безусловно надеяться только на одного. Его взгляд хорошо характеризуется тем, что он продолжает приписывать нынешнее расположение умов, между прочим, тому, что при Ростовцеве раздавали воспитанникам военных учебных заведений в виде наград «Economie politique» de J. B. Say и «Geschichte der Papste» Runke.

Обедал у вел. кн. о Шуваловым, кн. Горчаковым, Милютиным.

Продолжение прежнего совещания о том, что и как говорить государю. Мало надежды на успех. Кн. Горчаков в тумане. Шувалов бьет на личности, чтобы очистить место себе. Милютин преимущественно отрицает как возможность следовать прежним курсом, так и возможность пролагать новые.

Вечером был у меня гр. Сергий Строганов также с целию условиться насчет будущей системы действий. В его голове еще гораздо более тумана, чем в голове кн. Горчакова. Его мнения – какая-то смесь профессорского взгляда на просвещение, генеральского взгляда на профессоров, дворянского на помещиков, надежды на преодоление современных затруднений опирающимся на войско самовластием, и суждений о Польше и поляках, заимствованных из его воспоминаний о Минской губернии 1831 года{32}.

16 октября. Утром дома. Перед обедом заезжал к Анненкову. Какая бездарная ограниченность! Вечером за работой. Читал письмо Павлова к кн. Вяземскому о происшествиях в Московском университете. Там беспорядки 12-го числа были еще отвратительнее петербургских.

17 октября. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров. Разрыв с ген. Муравьевым начинается. Он говорил мне с полусдержанною злостью о моей записке по крестьянскому делу и нападает преимущественно на то, что мною было сказано, что правом наличность людей едва ли можно было пользоваться, не краснея. Между тем кризис в управлении приближается. Государь уже в Москве и сегодня вечером выезжает сюда, т. е. в Царское.

Сегодня утром, в 6-ть часов, отправили из с. – петербургской крепости в Кронштадт 240 человек студентов, арестованных 12-го числа. Для разбора их назначена особая комиссия под председательством тайн. сов. Пущина.

18 октября. Государь возвратился в Царское Село сегодня в полдень. 4 1/2 суток из Николаева. Скоро.

Утром у Вяземских, которые праздновали золотую свадьбу. Обедал с ними у Карамзиных. Вечером у них же.

19 октября. Утром в Зимнем дворце. Заседание бывшего Gouv provisoire в присутствии его величества. Студентское и университетские дела. Без положительного результата. Гр. Путятин опять ниже всякой критики. Читал длинную и скучную записку, в которой обвиняет профессоров и оправдывает самого

себя, не приходя ни к какому положительному заключению. Обычное впечатление. Жаль, что Совет собирался. Всегда поддерживают те именно порывы или наклонности государя, которых не следовало бы поддерживать.

По словам Шувалова, его предварительные объяснения с государем обещают некоторый успех. Мысль о более правильной организации правительства, т. е. Министерства, не встречает безусловного сопротивления. Шувалов поставил, однако же, на своем и едет за границу. Говорят, что его заменит ген. Потапов.

Ген. Игнатьев, которому государь выразил (хотя, впрочем, весьма мягко) свое неодобрение его распоряжениями, 2-го октября подал записку об увольнении от должности ген. — губернатора и потом приехал ко мне, бедный человек, просить ходатайства о сохранении ему приличного оклада.

Из Варшавы получены известия о более чем двусмысленных действиях Велопольского. Государь приказал вызвать его сюда, а если он не поедет, арестовать и отправить в цитадель.

20 октября. Утром во дворце на выходе по случаю заупокойной литургии по императрице Александре Федоровне. Потом доклад государю, который был чрезвычайно милостив и любезен. Он мне сказал, que j'avais sa confiance – que je pouvais a cause de cela me tres peu soucier de ceux qui me voulaient du mal[150] (причем он намекнул на государственного секретаря, и я его назвал), qu'il garderait une reconnaissance eternelle au c-te Panine qui m'avait propose successivement pour les deux postes du Cons, des ministres et du ministere de l'interieur[151] и т. п. Государь утвердил мои предположения о преобразовании журнала Министерства и о сделке с Павловым насчет его газеты. Он, кроме того, говорил о моих предположениях насчет преобразования Комитета министров и о своем предположении обратить эти преобразования преимущественно на Совет министров, причем поручил мне представить ему мои ближайшие по сему поводу соображения. Государь упомянул также об увольнении Игнатьева и о своем намерении назначить на его место, может быть, кн. Суворова. Доклад частию отложен до завтра за недостатком свободного времени. Был потом у лорда Нэпира, который передал мне только что полученный им (в 2-х экземплярах) 3 «Великорусса». Позже виделся у себя с гр. Шуваловым, который уезжает за границу завтра{33}. Видел Скарятина, который также едет за границу с семейством.

21 октября. Утром во дворце, где продолжал доклад

государю, но снова не мог вполне оный кончить за недосугом. Видел Пущина, председателя кронштадтской комиссии о студентах, который утверждает, что студенты невинны. Были у меня Игнатьев и кн. Долгоруков, последний, как всегда, froid, vague, decolore[152]. Вечером были Павлов, Щебальский по вопросам прессы, Яблочков по вопросу о банках, Корнилов с бумагами о первоначальном учреждении Совета, которые я у него выпросил для соображения. Видел Делянова, который говорит, что гр. Путятин при всем своем идеальном прямодушии невозможен и несносен. Был Неелов, который, подобно многим другим, говорит, что меня сильно бранят за губернаторские назначения. Доклад по Земскому отделу. С 8-ми часов утра до 1/2 1-го ночи, кроме обеда, ни одной минуты свободной{34}.

Потапов, которого видел во дворце, говорит, что устройство новой варшавской полиции удалось превосходно.

22 <октября>. Утром у обедни. Был у гр. Панина, который в тот же вечер был опять у меня. Он в настоящем настроении духа неудобен, но весьма ласков и почти вкрадчив со мною.

23 октября. Утром в Государственном совете и в заседании Главного комитета. Потом целый день за работой для государя, составлял предположения о преобразовании Совета министров.

24 октября. Отправил к государю конченную мною работу. Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером два доклада, pour terminer facilement ma journee[153].

25 октября. Утром за работой, не выходя из дома. Вечером у вел. кн. Михаила Николаевича, по его желанию. Разговор конфиденциальный. В заключение он сказал мне, que j'avais acquis toutes ses sympathies et que quand il me voyait chez l'empereur cela lui mettait l'ame en repos[154]. Потом у гр. Блудовой. Пред тем был у меня Павлов, который начинает торговаться по-жидовски.

26 октября. Совет министров по общему университетскому вопросу и в особенности по делу об особом мнении бар. Корфа, предлагающем преобразование университетов на началах Sorbonn'ы. К счастью, ничего не решили. Но в конце заседания государь дал мне новый знак доверия. Он поручил министру народного просвещения гр. Строганову, Панину (? кажется) и кн. Долгорукову обсудить вопрос о мерах к прекращению нынешнего колеблющегося состояния университетов, где никто почти

не слушает лекций, но, вставая, он вполголоса сказал Путятину и мне, что я должен участвовать в обсуждении этого вопроса. Полголоса употреблено, чтобы не дразнить прочих министров, и употреблено, несмотря на то, что я в заседании выразил мнение, не принятое его величеством, точно так, как перед заседанием государь меня призывал, чтобы сказать, что он одобрил мои предположения об устройстве Совета министров, но, чтобы меня не компрометировать перед прочими, желает объявить их как свою волю, а перед тем соберет у себя особое совещание из 4-х лиц: Панина, Горчакова, Долгорукова и меня.

27 октября. Утром в Царском Селе для доклада. Назимов и Долгоруков, т. е. первый через второго, представили государю список с моей переписки с Назимовым и разные сплетни о г. Стороженко, мною посылаемом в западные губернии. Государь, не спроса меня и под влиянием обычая считать наветы доказательством, изъявил мне желание, чтобы между Назимовым и мною не было личностей. Я не стал входить в объяснения, но воспользовался случаем доказать, что я стою выше мелочного самолюбия. Возвратись домой, я написал к Назимову мировое письмо, ссылаясь на то, что государем мне было сказано, и на то, что Назимов старше меня летами и службою. Это письмо до отправления я показал кн. Долгорукову без всяких объяснений. Долгоруков сказал: «Cela vous ressemble»[155]. Он был у меня вечером вместе с гр. Строгановым и Путятиным для совещания по университетскому делу. Как всегда, мнения других изменились и приходят к моему. Положено испытать продолжение курсов в университетах, но по безнадежности в успехе приготовиться к их закрытию и вслед за тем собрать здесь комиссию из профессоров для начертания оснований нового устава, т. е. то именно, что я говорил в Совете вчера.

В кабинете у государя видел императрицу. Она поздоровела и весьма любезно выразила мне сожаление, что по случаю предстоявшего совещания с кн. Долгоруковым, Строгановым и Путятиным я не могу остаться в Царском к обеду{35}.

28 октября. Утром в заседании Главного комитета. Я не дождался конца. Гр. Блудов невозможный председатель, а члены неудобовозможные члены. Вопросы предлагаются в одной форме, голоса подаются в другой, а результат хотят записывать в журнал в третьей. Вечером были у меня разные лица по делам прессы и доклад по Земскому отделу.

29 октября. Утром у обедни. Был у меня маркиз

Велопольский. Он умен, упрям и сознает выгоды своего положения и слабость нашего. Был у гр. Шуваловой. Вечером читал жизнь Сперанского бар. Корфа. Повествование о 14-м декабря и нынешнее творение бар. Корфа похожи друг на друга, как черное на белое.

30 октября. Утром в Совете. Был у меня Путятин, который опять совершил пол-оборота по университетскому делу. Гр. Строганов тоже. Сам назначив Путятину профессоров Соловьева и Бабста для вызова из Москвы, он теперь говорит, что вызывать профессоров было бы послаблением.

Отдал визит Велопольскому. Вечером покончил с профессором Никитенко, который принимает на себя дирекцию новой газеты Министерства внутренних дел. Были у меня разные лица по тому же делу, потом гр. Берг с пустыми речами и епископ виленский Красинский, которого, наконец, я вынужден отпустить обратно. Мысль, что я от него избавляюсь здесь, m'a mis de bonne humeur pour toule la duree de notre entretien[157].

31 октября. Утро за работой. Вечером разные посещения по делам прессы и банков, которые меня отвлекали от работы по делам Министерства. Получено сумасбродное донесение от минского губернатора гр. Келлера.

1 ноября. Утром в Царском. Мои предположения по устройству дел Совета прочитаны государем в присутствии гр. Блудова, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина и моем. Они приняты почти без изменения. Завтра должны быть предъявлены Совету. Государь особенно любезен ко мне. Compensation за Назимова. Кн. Суворов назначен с. – петербургским ген. – губернатором, бар. Ливен – остзейским. Видел кн. Суворова на железной дороге. Слышал от кн. Горчакова и от гр. Гейдена, бывшего у меня вечером, что Герштенцвейг застрелился, собственно, вследствие компрометировавших его действий Ламберта. Болезнь сего последнего, по-видимому, предлог уехать из Царства. Гр. Панин и кн. Горчаков не дают мне покоя. Первый вроде дядьки, меня преследующего. Второй постоянно делает конфиденциальные сообщения, не имеющие той важности, которую он им приписывает.

2 ноября. В Совете министров. Государем предъявлены мои предположения. Когда он спросил, встречает ли кто повод к возражениям, все молчали. Но когда зашла речь об окончательной редакции, все заговорили и убили даром 2 часа

времени. Редакция затем возложена на Буткова и Корнилова.

Обедал у гр. Нессельроде с Долгоруковым, Рибопьером и гр. Шуваловым.

3 ноября. В Царском. Доклад. Получил разрешение ехать к Москву 11-го числа. Обедал у и. и. величеств. В Финляндию назначен вместо гр. Берга ген. Рокасовский.

4 ноября. Утро за работой. Вечером было у меня новое совещание по университетским делам. Те же лица: гр. Строганов, кн. Долгоруков, гр. Путятин и я. Результат невелик. Был у меня ген. – ад. Яфимович, отправляющийся по высочайшему повелению в Минск для водворения там порядка. Увы! Как все эти господа плохи.

5 ноября. Утром на освящении церкви в приюте пр. Ольденбургского. Затем скучные визиты. Вечером за работой.

6 ноября. Утром в Государственном совете и Главном комитете. Вечером доклады.

7 ноября. В Комитете министров. Кн. Горчаков читал свой отчет за 1860 год. Хорошо написан, но многословен и отчасти пустословен. Мы теперь так малосильны за границей, что роль министра иностранных дел затруднительна не только на деле, но и в рассказах. Обедал у кн. Горчакова с маркизом Велопольским, гр. Нессельроде, бар. Мейендорфом и гр. Паниным. Кн. Горчаков, быть может, под некоторым влиянием d'un verre de vin genereux sur un estomac un peu faible[158] был тщеславен до комизма.

8 ноября. Утром в Зимнем дворце. Крестины новорожденного вел. кн. Михаила Михайловича. После церемонии остался по приказанию государя для участия в совещании о польских делах, к которому были призваны кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин и только что возвратившийся ген. Сухозанет. Речь была о некоторых мерах, которые предполагает принять ген. Лидерс, и о маркизе Велопольском, против которого Сухозанет восстает с самой свирепою старческою злобою. Он все время говорил в смысле естественной наклонности государя употреблять, силу. Кн. Долгоруков отзывался почти в том же смысле. Ген. Милютин находил необходимым, как и в минувшее лето, соединение властей военной и гражданской. Один кн. Горчаков на сей раз вполне искупил свое вчерашнее тщеславие и стойко и сильно

возражал Сухозанету. Государь обратился ко мне под. конец совещания с вопросом о моем мнении. Я так был раздражен нелепостями Сухозанета и в особенности тем, что они будто бы нравились государю, что высказал свои мысли с жаром и резкостью, которых обыкновенно старательно избегал. Я сослался на стих из IX главы апостольских деяний: «жестокоти есть противу рожна прати» и напомнил о силе, которая выше сил земных, о невозможности преобороть материальною силой элементы духовные и о прискорбных результатах той системы и тех советов, которым государь доселе следовал. Кажется, что мои слова несколько подействовали, ибо совещание тотчас прекратилось. Завтра ген. Милютин назначается военным министром на место Сухозанета. Последний сам просил увольнения, но, кажется, что он просил об нем только потому, что удостоверился, что от него этой просьбы желали и ожидали.

9 ноября. Утром Совет министров. Государь мне объявил лично, что утверждает меня министром внутренних дел. Вечером доклады.

10 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Был у императрицы, которая приняла меня чрезвычайно ласково и, между прочим, объявила, что, кроме кн. Горчакова, она со мною одним намерена говорить доверчиво. Вечером Комитет у меня по университетскому делу и по вопросу о цензуре. Кроме прежних лиц, бар. Мейендорф, sa montre est grandement en retard[159]. Завтра еду в Москву. Да благословит Бог наш путь, ибо еду с женою. Да благословит он дело, для которого я еду.

19 ноября. Был в Москве 12-е и 13-е. Вернулся 15-го. С тех пор был три раза в Царском Селе.

В Москве мои переговоры с митрополитом привели к тому результату, что делу дается дальнейший ход. Он вообще согласился с предложенными ему мерами. Только против одного пункта о призыве нескольких членов Святейшего синода в Государственный совет он постоянно возражал, хотя я с разных точек зрения и несколько раз старался устранить его возражения{36}. В Москве, как всегда, много толков и мало толка. Заняты предстоящими выборами. Губернский предводитель Воейков добивается нового трехлетия путем оппозиционных выходок против правительства. Между тем по университетскому делу раздор между ген.—губернатором и попечителем учебного округа. Сегодня утром у обедни. Потом у вел. кн. Елены

Павловны, assez curieuse, mais assez mal informee[160]. Заезжал к гр. Блудову, который присылал ко мне просить об этом визите. Ему пришло на мысль, что нехудо отсрочить на один год все дворянские выборы в империи.

На чем основана наша система действий в Царстве Польском и в западных губерниях? На понятии о страхе. «Страх, – писал Сперанский в 1820 году, – есть дело внезапности, род очарования. Нужно знать его меру, чтобы им пользоваться».

В Министерстве народного просвещения продолжается разложение. Делянов, директор, и Воронов, вице-директор Департамента народного просвещения, выходят. На место первого назначается гр. Дмитрий Толстой, зять Д.Г. Бибикова.

20 ноября. Утром в Государственном совете и заседании Главного комитета. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером был ген. Крыжановский. Умен, но топорный государственный муж. Все русские варшавские делатели как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов. Потом был Ламанский, который говорит, что финансовыми делами овладела немецкая кайзерия – Рейтерн, Нессельроде, Мейендорф. После него Потапов. Издание «Северной почты» возбудило в разных «литераторах» и «публицистах» вожделение пользоваться казенными деньгами. Двое из «либеральнейших» предлагают свои услуги III отделению, предварительно обещав мне содействие по «Северной почте».

21 ноября. Особое совещание у государя но польским делам. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Блудов, ген. Сухозанет, ген. Милютин, ген. Крыжановский и я. В общем направлении нет успеха, но в частности решен удовлетворительно, к немалому моему изумлению, вопрос о допущении прямого дипломатического представителя римского двора при нашем дворе сперва в виде экстраординарного комиссара, а там и в виде «нунция».

Вечером у кн. Кочубей.

22 ноября. Утром в Министерстве. Вечером в Царском Селе. Театр.

23 ноября. Утром у митрополита Исидора, где видел и Баженова, потом у гр. Толстого (обер-прокурор при Святейшем синоде). Кончил предварительные переговоры по делу о духовенстве. Со стороны двух первых почти безусловное согласие. Бажанов в особенности, видимо, рад возможности

сделаться членом Государственного совета. Он от избытка удовольствия не мог вынести моего взгляда и опускал глаза или глядел в сторону. Гр. Толстой, с которым, впрочем, я объяснялся особенно осторожно, преимущественно остановился на возражениях митрополита Филарета насчет привлечения духовных сановников к заседаниям в Государственном совете. Впрочем, и он не дал окончательного или положительного отрицательного отзыва. Таким образом, дело доведено до 2-го периода, т. е. до приступа к учреждению особого Комитета для дальнейшего направления оного к цели. Да будет Бог в помощь.

Вечером на бале у С.С. Бибиковой. Кн. Кочубей положительно считает меня вторым Горчаковым и преследует меня политическими рассуждениями.

24 ноября. Утром в Царском. Доклад. Государь объявил мне, что он желает, чтобы я был членом финансового комитета, и поручил известить о том министра финансов. Насчет дела о духовенстве мне разрешено представить соображения об учреждении комитета под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Возвратился в 1-м часу с тем же поездом, который перевез из Царского в Петербург на зиму их величества. Был у вел. княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, по случаю Екатеринина дня. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Суворовым. Вел. князь и вел. княгиня оба весьма любезны и симпатичны. Вечером были Ржевский по делам газеты, Абаза, Щербатов, гр. Келлер, Тройницкий. Утром заезжал Паскевич. Он говорит, что принял бы одно назначение – в Варшаву. Il ne vise pas a peu de chose[161], как он сам выразился. Главное то, qu'il vise faux[162], потому что его имя вовсе не представляет ему на месте тех выгод и той силы, которые он ему приписывает. Он думает, что поляки дорожат памятью его отца. Il serait desobligeant de tacher de le desabuser[163].

25 ноября. Утром в Комитете финансов. Впечатление неутешительное. В нем заседает министр финансов. Но его роль играет не он, а ген. – ад. Чевкин. Ген. Муравьев твердит старую песнь о невозможном займе. Все занимаются неразрешимою задачею сокращения несократимых расходов. Делопроизводитель Рейтерн решительно не обладает приписываемыми ему талантами. Перед тем был у е. величества с кн. Горчаковым и Тымовским. Первый читал проекты двух превосходных депеш в Рим о назначении ксендза Фелинского варшавским

диасезальным администратором (vicaire apostolique[164]), а потом и архиепископом, и о принятии нами сперва прелата из Рима в качестве чрезвычайного комиссара по делам в Польше, а затем эвентуально и нунция.

Вечером заезжал к Гернгросу. По его словам, государь bat froid[165] Зеленого, как полагает он, в предубеждении, что Зеленый интриговал против Муравьева, который сперва будто бы уходил тотчас, а теперь остается до 15 января, как полагаю я, потому что Зеленый не умел обделать дело так, чтобы государю не пришлось оставлять Муравьева до января.

26 ноября. Утром у обедни. Потом был у гр. Шуваловой. Занят скучными приготовлениями к проектируемым мною приемным дням или вечерам.

Был у меня Ливен, вернувшийся из своего ген. — губернаторства. Немцы не походят на русских. Ливен получает с лишком 30 тыс. руб. в год и имеет некоторое состояние, но говорит, что не может «принимать» за недостатком средств. Я не имею ничего и получаю только 12 тыс., а буду принимать еженедельно.

27 ноября. В Государственном совете. Потом в Главном комитете. За работой остальное время дня.

28 ноября. Утром Комитет министров. Был с женою у леди Нэпир. Обедал у государя с Милютиным, Крыжановским, Краббе и гр. А. Адлербергом. Потом заезжал к Абазе, у которого должен был обедать в тот день. Вечером были у меня Борис Голицын, Рибопьер и Кошелев, который говорит, что без розог нельзя обеспечить отбывания крестьянских повинностей.

29 ноября. Заходил утром к гр. Путятину по случаю нелепостей, сказанных председателем комитета, назначенного для составления новых цензурных правил, дейст, ст. сов. Берте, который полагает, что в этом деле можно ограничиться старыми приемами. У Путятина сидел Панин. Они оба сидели над студентским делом, которое завтра должно докладываться в Совете министров. Я не вошел и отправился к Толстому (графу Д.А.) в Департамент народного просвещения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Марьею Николаевной, кн. Вяземским и Тютчевым. Вечером был у гр. Блудовой.

30 ноября. Совет министров по университетскому делу. Решено сообразно с заключением министра юстиции выслать

в отдаленные города несколько посторонних лиц, замешанных в это дело, и несколько студентов, признаваемых главными руководителями движения; исключить из Университета IV-й курс с высылкою на родину под полицейский надзор; остальным предоставить поступить в Университет, буде пожелают на известном основании, т. е. с принятием матрикул. Для этого результата с лишком 300 чел. сидели в крепостном аресте более 2-х месяцев. Между тем беспорядки в Университете возобновляются. Сегодня была сходка. Попечителю наговорили дерзостей. Явились новые прокламации или объявления на стенах. Суб-инспектора прибили и пр., и пр. Придется возвратиться к тому, что предлагал 25 сентября.

1 декабря. Утром доклад. Государь был, видимо, озабочен. Потом заседание Департаментов Царства Польского и законов в Государственном совете при участии Велопольского. Перед обедом был у меня гр. Панин и говорил без умолка 3/4 часа весьма бессвязные речи. Вечером были Гагамейстер и братья Шуваловы.

2 декабря. В 12 час. у государя с кн. Долгоруковым, гр. Строгановым, кн. Горчаковым, гр. Путятиным, Мейендорфом, Милютиным, кн. Суворовым и вел. кн. Михаилом Николаевичем для совещания по университетскому делу. Решено закрыть С.-Петербургский университет на тех основаниях, которые мною были предложены еще 25 сентября. Потом в Комитете финансов.

Обедал с женою у лорда Нэпира. Grand diner in fiocchi[166]. После обеда совещание у меня по университетскому делу. Гр. Строганов, кн. Долгоруков, Мейендорф, Путятин. Потом доклад Земского отдела до 1 часа пополуночи.

3 декабря. У обедни. Были у меня гр. Толстой. (Министерство народного просвещения) для редакции объявления о закрытии Университета, Эттинген и ген. Чевкин для объяснений по делам Главного комитета. Толстой ненавидит Головкина и рассказывает про него и про Оболенского черные были. Путятин решительно выходит. Кн. Долгоруков еще вчера говорил мне об этом. Не знают, кем его заменить. Называют опять Головкина и бар. Николаи. После обеда за работой до 11 час. вечера. Наконец у Гернгроса до 12-ти.

4 декабря. В Государственном совете. Сибирский комитет{37}. Визиты. Работа.

5 декабря. В Министерстве. Вечером работа.

6 декабря. Утром па малом выходе во дворце. Вечером там же. Полудетский танцевальный вечер. Большею частью в числе собеседников императрицы с Мейендорфом и Мальцовою. Ничего особенно замечательного. Государь говорил о выходе Путятина, назначении на его место Головнина, а самого Путятина на место гр. Толстого, об. – прокурора Святейшего синода.

7 декабря. Совет министров. Опять разные безрезультатные толки об университетском деле. Кн. Горчаков и гр. Панин, движимые чувствами отеческой любви, не желают распущения Университета, а только временного его закрытия. Государь был жесток с Паниным и объявил, что он настаивает на том, чтобы Университет был при наступлении вакаций распущен, т. е. закрыт окончательно, впредь до преобразования. Гр. Путятин на сей раз был того же мнения. Выходя, гр. Блудов сказал мне: «Вы все много толковали о различии двух слов: закрытие и распущение. Вы забыли третье слово: упразднение, т. е. упразднение Министерства народного просвещения».

Из дворца поехал к Бажанову, а оттуда к митрополиту приглашать их на мои воскресные вечера. Подписал сего доклад о manages mixtes[167] и других вопросах, касающихся отношений иноверных церквей к православной.

8 декабря. Доклад у государя. Заезжал к вел. кн. Константину Николаевичу, который приехал сегодня утром. Не застал его. Вечером за работой. Потом совещание с редакторами будущего журнала. Никитенко чрезвычайно плох.

9 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Разговор общий о современных делах и особый, с моей стороны, доклад по делу о преобразованиях по духовной части. Вел. князь говорил, что нам надлежит дружно поддерживать государя, что нас немного, он, Милютин да я, что на других рассчитывать нельзя и т. п. Потом был у меня Чевкин часа два по делам финансовым, крепко убеждая меня не говорить о credits supplementaires[168], потому что ими будут злоупотреблять, и о возможности новых ассигнационных выпусков, потому что ими будут злоупотреблять еще более. После Чевкина был Панин. Он явно считает себя обиженным. Говорил о государе, как прежде никогда об нем не отзывался. При этом случае признался мне, что он рекомендовал меня государю на настоящую мою должность. Говорил много о дворянских выборах, но никакого

положительного и ясного плана не обнаружил. Вечером был у кн. Кочубей. Le plus beau bal que j'ai vu de longtemps[169]. Государь, который был на бале, сказал мне, что с большим любопытством прочитал записку об отношениях иноверных церквей к православной и разделяет мое мнение, но что он хочет посоветоваться и с духовными лицами. То же самое видно и из его резолюций на записке, которую он мне сегодня возвратил.

10 декабря. Утром у обедни. Был у Муравьева. Прием холодный, провожанье теплое. Вечером мой первый «raout». Raout manque[170] потому что музыкальный вечер у и. и. величеств и бал у гр. Кушелевой у меня отняли многих посетителей. Протоиерей Рождественский был один из приглашенных мною духовных.

11 декабря. Утром Государственный совет. Гр. Панин сказал мастерскую речь по уголовному делу о крестьянине, обвиняемом в изнасиловании. Потом соединенное присутствие Департамента экономии и Главного комитета. Потом заседание Главного комитета. Приглашен к обеду у государя, но не мог быть, потому что приглашение дошло ко мне слишком поздно. Вечером за работой. Жена представлялась вел. кн. Елене Павловне. Она была с нею чрезвычайно любезна, равно как и вел. кн. Ольга Федоровна, у которой она была 7-го числа.

12 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Он не вполне согласен на направление дела о нашем духовенстве предположенным мною путем. Он сомневается в своевременности дела и в удобстве оглашения его таким громким способом.

Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

13 декабря. Утром в Комитете финансов. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером на бале у гр. Панина.

14 декабря. На нынешний день назначена была разными лицами панихида в Казанском соборе по 5-ти декабристам, коих имена и медальоны украшают заглавный лист «Полярной звезды». Об этом получено сведение кн. Долгоруковым и кн. Суворовым. Последний говорит, что он успел убедить профессоров Сухомлинова и Костомарова и студента Гена в «несвоевременности» этой демонстрации, что они всю ночь провели в разъездах по своим «знакомым» и что вследствие их увещаний демонстрация не состоялась. Сегодня же утром

исполнен на Сытном рынке приговор над Михайловым. Ночью он вывезен из Петербурга.

Совет министров. Читая обзор действий Министерства государственных имуществ, хотя в нем указаны были немаловажные результаты, государь не сказал М.Н. Муравьеву ни одного любезного слова, а Бутков не без свойственного ему нахальства тотчас заявил желание завладеть бумагой, ясно обнаруживая намерение впоследствии поверить ее содержание. По Министерству внутренних дел обсуживался вопрос о сообщении или несообщении чрезвычайному собранию с. – петербургского дворянства (в январе) вопросов, передаваемых нами по высочайшему повелению на обсуждение губернских очередных собраний. Решили не сообщать. При сем даже постановили ограничить срок съезда и ген. Чевкин выразил опасение, что собрание будет склонно к тому, чтобы остаться en permanence[171].

15 декабря. Утром доклад. Вопрос о духовенстве отложен по моей просьбе до января. Лучше дать притупиться первому признаку противодействия. Кроме того, мне теперь некогда.

Был в общественном присутствии Департамента экономии и законов. Государственный совет по делу о преобразовании городского управления в С.-Петербурге и Москве. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича. Вечером за работой.

16 декабря. Утром в Министерстве. Потом в Комитете финансов. 4 часа работы, а дела на 1/2 часа. Вечером за работой дома.

17 декабря. Утром у обедни. Обедали на полуофициальном обеде, данном здешними остзейцами кн. Суворову. И трогательно, и смешно, и похвально, и жалко. Старик гр. Пален (П.П.), старик гр. Нессельроде были на обеде. Кн. Суворов плакал, как женщина или ребенок. Мейендорф (casse noisette[172]) сказал речь, начинавшуюся в тоне пастора и кончавшуюся в тоне студента-бурша: Dank dir, lieber Bruder[173] и пр. Гр. Нессельроде провозгласил тост в честь государя по-немецки. Обед и помещение по части исполнительной довольно плохи.

Вечером мой второй «raout». Лучше прежнего. Были представители всех духовенств, от каждого по два{38}.

18 декабря. В Государственном совете. После Совета заседание соединенного присутствия Департамента экономии и Главного комитета. Оба самые беспутные и беспорядочные.

Почти все члены говорили, в особенности в соединенном присутствии, столь странные речи, что я молчал, желая избегнуть без прямой к тому необходимости резких опровержений в отношении к Панину, Муравьеву, Бахтину, Анненкову, Блудову и кн. Гагарину. Вел. кн. Константин Николаевич также вышел из границ приличия, сказав кн. Гагарину, что особое мнение, им предвещенное, надлежит изложить в выражениях более приличных или менее неприличных, чем поданная им записка по вопросу о переводе части банкового долга на крестьянские земли. Одним словом, если так должны идти дела, то им идти вперед невозможно.

19 декабря. Утром в Министерстве. Вечером за работой.

20 декабря. Утром у государя с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, гр. Паниным, ген. – ад. Милютиным, гр. Блудовым и Тымовским по польским делам. Обсуживалось дело ксендза Белобржеского, по которому доклад был представлен Паниным и Милютиным. Кроме того, государь предложил вопрос о принятии предложении, представленных ген. Лидерсом за счет открытия училищ в Царстве. Кн. Горчаков изъявил желание, чтобы по сему вопросу был спрошен Велопольский. После некоторых прений государь согласился, возложив объяснение с Велопольским на кн. Горчакова, Тымовского и меня. Потом был в Комитете финансов. Обедал у Карамзиных. Вечером у Горчакова с Велопольским и Тымовским. Пришлось мне вести дело, почему кн. Горчаков и просил меня принять на себя личный доклад государю о результатах совещания. Все было une question de courtoisie a l'egard de Wielopolski[174]. Начальства в Царстве против него маневрируют, государь против него предубежден. Кн. Горчаков и я полагаем, что при явной неспособности наших деятелей в Царстве лучше избегать окончательного разрыва с Велопольским.

21 декабря. Совет министров. Перед заседанием докладывал государю при Горчакове о результатах вчерашнего совещания. В Совете государь возбудил вопрос о Политико-экономическом комитете Географического общества. Поводом к тому был доклад Муравьева дня три тому назад о приглашении в Комитет директоров его Министерства для участия в суждениях о государственных имуществах. Муравьев имел в виду преимущественно сделать неприятность вел. кн. Константину Николаевичу как президенту или покровителю Географического общества. Муравьев, Панин и Чевкин хотели закрыть Комитет. Кн.

Горчаков и бар. Корф желали более кротких мер. Я счел себя обязанным заявить, что я принадлежал к числу учредителей Комитета, и объяснить постепенное расширение круга его занятии. Государь ограничился весьма кратко постановлением правила, что во всех вообще обществах учреждение подобных комитетов должно быть допускаемо не иначе, как сообразно с уставом Общества, по предварительном обсуждении дела в Совете и по представлении на правительственное утверждение программы занятий Комитета. Был потом у Панина, чтобы избавиться от его посещения. Вечером за работой. Из Тулы получено сведение частным путем о составлении на губернском дворянском съезде всеподданнейших адресов с выражением весьма неуместных требований.

22 декабря. Утром доклад. Государь поручил мне предложить харьковскому губератору ген.-м. Ахматову должность об. – прокурора Святейшего синода. Государь вообще любезен ко мне. На сей раз я выпросил производства Соловьева в действ, ст. советники. Был потом у императрицы, которая принимает теплое участие в кн. Вяземском, снова заболевшем прежнею болезнью. Был в заседании соединенного присутствия Департаментов законов и экономии по делу о преобразовании городского управления в Москве. Вечером за работой. Были у меня Тернер и Безобразов по делу о Политико-экономическом комитете Географического общества и типографщик Дабблен по рекомендации Тышкевича. Замечательная личность, но личность красная.

23 декабря. Утром Комитет финансов. Reutern est decidement un homme obtus. Sa boucbe a une expression d'obesite intellectuelle remarquable[175]. Обедал в Английском клубе. Длинный, недипломатический разговор с французским поверенным в делах Польши о польских и французских делах. Он откровенно признавался qu'ils ouvraient la guerre d'ici a un an[176], я довольно откровенно говорил, что думаю о Польше. Вечером за работой.

24 декабря. Утром у обедни. Вечером елка, по обыкновению.

25 декабря. У обедни. В первый раз выслушал молебствие на память 1812 года. Не знаю, кто избирал для него тексты Апостола и Евангелия. Я бы не выбрал ни того, ни другого.

Сегодня Головнин назначен управляющим Министерством народного просвещения.

Был у Вяземских. Впрочем целый день дома.

26 декабря. Утром у Вяземских, которые уехали сегодня за транину. Потом в Комитете финансов. Вечером в Зимнем дворце, на полудетском бале. Длинный разговор с вел. кн. Марией Николаевной по предмету нынешнего положения дел вообще и положения дел церкви в особенности. Продолжительный разговор и с императрицею, которая продолжает называть себя моим «confesseur»[177]. Она сожалеет о предложении места синодального об. – прокурора Ахматову. От него разговор перешел к делам церковным. Ее величество выразила опасение, что по этому предмету между ею и мною будет un «sujet de divergence»[178]. Я возразил, что сам это предусматриваю, и прибавил: «il y a longtemps que je le pense et je me peimets d'esperer que votre majeste ne voudra pas me condamner sans m'entendre. Mais j'ai l'audace, madame, d'aller beaucoup plus loin dans ma pensee, et comme vous m'avez fait un devoir etre vrai je me hasarderai a la dire sans reserve. Quand vous me permettrez de traiter le sujet de divergence, j'espcre avoir le bonheur de vous convertir, mais je suis certain qu'il est impossible que votre majeste me convertisse». – «Ce que vous dites la est bien fort, et c'est a votre „confesseur“ que vous le dites». – «Je prie votre majeste de vouloir men me mettre a l'epreuve»[179].

27 декабря. Совет министров. Читали мой очерк положения дел Министерства и записку о «mariages mixtes». Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восставали против всякой перемены в законодательстве относительно иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князья, по-видимому, сочувствовали мне, ибо после заседания лестно отзывались о сказанном мною. Равным образом сочувствовали, но молчали гр. Адлерберг, пр. Ольденбургский и Княжевич. Государь колебался. Однако дело в сущности выиграно, ибо насчет «mariages mixtes» разрешение только отсрочено, а в отношении к устранению стеснений при возведении иноверных храмов поведено ныне же дать делу установленный ход.

28 декабря. Доклад государю. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича с Головниным. Мое положение становится более

и более затруднительным. Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избегнуть при этом ненавистной мне двуличности, а между тем еще нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и, следовательно, я рисковал бы испортить дело попыткою торопливо прекратить ее колебания. Вечером в французском театре (по указанию императрицы). «Nos intimes»[180]. Игра госпожи Arnault превосходная.

29 декабря. Утром в Государственном совете. Экстренное заседание для пропуска постановлений финансового комитета о возвышении нескольких статей доходов. Вечером на маскараде в Академии, где вел. кн. Мария Николаевна сама познакомила меня с нашими замечательнейшими художниками. 20-градусный холод помешал мне там пробыть долго. Хороши были живые картины, постановленные профессором Бруни, особливо Ave Maria с хором, так что впечатления картины и музыки соединялись.

30 декабря. Утром Комитет финансов. Заезжал к Головнину. Вечером он был у меня для сообщения своих вчинаний или начинаний. Intelligent, insinuant, methodique, froid, egoi'ste, peu agreable[181]

31 декабря. Утром в Казанском соборе. Целый день дома за работой. Истекает 1801 год. Наступает новый с опущенною над ним непроницаемою завесой. Благословиши венец лета, благости Твоея, Господи!{39}.

notes

Сноски

1

который до сих пор имеет авторитет (фр.)

2

Плут (от немецкого «Pfiffikus»)

он не пользуется уважением, он остроумен, он горбат (фр.)

4

Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (фр.)

5

железный герцог (англ.)

6

Это всегда возвращается, и т. д. (фр.)

якобы воротилы (фр.)

8

Не напрягаться против вещей, ибо их это не беспокоит (фр.)

в исполнение

10

Я признаюсь, -… – что если Долгорукий и Муравьев перейдут в лагерь Гагарина, я перейду также (фр.)

Для устройства крестьян удельных, казенных и т. д.

12

Карты смешались (фр.)

13

Каждому своя торговля (фр.)

об этом (фр.)

15

дезертирство (фр.)

чудеса гимнастики созданы и исполнены Жюлем Леотаром (фр.)

17

Это мой лунный свет (фр.)

знаменитости (нем.)

прошения прав (англ.)

старые болваны (фр.)

чтобы подставить себя под пули (фр.)

в бантах (ит.)

23

что задержат лидеров (фр.)

присутствовать здесь короткое время. (фр.)

25

Начало конца.(фр.)

бред деспотизма (фр.)

невероятно (ит.)

28

«Мы слишком легко смотрим на это дело». – Я рад, услышать это от вас, мой принц. Я уверен, что положение очень серьезное. – «Ш-ш-ш! не надо говорить» (фр.)

29

«Мы не дали Горчакову (т. е. наместнику) время на глупости, чтобы принять его ходатайство. Все хорошо. Следует только отправить в другое место М.М. Фиалковского и К°» (фр.)

Таким образом проходит слава (лат.)

31

знаменитость (англ.)

преувеличивать, насколько это возможно, о пролитой крови (фр.)

33

Управлять это предвидеть (фр.)

34

Что требуется для Польши – Изменение системы, мадам. – я тоже так думаю; но вот министр внутренних дел, который является горячим и говорит о серьезных мерах (фр.)

35

Но мы в течение тридцати лет были строгими, мадам, а к чему мы пришли? (фр.)

способ увидеть рыцаря (фр.)

37

рыцарь (фр.)

вы должны освободить дом от вашего присутствия (фр.)

посмертные произведения Токвиля

но понимаете, что мне более выгодно мне уйти раньше. Дела не пойдет. Лучше быть вне до драки (фр.)

вражеская колонна отрезала ее во время Аустерлицкого сражения и с тех пор она не сумела вырваться оттуда (фр.)

в Journal de St Petersbourg сообщение относительно положения в Польше. Падают, – говорил один государственный деятель, – только в сторону, куда наклоняются. Если мы упадем в Польше, то именно от полицейских мер, которыми заменили идеи правительства (фр.)

маленького временного правительства под сенью доброй небольшой Варшавской цитадели (фр.)

жертв (фр.)

всесожжение (фр.)

тоста лояльности (англ.)

Выступая в качестве тени Одиссее (фр.)

письмо Вольфсона (англ.)

49

Мне не нравится громкий смех (фр.)

является династическим и фатальным в связи с немецкой кровью(фр.)

не появлялась (фр.)

что голос общественности назначил меня президентом Административного совета в Варшаве (фр.)

53

подъема (фр.)

54

Как ваши люди апатичны! (фр.)

55

«дяди из Америки» – По ним носят траур, но от них получают наследство (фр.)

из того, что имеют право приветствовать, еще не следует, что имеют право сказать к черту (фр.)

57

Он себя больше не ведет как восходящая звезда. (фр.)

Слава имеет разные голоса (исп.)

изложение мотивов (фр.)

60

Я никогда не слышал ничего более пустого, чем то, что говорит граф Панин, хотя, впрочем, его речь звучит и льется (фр.)

61

Никакой уступки. Велопольский и Замойский, вместо того чтобы быть мучениками правого дела (!!!), являются заговорщиками (фр.)

62

Сильное правительство может улучшать. Его уступки не являются слабостью. Никаких последовательных уступок, чтобы не возбудить неосуществимых надежд. Нужно немедленно наметить границы этих уступок и кончить дело здесь, завершив его без предварительной переписки с Варшавой. Необходимо спешить. В паши дни время пожирает, но не укрепляет (фр.)

63

Платонов. Никаких уступок. Существует органический статут, то следует выполнять.(фр.)

64

Он вызвал дьявола и не знает, как приручить или укротить его (фр.)

Нельзя предрешать интересы империи – вот одно из ограничений, которое следует установить. Верховный Совет, предложенный Велопольским, в котором будут заседать епископы; представители городов и представители советов воеводств, ему кажется опасным. Созываемые сессии являются в какой-то мере национальным представительством (фр.)

односложные слова, выражающие согласие (фр.)

предпочитает постоянный Совет. Никаких созывов (фр.)

68

Они выдают за общественное мнение свой собственный взгляд на вещи (фр.)

решительно не останавливается на этом (фр.)

70

Вы недовольны (фр.)

71

Князь, вы увидите последствия я вы их сможете оценить (фр.)

что неохотно сделанные уступки – наихудшие из всех, которые можно было бы совершить (фр.)

что это у императора предвзятое мнение и, следовательно, можно было бы только продемонстрировать принципы, не добившись никакого результата и поставив его величество в еще более затруднительное положение (фр.)

идти дальше этого(фр.)

что еще нет при его величестве советника, который мог бы быть выразителем мнений и защитником больших и смелых мер (фр.)

свобод лютеранской церкви в балтийских провинциях (фр.)

77

«Если вы говорите от имени неотъемлемых прав человечества, – сказал я – то я буду всегда за свободу вероисповеданий; если это от имени Ништадтского трактата, я буду всегда против его проведения в жизнь в этой области, как и в любой другой» (фр.)

народного просвещения и вероисповедании (фр.)

из числа недовольных (фр.)

Чтобы в настоящее время остаться на службе, – говорил он, – надо обладать безграничной личной преданностью. Она у Меня была по отношению к императору Николаю. У меня ее нет к императору Александру. Что касается принципов – да, в отношении же личности – нет. || Император строит иллюзии в отношении того, что происходит. В глубине своей души он деспот. Он мне сам сказал, что скорее перешагнут через его труп, чем он пойдет на уступки. И однако мы к этому идем.(фр.)

81

в бантах (ит.)

младший (анг.)

почетные лица

Горчаков был поражен этой идеей (фр.)

являются ее обожателями (фр.)

86

Пожалейте меня, друзья мои, мне уже пятьдесят лет… (фр.)

87

Я ни Гвельф, ни Гибеллин, кто мне хорошо платит, тому я поклоняюсь (ит.)

88

Божественное возмездие

89

Живи непорочно, Божья воля с тобой (лат.)

90

Капля точит камень не силой, а частым падением (лат.)

91

Как я сожалею о своих пухлых ручках, стройных ножках и о потерянном времени

успехи (фр.)

предназначает Хрущеву один из первых министерских портфелей который окажется свободным.(фр.)

блестящее общество (анг.)

я восхищаюсь им, но подражать ему не стану (фр.)

Я тесно связан как с одним, так и с другим (фр.)

бессистемный разговор (англ.)

со своей звучной и пустой речью (фр.)

я впервые чуть было не получил министерский портфель(фр.)

который опасался, что вчера был слишком резким(фр.)

101

Я имел бы здесь большое влияние и не мог ли бы я быть привлечен на сторону Пруссии? (нем.)

что меня, пожалуй, не надо привлекать, я целиком на стороне Пруссии или других стран в тех случаях, когда их интересы совпадают с русскими (нем.)

что он привлечение рассматривает, конечно, в положительном смысле (нем.)

104

Он был у меня в Министерстве в течение тридцати лет, и я всегда считал, что он не пригоден ни к чему серьезному (фр.)

105

Пусть он правит,
Он – мудрый князь
И он себя так поведет,
Что ты сам удивишься

(нем.)

и держу тысячу против одного (фр.)

порядка и улучшений, которые ни в чем бы не изменили основ правительства (фр.)

я вам это приказываю(фр.)

что он хочет, чтобы Ланской ушел в отставку (фр.)

110

Говорят, что орденская лента дана одному карлику и другому не карлику, что наградили одного самого длинного и другого самого скрюченного.(фр)

криком (англ.)

свидетельство (англ.)

113

Меня всегда считали противником эмансипации. Реакционеры рассчитывают на меня. Я подвергнусь сильному давлению и т. д. (фр.)

случайностям (фр.)

115

В течение шести месяцев я был здесь, – сказал лорд Напье – едва ли услышу я о нескольких человеках, принадлежащих, что называется здесь, к немецкой партии и согласны с правительством (нем.)

предписание (фр.)

117

Ниже отметки… (англ.)

118

Красивая фигура, но сомнительный персонаж (фр.)

119

в массе и в галопе (фр.)

домашние аресты и обыски продолжаются (фр.)

121

желаемый (ит.)

объединиться в империю и царство, как это было однажды объединено с одним только королевством; иметь полную свободу совести, в вышестоящий суд и университет в Вильно, право на образование и судопроизводство на их языке и возможность выражать свои пожелания (фр.)

123

доверенным лицом (ит.)

Знамение времени (лат.)

недвусмысленно (фр.)

желаний (ит.)

в черном (фр.)

129

Это эфемерное движение (фр.)

это будет длиться только некоторое время (фр.)

131

Это будет продолжаться до тех пор, пока существует Французская империя (фр.)

Но тогда вы хотите сказать, что это навечно (фр.)

133

кто говорит о своей отставке (фр.)

соделанного действия(фр.)

актов бездействия (фр.)

претензии страны (фр.)

актов бездействия (фр.)

138

Временное правительство (фр.)

139

в перманентности (фр.)

интимный вечер (фр.)

141

в чёрном (фр.)

дела не в столь хорошем состоянии, чтобы он вернулся по желанию, ни в столь плохом, чтобы он вернуться по долгу (фр.)

143

Мемуары были очень по вкусу (фр.)

инспектируемым листком (фр.)

тянут короткую соломинку (фр.)

в неопределенности и в мире фраз (фр.)

147

Мы выедем все через один год (фр.)

буржуазия (фр.)

третье сословие (фр.)

что у меня было его доверие – я мог из-за этого не волноваться о тех, кто хотел сделать мне зло (фр.)

он будет хранить вечную благодарность гр. Панину, который мне предлагал последовательно два поста Совет министров и Министерства внутренних дел (фр.)

холодный, неясный, бесцветный (фр.)

153

легко завершить мой день (фр.)

что я приобрел все его симпатии и что, когда он меня видел у императора, это его успокоило (фр.)

155

Это на вас походит (фр.)

чисто и просто (фр.)

поставить меня в хорошем настроении на протяжении всего нашего интервью (фр.)

стакана доброго вина на несколько слабый желудок (фр.)

его часы значительно отстает (фр.)

довольно любопытна, но довольно плохо проинформирована (фр.)

161

Он не стремится, имеет немного (фр.)

что он ошибочно добивается (фр.)

163

Было бы неправильно его разуверить (фр.)

викарий апостольской (фр.)

относился с подчеркнутой холодностью (фр.)

Званый обед в парадных костюмах (ит.)

смешанных браках (фр.)

дополнительных кредитах (анг.)

169

Наиболее красивый бал, который я видел (фр.)

неудавшийся раут (фр.)

постоянно (фр.)

щелкунчик (фр.)

173

Спасибо тебе, дорогой брат (нем.)

Из уважения к отношении Велопольского (фр.)

175

Рейтерн решительно тупой человек. Его рот имеет замечательное выражение интеллектуального ожирения (фр.)

что они начнут войну через год (фр.)

177

духовник (фр.)

«предметом расхождения» (фр.)

«Это пока я думаю, и я позволю надеяться, ваше величество не захочет осудить меня не выслушав. Но я смею, мадам, пойти гораздо дальше в моих мыслях, как вы обязали меня быть правдивым, я бы рискнул сказать, безоговорочно, когда вы позвольте мне обратиться к теме дивергенции, я надеюсь иметь счастье обратить вас, но я уверен, что вашему величеству это невозможно обратить меня». – «Что вы говорите, является очень сильным, и Вы это говорите вашему „духовнику“». – «Я прошу ваше величество соблаговолить подвергнуть меня испытанию» (фр.)

180

Наши близкие (фр.)

умный, вкрадчивый, методичный, холодный, эгоистичный, неприятный (фр.)

Комментарии

1

Когда в моих заметках этого времени говорится просто *о комитете,* то разумеется Комитет министров, а с Министерстве, то Министерство государственных имуществ. Поездки к разным министрам и представление государю и вел. князю (2-го числа) были последствием моего назначения управляющим делами Комитета министров. По ученому комитету Министерства государственных имуществ я сохранял связь с этим Министерством.

Кн. Орлов в то время еще считался председателем Государственного совета и Комитете министров, но по болезненному состоянию в них не бывал. Я видел его 3 января 1861 г. в последний раз. Умственные и физические силы вскоре стали упадать еще быстрее. Он по временам находился в состоянии, которое можно назвать животным в полном значении слова. Он молчал, ползал на четвереньках по полу и ел из поставленной на полу чашки, как собака. Так видел его бар. Велио, приехавший к нему по поручению его сына и передавший мне эти подробности. (С.-Петербург, 26 апреля 1868). *См. т. I, л. 6.*

2

I. Сведения о воскресных школах были в то время весьма неполные и на дело смотрели поверхностно. Полиция мало знала, что делалось, как и теперь, впрочем, большею частью бывает. В 1862 году оказалось, что ген. Игнатьев вообще был прав.

II. Спиритизм был в то время в ходу во многих домах. Он и теперь держится. К числу усердных спиритов принадлежит, говорят, Д.Г. Бибиков, прежний министр внутренних дел. Он беседует с покойным сыном, умершим в Дрездене.

III. Я уже в то время по польским делам держался того взгляда, который руководил меня впоследствии. Точных и даже подробных сведений о происходившем в Царстве я не имел. Мои понятия и стремления не сложились в определенных чертах; но я вообще держался мысли, что польский вопрос не разрешим без развития в Польше центростремительных сил в отношении к России, что исключительное употребление мер строгости только развивает центробежные силы и что без каких бы то ни было представительных учреждений тяготение окраин к центру невозможно. (С.-Петербург. 27 апреля 1868). *См. т. I, л. 7.*

3

Не знаю, будет ли когда-нибудь написана подробная и правдивая история крестьянской реформы. Это тем более желательно, что не только во время ее подготовления и осуществления, но и до сих пор на ее счет были и остаются в ходу весьма ошибочные понятия.

Из моего дневника за 1860 год видно, что я принимал косвенное участие в деле по занятиям, которые на меня возлагал мой прямой начальник, министр государственных имуществ, и в особенности как редактор особого мнения или проекта трех членов Главного комитета: кн. Долгорукова, ген. Муравьева и Княжевича. Этот проект, носивший наименование проекта трех членов, отличался от проекта большинства преимущественно в отношении к норме наделов и повинностей (для точного определения которых предполагалось воспользоваться содействием губернских присутствий) и к учреждению волостных попечительств. Третьим видом мнений в Главном комитете были предположения кн. Гагарина, более радикально уклонявшиеся от проекта большинства. В публике мало верили в успех этих предположений. Приведение[9] мнения 3-х членов многие признавали не невозможным, потому что кн. Долгоруков был человеком, особенно близким к государю. Но сторонники проекта большинства с громкой и непоколебимой уверенностью предсказывали, что он будет утвержден без всяких существенных изменений.

Не участвовав в работах Редакционных комиссий и не участвуя в делах Главного комитета, я знал о происходившем в нем и мог судить о большей или меньшей вероподобности того или другого исхода дела только по городским толкам и по ежедневно сообщаемым кн. Долгоруковым и ген. Муравьевым сведениям. Городским толкам я никогда не доверял; ген. Муравьеву я верил очень мало, потому что его знал хорошо; кн. Долгорукову я верил более, и видя его стойкость, считал по крайней мере возможным предполагать, что государь не высказался окончательно и что сам кн. Долгоруков надеется на успех. При составлении проекта 3-х членов работа лежала на мне. Разрешение возникавших вопросов и установление главных начал окончательно принадлежали кн. Долгорукову. Ген. Муравьев много говорил, но безусловно и даже низкопоклонно ему подчинялся. А.М. Княжевич был третьим для счета. Я не видел его ни одного раза, и с ним переговаривал ген. Муравьев. Мысль о возложении на меня совершенно напрасного

труда пересостевления проекта Манифеста также была подана ген. Муравьевым. С моей стороны я считал вопрос по существу решенным. Меня озабочивали преимущественно два опасения: упадок производительности от излишней величины наделов, затруднявшей договорные съемки земель у помещиков, или договорное производство работ по их хозяйствам, тогда как вообще желательно было для установления правильных между обеими сторонами отношений я распространения гражданственности в умах народа открывать широкие пути всякого рода договорным сделкам; и совершенное улетучение прежних территориальных делений, утрата понятия об имении как о территориальной единице, установление повсеместной административной чересполосицы и даже установление параллельных полицейских властей в отношении к делам общественного благоустройства, на землях крестьян и на землях помещичьих. Эти опасения побуждали меня сочувствовать мнению 3-х членов в отношении к порядку определения надельных норм я подали мне мысль предложить учреждение «волостелей» или волостных попечителей, мысль, к которой я возвратился впоследствии, бывши министром, но до сих пор без большого успеха.

Положения 19 февраля имеют важные недостатки; они составлялись и облекались в законодательную форму под влиянием разных страстей и предубеждений; они вообще имели некоторые свойства односторонности, в правительственном смысле неправильной и вредной; величайшей в летописях мира поземельной реформе предпослано было самим правительством уничтожение давних форм поземельного кредита; к восстановлению этого кредита в других формах не приложено должной заботливости; вообще обнаружено немного попечения о хозяйственном быте помещиков я политические последствия избранного способа реформы весьма поверхностно взвешены. Но главными виновниками этих ошибок были те самые, которые наиболее не них сетовали и в них обвиняли Редакционные комиссии, ген. Ростовцева, гр. Панина и самого государя. Все сбылось, так как сбылось только потому, что государь не нашел помощи там, где он ее первоначально искал и должен бы был найти. Именно те, которые должны были оказать эту помощь и совершить дело, дали ему ускользнуть из их рук. Они не только ничего не сделали лучше, чем Редакционные комиссии, но вообще ничего не сумели и только противоречили, перечили и тормозили. Кн. Орлов оказался несостоятельным; ген. Муравьев думал о себе я воображал, что без него не обойдутся; другие министры были не способны вести дело. Один Ланской

вполне предался исполнению государевой мысли, но Ланской, сам по себе, был не в силах ее осуществить. Он опирался на своих подчиненных и открыл второстепенным деятелям пути к прямому влиянию на движение и направление дела. Эти деятели, второстепенные по служебному положению, были, наоборот, по уму и уменью выше своих начальников и не замедлили воспользоваться своим превосходством. После продолжительных колебаний государь вверил дело ген. Ростовцеву. В этом назначении, в самом выборе для установления оснований крестьянской реформы начальника военно-учебных заведений заключались доказательства недоверия государя к стоявшим ближе к той реформе сановникам и сознание необходимости обратиться к лицу, на волю которого можно было надеяться, хотя и следовало сомневаться в его способностях. Когда смерть скосила Ростовцева, государь обратился к гр. Панину, и также обратился к нему не по убеждению, что он способен, а по уверенности, что он покорен и захочет исполнять то, что ему будет приказано. Со дня учреждения Редакционных комиссий вопрос был решен по существу и дело всех близоруких или двоедушных сановных чиновных и сословных кунктаторов было проиграно. Оставалось направить все старания к тому, чтобы обеспечить, по возможности, правильное разрешение разных частных, но тем не менее важных вопросов. Надлежало в особенности доказать государю, что оппозиционные толки и стремления относились не к существу реформы, а к частностям принятой для нее системы и к ошибочным приемам лиц, проводивших эту систему. Но и этого не сумели сделать. Главные представители дворянских и так называемых аристократических интересов жаловались, кричали, старались испугать государя, и только успели усилить его доверие к их противникам. Между тем члены Редакционных комиссий озлоблялись направляемыми на них частью заслуженными, частью незаслуженными и неосновательными нареканиями. Их трудом, во всяком случае весьма замечательным по объему, последовательности и непривычному у нас прилежанию, не отдавалось должной справедливости. Их упрекали в самоуверенности и заносчивости, но та и другая еще более упрочивались и усиливались противупоставляемым им неловким и полуребяческим противодействием. Так дело шло до самого конца. Государь выказал твердость, стойкость, решимость и вместе с тем сдержанность, которым мало подобных в истории. Он мало знал частности дела и в этом отношении полагался на тех, кому он его вверил. Он только непреклонно настаивал на осуществлении реформы и на ее осуществлении в форме освобождения крестьян

с поземельной оседлостью. В смысле правительственной меры проведение нового закона есть вполне и исключительно его дело, его личный подвиг, результаты его непоколебимого произволения. В развитии общей мысли государя и во всех частностях и подробностях Положения 19 февраля – дело Редакционных комиссий, в особенности двух их членов Ник. Милютина и кн. Черкасского, председательствовавшего в Главном комитете вел. кн. Константина Николаевича и влиявшего на него члена комитета ген. Чевкина. Канцеляризмом заведовал в Главном комитете и Государственном совете государственный секретарь Бутков. (С.-Петербург, 29 апреля 1868). *См. т. I, лл. 9 об. – 12.*

4

Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 1, а также за 2, 3, 4 и 6 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 16а – 17). Прим. ред. 1961 г.

5

Опыт показал, что и при системе Положений 19 февраля, т. е. при окончательном определении норм надела и при улетучении территориальных единиц, не произошло вредных замешательств и потрясений. Но быть может, что некоторые вредные последствия этой системы смягчены, сглажены или предупреждены при введении в действие и применении нового закона, чего тогда нельзя было предвидеть. Быть может, кроме того, что некоторые другие последствия только со временем яснее обнаружатся. Идея составителей Положений, чтобы реформа всецело произошла от престола, проведена. Но тем резче обозначились две прикосновенные к делу стороны, и тем более им усвоен вид сторон противуположных. (Карлсбад, 22 мая/3 июня 1868). *См. т. 1, Л. 16.*

6

Далее уничтожено автором 2 листа. Последующий текст за 9, 11 и 12 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 17–18). Прим. ред. 1961 г.

7

Впоследствии, будучи министром внутренних дел, я сам пользовался постановленным по предложению кн. Гагарина правилом и весьма ценил его пользу. Конечно, оно не вязалось логично с основными началами, мне представлявшимися правильными. Но дело было не в достижении невозможного, а в исправлении, по возможности, явных недостатков закона, высочайшее утверждение которого было предрешено и несомненно. Один из этих недостатков заключался в излишнем размере наделов, предотвращавшем добровольные сделки между помещиками и крестьянами. Кн. Гагарин открывал новый путь к уменьшению этих наделов. От расчета помещиков зависело идти или не идти по этому пути. Но если начала гражданственности не разовьются и не распространятся, то в случае возвышения цен на землю могут произойти важные неудобства (Карлсбад, 23 мая/4 июня 1868). *См. т. I, лл. 17 об. – 18.*

8

Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 18 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника» (Т. 1 л. 19 об.). Прим. ред. 1961 г.

9

Далее уничтожен автором один лист. Последующий текста за 21 и 22 февраля восстанавливается по «Отрыкам из Дневника». (Т. I, лл. 21 об. – 22). Прим. ред. 1961 г.

10

Тогдашние варшавские события оказались как бы совершенно неожиданными для правительства. Никто не имел и даже не получал сведений достаточно полных и точных, чтобы оценить эти события как следовало и с твердостью определить путь, по которому надлежало идти правительству. Многое в моих тогдашних заметках требует пояснений. Надеюсь изложить их в другом месте, когда при дальнейшем развитии польского дела будет речь о наместничестве вел. кн. Константина Николаевича. Равным образом требуют пояснений и другие заметки, относящиеся до действий разных высших правительственных лиц. Нужна некоторая характеристика этих лиц и не бесполезен общий анализ тех правил и понятий, которыми в то время руководствовались более или менее все так называемые государственные люди. Надеюсь и этот пробел пополнить впоследствии, при удобном к тому случае. (Карлсбад, 26 мая/7 июня 1868). *См. т. I, л. 23.*

11

Впоследствии я сам слышал в одном из заседаний Совета министров, как гр. Блудов оказал то же самое нынешнему государю, употребив только вместо выражения: «повиноваться закону», – выражение «соблюдать» закон (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). *См. т. 1, л. 24 об.*

12

Пропускаю все это теперь без пояснений и дополнений. Пью карлсбадские воды и кроме того принужден беречь глаза. Работаю урывками и должен избегать напряжения мысли и чувства. Впоследствии представится случай высказаться насчет польского вопроса с надлежащей полнотой. (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). *См. т. I, л. 26 об.*

13

Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 13 и запись за 14 марта восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. 1. лл. 34–35). Прим. ред. 1961 г.

14

Будучи управляющим делами Комитета, а с тем и Совета министров, я не участвовал в совещаниях, а только присутствовал и, следовательно, имел досуг во время заседаний делать заметки, по которым обозначал содержание и даже ход прений г. моем дневнике. Притом первые заседания на меня производили впечатление дела нового и более важного, чем оно казалось мне впоследствии, когда я к нему, так сказать, пригляделся. Следы этой впечатлительности достаточно ясны и в предшедшем очерке заседания 13 марта.

Ввиду позднейших событий это заседание во многом может казаться страшным, но оно хорошо характеризует тогдашнее настроение высших правительственных лиц. Начиная с государя, все члены Совета, кроме гр. Строганова, находили нужным что-нибудь сделать для успокоения и даже удовлетворения умов Польши. Один член, оговоривший мимоходом интересы империи, т. е. России, был немец – бар. Мейендорф. Военный министр (тогда ген. Сухозанет) молчал. Министр внутренних дел Ланской – почти молчал. Ген. Муравьев, впоследствии покоритель мятежа в Северо-Западном крае и всемогущий виленский проконсул, предлагавший заселять поляками Туруханские тундры, сказал толыко два слова, и те в пользу польских вольных слушателей в учебных заведениях. Кн. Долгоруков ближе всех роднился с моими собственными ощущениями и мыслями, что и продолжалось до его кончины, но большею частью держал себя на втором плане и высказывался неохотно и нерешительно. Наконец, кн. Горчаков (faisait la phrase (разглагольствовал *(фр.)*).) и в то же время, как здесь по вопросу об Университете, смелее других смотрел делу в лицо и называл его по имени. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, лл. 34–35.*

15

Эту роль кн. Горчаков играл не столько по личному влиянию или по званию министра иностранных дел, сколько по свойству двоюродного брата наместника кн. М.Д. Горчакова. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, л. 35 об.*

16

Помнится, это не были буквально слова гр. Строганова, но это положительно был смысл его слов (Карлсбад, 3/15 июля 1868).

17

В предшедших заметках за 13 и 14 апреля многое может показаться излишним, как относящееся более к моим собственным взглядам и тогдашним суждениям, чем к событиям, которых я был свидетелем. Я оставил эти заметки в том виде, каком они занесены в мой дневник, преимущественно по тому соображению, что со временем может быть небесполезным знать, как думали в то время некоторые лица, подобно мне стоявшие в рядах правительства и довольно близко к его центру. (Карлсбад, 5/17 июня 1868). *См. т. I, л. 46 об.*

18

Это дело с. Бездны. На местах был флиг. – ад гр. Апраксин. Ген. Бибиков ничего не сделал, ничего не разъяснил, и даже не представил никакого донесения. Государь был очень недоволен и приказал ему это поставить на вид. (Карлсбад. 5/17 июня 1868). *См. т. I, л. 47.*

19

К сожалению, кроме разрозненных бумаг, большею частью не приведенных в порядок, и частной переписки, у меня не сохранилось следов первых четырех месяцев моего управления Министерством. В дневнике, за исключением заметки 7 мая, пробел с 25 апреля по 15 августа. В моей памяти изгладились или слились с другими воспоминаниями все подробности моих первых начинаний, затруднений, испытаний и опытов. Помню однако же ряд тяжелых впечатлений, которые вызывались встречею с неотразимою действительностью, противоречившею руководившим мною отвлеченным началом. Помню те неблагоприятные особенности моего положения, р которых будет ниже пространнее упомянуто. Помню также, что я взялся за управление Министерством и занял свое место в высших коллегиях без соблюдения даже самых обиходных обрядных формальностей. Таким образом, я был с первого раза в Государственном совете в обычной форме, без ленты. При мне не читался указ о моем назначении и со мною не раскланивались по этому поводу члены Совета. (Карлсбад, 6/18 июня, 1868). *См. т. I, л. 50.*

20

Я управлял Министерством внутренних дел семь лет. Меня часто упрекали в колебаниях, нерешительности, недостатке энергии и стойкости. Выписки из моего дневника могут отчасти облегчить суждение о том, насколько эти упреки были основательны или неосновательны, и насколько в течение семи лет я был верен или не верен нескольким коренным началам, последователен, или непоследователен. Здесь я не имею в виду ни опровергать, ни оправдываться, но считаю не лишним оговорить, что никогда никто не сознавал более меня самого недостатка моего влияния и шаткости моего положения. Всем моим товарищам и ближайшим сослуживцам известно, что я признавал и называл себя не министром внутренних дел, а «докладчиком» по Министерству и управляющим делами Министерства; что я никогда, кроме скрепы или контрассигнировки указов, не подписывался собственноручно «Министром внутренних дел», а писал только «статс-секретарь N. N.», что у меня даже не было, до поездки за границу в 1867 году, визитных карточек с обозначением звания министра; наконец, что я никогда не считал себя прочным или долговечным министром и уже с 1863 года постоянно предусматривал перемену или ее ожидал, или об ней думал. Если, несмотря на то, проходили годы и перемены не было, то главною тому причиною едва ли не было то обстоятельство, что в это время, при данной обстановке, никто не мог быть министром внутренних дел в полном смысле слова, т. е. министром, пользующимся преобладающим и прочным на все внутренние дела влиянием, кроме, быть может, людей крайних, и притом крайних в направлении, противоположном моим общим взглядам и моему общему направлению. Влияние Главного комитета по делам крестьянским и влияние Милютина и других по делам западным служат тому подтверждением и пояснением. Рядом с вопросом, оставаться ли, при данных условиях, или не оставаться, постоянно становился вопрос: какие последствия будет иметь мой уход? Следы постановления и сопоставления этих вопросов далее будут встречаться достаточно часто и ясно.

Направление крестьянского дела представляло на первых порах особые затруднения. Я считался человеком новым. Главный комитет, напротив того, состоял большею частью из лиц, непосредственно участвовавших в составлении законоположений 19 февраля и признававших себя не только специалистами в отношении к подробностям дела, но и главными, почти

исключительными представителями его основных начал. Притязания руководить Министерством внутренних дел обнаруживались нередко. Надлежало уклониться от этого руководства, но без раздражительных объяснений и явного разлада, внося в Комитет только дела законодательного или общего свойства и распоряжаясь самостоятельно по всем прочим. Надлежало, кроме того, не опешить переменами в личном составе. Вел. кн. ген. – адмирал постоянно восхвалял тех именно губернаторов, которых я считал вредными по их односторонности или неправильным канцелярским связям с Главным комитетом, например, калужского – Арцимовича и нижегородского – Муравьева. Начальник Земского отдела Соловьев также признавался отменно полезным и даже необходимым. Они все впоследствии сошли со сцены, но на первое время я должен был их сохранить. Новый закон был уже повсеместно обнародован. Везде начали (вводить его в действие. Между тем на местах недоставало одной из главных к тому призванных властей. Составители крестьянских Положений не приняли или не хотели принять во внимание, что процедура утверждения мировых посредников Правительствующим сенатом при наших канцелярских порядках требовала немало времени и что последствием всякой в этом отношении проволочки при упразднении в силу нового закона помещичьей власти и ослаблении власти полицейской было междувластие или даже отсутствие всякой ближайшей власти в местах, где вводился в действие этот закон. Устранение этого важного неудобства было первой моей заботой. Я немедленно испросил через Главный комитет высочайшего разрешения допускать лиц, избранных в мировые посредники, к отправлению их обязанностей, не ожидая утверждения их Сенатом. Это разрешение объявлено всем губернаторам по телеграфу. Вскоре дело везде приняло не только более или менее правильный оборот, но и ход более спокойный, чем сначала можно было ожидать. Добрые свойства народа и не утратившаяся в нем разом привычка повиноваться облегчали достижение этого результата. Благодаря распорядительности начальников губерний деятельность дворянских предводителей и уездных полиций, а затем и мировых посредников, по мере их вступления в должность, закон в одно и то же время вводился в действие, разъяснялся народу и охранялся от произвольных нарушений, как с одной, так и с другой из прикосновенных к делу сторон. Решительное прекращение беспорядков там, где они возникали, и подавление всякого упорного сопротивления в местах, где они обнаруживались, производили полезное нравственное

впечатление на соседние местности. Первая пора замешательств и волнений, не без основания возбуждавшая сильные опасения, миновалась. При всем том повсеместно встречались беспрерывные и разнообразные сомнения и затруднения. В некоторых губерниях, как именно в Калужской, распоряжения самих губернаторов не соответствовали их скорому устранению. Сетования и жалобы слышались со всех сторон и свойственная человеческой природе наклонность преувеличивать всякое зло и уменьшать значение всякого постороннего успеха обнаруживалась в обычных формах и размерах. Кн. Долгоруков писал мне из Москвы 9-го августа: «Ici on voit l'avenir sous un aspect excessivement noir. On se plaint d'un manque complet d'autorites reelles dans le fond des provinces et on craint que l'anarchie ne s'etablisse partout. Si se basant sur ce qu'il n'y a pas dans certames localites de desordres paipables on habitue les masses a ne faire que ce qui leur plait. Je console les peseimistes en promettant que les „мировые посредники“ servent d'un grand secours: mais il est certain que pour cela ils doivent etre bien intentionnees actifs et forts. Voila, cher П. А. a quoi nous devons travailler avec ardeur» («Здесь видят будущее в очень черном свете. Жалуются на полное отсутствие реальной власти в глуши провинций и боятся, как бы анархия не водворилась повсюду. Основываясь на том, что в некоторых местностях нет явных беспорядков, позволяют массам делать только то, что им захочется. Я успокаиваю пессимистов, обещая, что „мировые посредники“ могут, конечно, оказать большую помощь, для этого они должны иметь хорошие намерения, действенные и сильные. Вот, дорогой П.А., над чем мы должны с жаром трудиться» *(фр.)*).

Дела Царства Польского и западных губерний также представляли ряд постоянно возникавших или возобновлявшихся затруднений. Назначение гр. Ламберта наместником в Царстве состоялось после нескольких колебаний в надежде на его ум, приятные формы, ловкость и предполагавшуюся твердость. Он вообще считался лицом, близким к государю или по крайней мере пользующимся особым его расположением. Это предположение не было вполне основательным, но оно поддерживалось в глазах публики близкими отношениями гр. Ламберта к гр. А. Адлербергу и к гр. Ф.Т. Баранову. Сначала был решен один вопрос о наместничестве, другой – о назначении главнокомандующим армией в Царстве – обсуживался в присутствии государя, в его кабинете в Петергофе. В совещании участвовали кн. Горчаков, кн. Долгоруков, ген. – ад. Милютин, сам гр. Ламберт и я. Дело шло об отделении или неотделении военной части от высшего гражданского управления. В пользу

отделения высказывались кн. Горчаков, кн. Долгоруков и я, причем я ссылался на пример Англии, которая в Ирландии и Индии даже в критические эпохи не соединяла в одних руках двух высших властей, военной и гражданской. Милютин настаивал на их соединении, утверждая, что без соблюдения этого условия не может быть единства направления и даже согласия действий по гражданской и военной частям. Гр. Ламберт молчал. Государь колебался. Наконец, он обратился к гр. Ламберту с вопросом о его мнении, присовокупив, что так как ему придется управлять Царством, то и его взгляд на дело желательно знать. Гр. Ламберт высказался в пользу соединения властей и затем вопрос был решен в этом смысле без дальнейших рассуждений. Гр. Ламберт, один из младших ген. – лейтенантов, дотоле ничем не командовавший, кроме л. – гв. конного полка, и ничем не управлявший, кроме южных военных – поселений, был произведен в полные генералы и назначен как наместником, так и главнокомандующим в Царстве.

По делам Западных губерний почти единственным и притом постоянным моим союзником в высших правительственных сферах был кн. Долгоруков. Отношения к нему были всегда ровны и приятны. Мы переписывались почти ежедневно, иногда по нескольку раз в день, и я этим пользовался для доведения до государя сведений и мыслей, которые в междудокладные дни мне представлялось неудобным доводить до него письменно. Кн. Долгоруков видел его часто и докладывал мои записки.

Образчиком такой переписки и примером доверия, которое мне оказывал кн. Долгоруков, может служить прилагаемая записка от 12 июля из Красного Села (Приложение 1). Она относится до моих предположений об учреждении полицейских судов для разбора дел о политических манифестациях, и в ней кн. Долгоруков говорит: «Moi, de mon coteje vous passe mes pleins pouvoirs sans condition aucune tant sur la conclusion que sur la redaction definitive de la note» («Я, с своей стороны, передаю Вам без всяких условий свои неограниченные полномочия, как по заключению, так и по окончательной редакции записки» *(фр.)*).

Государь предпринял поездку в Крым 6-го или 7-го августа. В записке от 6-го, написанной перед выездом из Петербурга, кн. Долгоруков следующим образом выражается об особом негласном совете, который на время отсутствия его величества учреждался под председательством вел. кн. Михаила Николаевича: «Je ne sais si l'empereur vous a dit de causer quelquefois avec… le gr. due Michel sur ce qui pourra demander une espece de consultation, quant a la fermetation qui regne en general dans toutes les classes.

Schouvaloff, Путятин et Милютин ont recu des ordres de s. m. la dessus. Ce ne seraient que des causeries entre vous cinq dons Schouvaloff me fera connaitre le sujet et pour lesquelles s. a. i. vous invitera problement» («Я не знаю, говорил ли вам император, что нужно изредка беседовать с вел. кн. Михаилом о том, что может потребовать консультации в отношении брожения, которое царит в общем во всех классах. Шувалов, Путятин и Милютин получили приказ его величества по этому поводу. Это будут всего лишь неофициальные беседы между вами пятью (Впоследствии, по крайней мере для некоторых дел, к нам был присоединен ген. Чевкин. *(См. выше. Прим. автора).*); с содержанием бесед меня познакомит Шувалов и на них е.и. высочество, очевидно, пригласит вас» *(фр.)*).

Таким образом, когда первый раз был учрежден подобный негласный высший Совет на время продолжительного отсутствия государя из столицы, предметом его ведения должны были быть исключительно дела политического свойства и Совету усваивалось по преимуществу совещательное значение. О результате его совещаний начальник III отделения и жандармского штаба должен был извещать шефа жандармов. Впоследствии таким Советам предоставлялось право решать известные дела высочайшим именем и о его совещаниях представлялись государю председательствовавшим в нем вел. князем и заведовавшим его делопроизводством государственным секретарем особые мемории.

Назначение адмирала гр. Путятина министром народного просвещения состоялось, кажется, в июне 1861 года. Я помню то заседание Совета министров в Царском Селе (по делу ведомства Министерства народного просвещения), в котором гр. Путятин неожиданно для большинства членов Совета оказался в числе присутствовавших. О нем уже говорили в городе, как о кандидате на эту должность, но почти никто не считал вопроса о том решенным или даже близким к разрешению. Поводом к выбору гр. Путятина было состояние наших учебных заведений и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения. Гр. Путятин был известен за человека набожного, даже склонного к религиозному ригоризму, и слыл человеком с твердым характером и железной волей. Вся его внешность имела аскетический оттенок и я помню впечатление, им оставленное во мне после вышесказанного заседания Совета. Мысли о религиозном направлении образования юношества я вполне сочувствовал. Всматриваясь в резкие, бледные, почти изможденные черты лица гр. Путятина,

замечая неподвижность выражения этого лица и припоминая рассказы о твердости и сосредоточенности в самом себе, обнаруженных им во время его экспедиции в Японию, я думал, что Министерство народного просвещения передается в сильные и даже жесткие руки. Гр. Путятин в генерал-адъютантском мундире как-то и почему-то напоминал мне латинских кардиналов времен Филиппа II-го, и я конечно не предугадывал, что не далее как через три месяца при первой вспышке беспорядков в Санкт-Петербургском университете этот непреклонный аскет, кардинал, адмирал и генерал-адъютант, окажется нерешительным, ненаходчивым, нестойким – одним словом несостоятельным в кругу тех обязанностей, которые были на него возложены. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). *См. т. I, лл. 53–58.*

21

Я уже тогда имел в виду для наложения узды на польских помещиков в западных губерниях принятие мер, которые были бы для них ощутительны в денежном отношении. Но я предлагал их в регулярной форме, с известными ограничениями и для известных случаев. На том же самом основании я предлагал в следующем году установление особого денежного сбора. Я говорил, что если преступные заявления и стремления местного дворянства и других обывателей края вынуждают правительство принимать чрезвычайные военные меры для охранения общественного порядка, то часть требовавшихся на то издержек по всей справедливости могла быть обращена на тех, которые вынуждали правительство к принятию таких мер. Мои предположения постоянно отклонялись, но когда мятеж вспыхнул, то пошли гораздо далее этих предположений и ввели в действие под наименованиями процентных сборов, штрафов, сборов для вознаграждения разных убытков и т. п. систему полного произвола местных начальств в отношении к имуществу местных жителей. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). *См. т. I. л. 59.*

22

Этот Тышкевич (Фаддей) мне был рекомендован Назимовым и принят мною на службу. Я пытался употреблять его для приобретения сведений о том, что думалось и делалось между поляками. Он, с своей стороны, по-видимому, предполагал играть двойную роль, поместившись в правительственной сфере и сохранив связи со сферой польского движения. Так как я соблюдал надлежащую с ним осторожность, он скоро вынужден был для приобретения или сохранения какого-нибудь значения в среде агитаторов прибегать к разным вымыслам насчет получаемых будто бы от меня поручений или извещении. В Вильно было обнаружено, что он рассказывал о мнимой, от меня полученной телеграмме, и Тышкевич тогда бежал за границу. Впоследствии им там издана книга, в которой говорится о моих к нему отношениях, но где нет почти ни одного слова правды. Считаю его впрочем более сумасбродом, взявшимся за роль, которая ему была не по силам, чем злонамеренным интриганом. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. 1. лл. 59 об. – 60.*

23

Губернатором в Гродно был один из клевретов ген. Назимова действ, ст. сов. Шпейер. Он был немедленно уволен и замещен другим, но ген. Назимов сильно и долго на меня сетовал за это распоряжение. (Карлсбад, 10/22 июня, 1868). *См. т. I, лл. 60 об. – 61.*

Западные ген. – губернаторы постоянно стремились но только к относительной самостоятельности, но к полной независимости от Министерства. Только по представлениям о наградах, и то только в случае невозможности воспользоваться для прямого исходатанствования их приездом государя или в случае его несогласия немедленно удовлетворять такие ходатайства, ген. – губернаторы признавали министров высшею в отношении к себе инстанциею. То же стремление отличало и столичных ген. – губернаторов, но мотивы или исходные побуждения были другие В столицах главные начальники имели преувеличенное понятие о своем призвании и личном значении. В Западных губерниях они считали полное самовластие коренным условием исполнения возложенных на них обязанностей. Они воображали, что спасение если не всей России, то по крайней мере общих государственных интересов ее во вверенном им крае постоянно и исключительно зависело от них одних, от их соображений, их изобретательности в отношении к способам действия и их полновластных распоряжений. Их не останавливал и даже не заботил простой вопрос, каким образом можно было при таком просторе и таком значении ген. – губернаторской власти не только согласовать и приводить в систему действия двух друг за другом следующих ген. – губернаторов, но и согласовать действия двух ген. – губернаторов современных, из которых один полновластвовал в Киеве, а другой в Вильно? Каждый из них мог иметь свой взгляд, изобретать свои средства, применять к делу свою систему. Министерство внутренних дел более всех других страдало от этих превратных понятий и от их разнообразных последствий. Отношения к гон. – губернаторам были щекотливы, натянуты, часто неприятны. Нравственная ответственность за общие мероприятия на местах ложилась на министра, но от него большею частью но зависело допущение или недопущение этих мероприятия. Он был, по необходимости, представителем главных местных начальников в высших правительственных коллегиях, но он часто не мог быть там представителем их мнений. Между тем его разномыслие с ними казалось в этих коллегиях как будто безосновательною и безответственною операцией. Ему возражали, что подробности и даже существенные условия дела ближе видны на местах: ему противопоставляли ближайшую прямую, хотя на деле всегда мнимую, ответственность ген. – губернаторов: ему твердили, что в трудные времена нужны самостоятельные и сильные

местные власти, как будто самостоятельность, сила и произвол тождественные понятия и сила может проявляться не иначе, как в неправильных и непоследовательных формах. Вся эта неурядица проистекала преимущественно от двух обстоятельств: от тех прямых, личных отношений, г. которые ген. – губернаторы были поставлены к государю их военным званием и его личным их выбором; и от той самой мысли о необходимости соединения в одних руках военной и гражданской властей, которая была проведена ген. – ад. Милютиным, я от которой до сих пор государь император не соглашается отступать. Пример западных ген. – губернаторов действовал и на других, хотя они вообще более соблюдали установленные законом отношения к министрам и менее обнаруживали неуместных притязаний на создание государства в государстве. Таким образом, во все продолжение моего семилетнего управления Министерством внутренних дел его законное и правильное влияние постоянно парализовалось действиями подведомых ему главных местных начальств, и вместо того, чтобы иметь возможность настоять на соблюдении ген. – губернаторами моих указаний, я только мог иногда воспрепятствовать им исполнять их собственную волю.

Министерство внутренних дел, соприкасаясь с предметами ведомства всех других министерств, вообще встречает у нас постоянные и самые разнообразные затруднения при исполнении лежащих на нем обязанностей. Оно имеет такие обязанности и считается ответственным по взысканию государственных податей, по отправлению воинских повинностей, по охранению полицейского порядка и общественной безопасности и по множеству других предметов правительственной деятельности, но которым другие министерства в то же самое время признают себя полными хозяевами вверенных им отдельных частей п весьма мало озабочиваются соблюдением условий, без которых содействие Министерства внутренних дел им не может быть оказываемо, или по крайней мере не может быть оказываемо с надлежащим успехом. Даже по частным, в существе простым и сомнению не подлежащим вопросам я иногда должен был употреблять особого рода приемы и некоторую настойчивость, чтобы достигнуть некоторых результатов. Таким образом, в прежнее время не сообщалось во всеобщее сведение никаких известий о высочайших путешествиях, кроме сухого перечня часов выезда и приезда и произведенных тем или другим полком, батальоном или батареей смотров или учений. Я исходатайствовал разрешение сообщать и другие сведения, печатать слова, где-либо с особой целью произнесенные государем, оглашать имена

губернаторов и предводителей, удостоенных им аудиенции, и т. п. Но все это, особливо сначала, возбуждало разные сомнения и недоумения. Прилагаю в виде пояснительных образчиков переписки, в это время происходившей между кн. Долгоруковым и мною, выписки из трех его писем. (Карлсбад, 10/22 июпя 1868). *См. т. I, лл. 61 об. – 64.*

25

Командирование г. Жеребцова в мое распоряжение осталось безрезультатным. Оно было одной из частных моих попыток организовать правительственную или, по крайней мере, так называемую «инспирированную», или «инспирируемую» прессу. С одной стороны, почти всегда оказывалось, что «инспирации» было недостаточно. Надлежало самому редактировать или переделывать редакцию. С другой стороны, отсутствие согласия между министрами делало самую «инспирацию» весьма затруднительной.

Дело московских студентов Заичневского и Аргиропуло с сотоварищами относилось до разных противоправительственных замыслов тогдашней молодежи, до пропаганды вредных политических и общественных теорий и т. п. Оно получило судебный ход и с этою целию передавалось нз жандармского управления в Министерство внутренних дел. Впрочем, справок о том под рукою не имею. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). *См. т. I, л. 64.*

26

Сенатор Капгер должен был ревизовать Калужскую губернию. Я избрал этот способ при явном предубеждении вол. кн. в пользу губернатора Арцимовича для наложения узды на его действия по крестьянскому делу. Сенатор Капгер был выбран по рекомендации фельдмаршала кн. Барятинского. Результат но соответствовал моим ожиданиям. Губернатор был умнее сенатора и при содействии двух пружин, жажды популярности и некоторой веры в силу вел. князя и Главного комитета, обернул ген. Капгера кругом пальцев. Единственным полезным последствием было то, что Капгер s'est coule (Сам себя потопил *(фр.)*) и что с тех пор он не всплывал.

Собещанскому (чиновнику особых поручений при мне) было поручено дело студентов в Москве. И он попытался лавировать и с тех пор был мало употребляем. (Карлсбад, 13/25 июня 1868). *См. т. I. лл. 66 об. – 67.*

27

Этот самый гр. Старжинский играл в событиях 1863 г. весьма предосудительную роль, был судим и приговорен к смерти (чего, впрочем, он не заслуживал и к чему не был бы приговорен, если бы в муравьевскую эпоху не преследовались особо все поляки, имевшие личные со мною сношения), потом сослан под надзор полиции в Воронеж (частью во внимание к заграничным ходатайствам, частью потому, что сам Муравьев едва бы решился конфирмовать смертный приговор), наконец, возвращен оттуда с дозволением жительствовать в Царстве Польском. Но до этих событий он еще играл довольно видную роль в Москве в конце 1862 г. во время съезда предводителей из разных губернии по случаю пребывания в Москве государя и императрицы. Тогда им была представлена государю записка, копия с которой имеется в моих бумагах и которая по своему содержанию близко подходит к письму гр. Старжинского ко мне, бывшему поводом к его вызову в Петербург в сентябре 1861 года. Упоминаю об этом здесь потому, что подача такой записки в 1862 году характеризует взгляды на польский и западный вопросы, долго сохранявшиеся в высшей правительственной сфере. Гр. Старжинский прежде служил на Кавказе и носил серебряный Георгиевский крест. Он мне был рекомендован г. Калерджи как человек дельный и умеренный. Его мечтой было, кажется, сделаться литовским вело-польским. (Карлсбад, 15/27 июня 1868). *См. т. I, лл. 67 об. – 68.*

При составлении этого очерка я имел в виду разные цели. Во-первых, надлежало действительно представить государю то, о чем говорило заглавие, т. е. краткое обозрение дела в данный момент, когда со времени издания и обнародования нового закона протекло уже целое полугодие и вместо с тем краткий отчет в том, что в течение этого времени было сделано по ведомству Министерства внутренних дел. Во-вторых, следовало, по возможности, воспользоваться этим случаем для противодействия разным односторонним толкам, доходившим до государя. В-третьих, нужно было обратить его внимание на те вопросы или те стороны дела, которых не касались большею частью ни высшие государственные деятели, ни та канцелярская среда, которая так влияла на крестьянскую реформу. Здесь я коснулся, между прочим, вопроса о необходимости какого-нибудь поземельного кредита, который существовал у нас, но был уничтожен самим правительством накануне разрешения крестьянского вопроса. Наконец, я имел в виду и другие предметы внутреннего управления государства. Всегда сознавая взаимную связь и даже солидарность разных частей этого управления, я уже в этой первой, лично от меня к государю поступающей записке искал случая коснуться и другого более общего вопроса о коренных условиях и формах государственного управления. Еще нельзя было с какою бы то ни было надеждою па успех высказаться насчет допущения некоторого участия в делах правительственных новых элементов выборного или призывного представительства. Первым шагом могло быть, как мне казалось, только указание па существующие, так сказать, уже данные пределы самодержавного полновластия. Они были даны в экономической сфере и я выразился о них следующим образом: «Одного почерка пера вашего величества достаточно, чтобы отменить весь Свод законов Русской империи, но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных кредитных бумаг на С.-Петербургской бирже». Цитирую на память, но не сомневаюсь в верности цитаты.

Моя записка была весьма благосклонно принята государем. Из прилагаемой выписки из письма кн. Долгорукова от 29 сентября (Приложение III*) усматриваются как это обстоятельство, так и некоторые опасения его, кн. Долгорукова, насчет моей заботливости об ограждении справедливых интересов и законных прав дворянства. Текст моей записки

доказывает неосновательность этих опасений. Копия с нее подобно копиям с других, в разное время мною представленных государю записок, имеется между моими бумагами. Все эти бумаги перейдут в распоряжение того, к кому поступят настоящие отрывки из моего дневника. (Карлсбад, 16/28 июня 1868). *См. т. I, лл. 69 об. – 71.*

29

Все такие записки писаны мною набело, своеручно, и урывками среди другого дела. Иначе работать я не имел досуга. Моя жизнь была такого свойства, что мне нередко случалось писать две записки пли два письма разом, переходя от одного к другому по мере того как одна страница была дописана и вместо засыпки песком ей надлежало дать отсохнуть, и в то же время объясняться с правителем канцелярии и давать указания по какому-нибудь спешному делу. Эта вечная гонка, этот постоянный недосуг и неизбежное совпадение разнопредметных занятий были до крайности утомительны. Я занемог началом нервической горячки в ночь с 25 на 26 сентября, по всей вероятности, не от одной простуды, но и от усилия, которого потребовало составление при вышеупомянутых условиях отправленных мною к государю записок. Содержание первой из них было вторым шагом на том пути, на который я вступил в записке от 15 сентября. (Карлсбад, 17/29 июня 1868). *См. т. I, лл. 72 об. – 73.*

30

Эта заметка по происшествиям 25 числа неполна. Я не успел дописать то, что записать следовало, занемог в ночь и, возобновив свои дневные заметки только 5 октября, не пополнил пробела. Следовало досказать, что в Колокольном переулке почти произошло, сколько помню, столкновение между войском и студентами. Гр. Шувалов в порыве горячности остановил проходивший вблизи взвод стрелков и повел его в переулок, где он был остановлен и где вид войска в строю еще более экзальтировал студентов. После Государственного совета мы собрались у вел. князя, куда приехал и гр. Шувалов с известием о происходившем в Колокольном переулке. Ген. – губернатор был в Университете, а кн. Горчаков и, помнится, гр. Панин были приглашены вел. князем участвовать в нашем совещании. Я помню, как мимо окон по тротуару Дворцовой набережной проходили во время нашего заседания то по нескольку человек вместе, то поодиночке студенты Медико-хирургической академии, опешившие в Университет, а иногда между ними и университетские студенты или такие лица, в которых можно было предполагать по наружному виду университетских вольных слушателей. Большая часть этой молодежи отличалась длинными волосами и беспорядочной одеждой. Некоторые были вооружены толстыми палками. Я предложил немедленное закрытие Университета с тем, чтобы на сие было испрошено, если будет признано нужным, высочайшее разрешение по телеграфу. Я указывал при этом на опасные последствия примера безнаказанности уличных беспорядков. Вел. князь, видимо, сочувствовал моей мысли, но она встретила сопротивление си стороны некоторых членов нашей импровизированной коллегии, в особенности, к сожалению, со стороны гр. Панина и кн. Горчакова, у которых сыновья были в последнем курсе. Мы разошлись, ничего не решив. (Карлсбад, 17/29 июня 1868). *См. т. I, л. 74.*

31

Самоубийство ген. Герштенцвейга до сих пор вполне не объяснено. Кажется, однако же, достоверным, что между ним и гр. Ламбертом произошел, вероятно, по случаю очищения церквей от народа вооруженною силою, разрыв до того сильный, что они сочли нужным покончить его поединком и ввиду своего официального положения избрали способ жребия, т. е. «a la courte paille»[145]. Живо помню впечатление, произведенное внезапным известием о трагической смерти ген. Герштенцвейга и мыслью о его семействе, которое я видел накануне отъезда в Варшаву. Помню также и другое впечатление, вызванное во мне несколько лет спустя, первой встречей с этим семейством, т. е. вдовою и дочерью покойного в Петербурге. Всепожирающее время уносит радости и как будто сносит и горе. Внешний траур слагается и с ним как будто ослабевает и внутренний. Я часто видел г-жу Герштенцвейг и фр. Герштенцвейг во дворце, на выходах или в свете, на бальных вечерах. Но никогда я не видал их без этой мысли о разрушающей сило времени и без воспоминания о страшных минутах, пережитых тою л другою в Варшаве. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). *См. т. I, лл. 75 об. – 76.*

Опыт, однако же, доказал, что затруднения но только 1861, но и 1862 годов были преодолены и преодолены если не одним, «опирающимся на войско самовластием», то и не теми, способами, которые я вместе с некоторыми другими считал необходимыми. Правда, что коренной вопрос будущности остался неразрешенным и что улучшению нашего внутреннего положения именно способствовали события 1862 года, отрезвившие многих, а затем события 1s63 и 1864 гг., заменившие внутреннее волнение патриотическим напряжением против внешних врагов. Правда и то, что некоторые из нас, быть может, оказали при этом немалые личные заслуга. Правда, в особенности, что государь никогда не упадал духом и не подчинялся влиянию крайних опасений. Как бы то ни было, с октября 1861 года протекло без малого семь лет, я хотя на русском небе еще много туч, общий вид его далеко не столь мрачен, каким он казался в то время. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). *См. т. I, лл. 78 об.*

33

Отъезд гр. Шувалова – характеристическая черта и лица и влияния известных отношений и условий. Гр. Шувалов был начальником штаба жандармов и управляющим III отделением немного более полугода. Он внезапно оставлял свой пост, на другой день после возвращения государя в столицу, не дожидаюсь окончания студентского дела, в котором он был прямым участником, оставлял ото вопреки прямо выраженному ему по этому поводу мнению вел. кн. Михаила Николаевича, кн. Горчакова, ген. Милютина и моему (за обедом у вел. князя 15 числа), оставлял его, чтобы ехать для лечения в Париж, уезжал с весьма необычною торопливостью п, несмотря на все это, не вредил своему официальному положению и рассчитывал верно. Но другой, без тех условии и отношений, которые обеспечивала верность расчета, не мог бы так рассчитывать.

Под заглавием «Великорусе» периодически распространялись в то время разные противоправительственные воззвания. (Карлсбад. 18/30 июня 1868). *См. т. I, лл. 80 об. – 81.*

34

Заметки насчет кн. Долгорукова, подобные вышеприписанной. встречаются часто в моем Дневнике. Они большою частью отблеск мгновенного впечатления, которое производилось всегда ручными, сдержанными, часто нерешительными и как будто безучастными приемами кн. Долгорукова. Он постоянно опасался всякого жара, всякого порыва я при соприкосновении с ним, действительно, всякий порыв вскоре притуплялся и всякий жар остывал. Но другие его добрые и благородные свойства столь же скоро вновь к нему привлекали, возбуждали и поддерживали к нему доверие и вызывали новые порывы и новые проявления большею частою бесполезного жара. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). *См. т. I, л. 81.*

35

Представление назимовских бумаг государю кн. Долгоруковым также его характеризует. Несмотря на свои отношения ко мне, несмотря на то, что он не разделял мнения ген. Назимова, он счел долгом представить государю полученный на меня извет и представить оный, не предупредив о том меня, потому только, что Назимов к нему обратился для доведения о том до сведения государя и что кн. Долгоруков не признавал себя вправе, в таких случаях, не исполнять, purement et simplement[156], обращаемых к нему ходатайств. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). *См. т. I, л. 83.*

36

Общее впечатление было то, что если бы преклонные лета не мешали митрополиту самому занять место в Совете, возражения устранились бы, о чем я и доложил государю по возвращении. (Тегернзее, 28 июня/10 июля 1868). *См. т. I, л. 91 об.*

Подобные отметки, не заключающие в себе ничего кроме указания или перечисления заседаний разных правительственных комиссий, в которых я участвовал, помещаю только в «Отрывках» за 1861 год. Считаю это на первый раз не лишним, чтобы дать более точное понятие о совокупности служебных условий жизни министра внутренних дел в мое время и о невозможности при этих условиях когда-либо пользоваться каким бы то ни было досугом и завершать какую бы то ни было работу без перерывов. (Тегернзее. 30 июня/12 июля 1868). *См. т. I, л. 95.*

38

Мои рауты вообще не удались. Я начал их слишком рано и напрасно участил их, сделав воскресными, т. е. еженедельными, что уменьшало наличное число посетителей в каждый из этих вечеров, потому что, конечно, весьма немногие могли быть у меня через каждые 7 или даже 14 дней. Но основную мысль я считаю до сих пор верною. Я желал дать этим приемам совершенно официальное свойство, у нас новое, потому что наши официальные лица вообще принимают, наравне с неофициальными, только один и тот же круг знакомых, более или менее обширный и разнообразный по личностям, но не по элементам. Я желал, во-первых, открыть салон, в котором приезжие из губерний могли бы встречаться с петербургским светом всех подлежавших категорий; во-вторых, я желал совместить в этом салоне наш т. п. beau monde с представителями наук, художеств и литературы: наконец, в-третьих, я желал ввести в салонные круги общежития духовенство всех христианских исповеданий, чему приличествующая форма «раута» давала возможность. Все эти желания были исполнены, и следовательно возможность их более полного и прочного исполнения доказана, несмотря на неудачу моих вечеров в их совокупности. Я видел у себя в одно и то же время членов Государственного совета и мировых посредников, министров и уездных предводителей, кн. Кочубей и протопресвитера Баженова, лютеранского епископа Ульмана и римско-католического митрополита Жилинского рядом с протоиереем Рождественским, лорда Нэпира и академика Бэра, литераторов, художников, департаментских вице-директоров и т. д. Думаю, что моя мысль заслуживала и поощрения и подражания. Поощрения ей оказано мало, подражания не было вовсе. (Тегернзее, 30 июня/12 июля 1868). *См. т. 1, лл. 97 об. – 98.*

39

В предшедших «Отрывках» за 1861 год мною выписано все существенное и даже многое несущественное из моего Дневника. Повторяю, что я прежде всего имел в виду сохранить этим отрывкам свойства современной подлинности. Весьма многое в них не досказано. Таким образом, почти не упоминается о текущих делах моего министерства и, между прочим, о ходе крестьянского дела, имевшего в то время столь важное и обширное значение. Это происходит оттого, что по всем делам, более или менее непосредственно от меня зависевшим, я всегда встречал менее затруднений, чем по делам, приводившим меня в совещательное соприкосновение с другими министрами и с высшими правительственными коллегиями.

Казалось, что мое официальное положение было обставлено благоприятными условиями и обеспечивало мае должную меру влияния на дела. Меня отмечали, мне оказывали благоволение и доверие, моя инициатива обнаруживалась в делах других ведомств, например, по вопросам о пересмотре и изменении цензурных постановлений и о возвышении некоторых статей государственных доходов. Но при всем том я инстинктивно чувствовал шаткость моего мнимого значения. Я уже знал, что у нас часто желают достижения цели, не желая необходимых для ее достижения средств. Я постепенно познавал, что от новых лиц ожидают прежде всего такой изобретательности, которая устраняла бы все правительственные затруднения новыми внешними приемами, а не привитием или применением новых внутренних сил. Я в особенности чувствовал и сознавал свое одиночество. Я знал, что смотрю, думаю и ставлю себе цели несколько иначе, чем все мои сотоварищи. Я знал также, что не могу вполне сойтись ни с одним из них, сомневался, чтобы кто-либо из них скоро мог вполне сойтись со мною, и недоумевал, в какой мере или до какого предела, рано или поздно, мои мысли и убеждения могут быть окончательно и прочно одобрены государем. При таких условиях, я должен был действовать осмотрительно, рассчитывать на время и стараться не портить опрометчивою или преждевременною настойчивостью в настоящем возможного успеха в будущем. Это не могло не давать моим действиям некоторого вида нерешительности, быть может даже шаткости. В одной из не выписанных мною дневных заметок, не выписанной в своем месте (28 декабря), потому что я имел в виду упомянуть о ней здесь, значится, что при моей непринадлежности к разным кружкам, которые

меня считают полусвоим, «трудно избегать некоторой двуличности, а между тем нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется и попытка торопливо устранить ее колебания могла бы испортить дело». Я был вправе надеяться, что эта воля окончательно склонится на мою сторону. Между тем я мог находить себе временных союзников и сам мог быть временным или случайным союзником. Я был слугою и защитником самодержавных прав верховной власти вместе с кн. Гагариным и гр. Паниным, но разумел самодержавие иначе, чем кн. Гагарин и гр. Панин. Я оберегал все коренные права правительства вместе с ген. Чевкиным, но разумел иначе, чем он, и круг этих прав и достоинства правительства. Я соглашался с Головкиным насчет необходимости некоторой свободы печати, но не разумея под этою свободой полного простора для развития материализма и демократической пропаганды. Я защищал вместе с кн. Суворовым некоторые учредительные особенности Прибалтийского края, но всегда подчинял их общим условиям государственного единства России и круто отвергал любимые ссылки кн. Суворова на рижскую капитуляцию в Ништадтский трактат. Я был с вел. кн. ген. – адмиралом, когда обнаруживались попытки нарушить коренные начала Положений 19 февраля, и против вел. князя, когда он и Главный комитет гнули закон в одну сторону, всегда защищая притязания крестьян и оказывая оскорбительное пренебрежение к всякому праву помещиков. Я был с гр. Блудовым по делам еврейским и не с ним по делам раскола. Я делал улучшения быта православного духовенства и ограждения достоинства православной церкви, но, стремясь к предоставлению ей большей независимости от гражданской власти, я в то же время желал и ограждения нрав других вероисповеданий и предоставления всем русским подданным полной свободы совести. Наконец, по делам Царства Польского и Западного края я искал вместе с многими другими нового исхода, новых путей, но постоянно сознавал внутреннюю связь этих дел с делами империи и уже в 1861 году говорил, что польский вопрос разрешим не в Варшаве, а в Москве и Петербурге. Подтверждением всему этому служит не только то, что мною было сделано, написано или сказано, но и ряд разнообразных упреков, которым я с разных сторон подвергался.

Мое министерское семилетие заключает в себе два периода: первый, который я назову наступательным, в котором я надеялся, задумывал, предпринимал, не ограничивая своих начинаний, или вчинаний ближайшим кругом предметов прямого ведения Министерства внутренних дел; и второй, который надлежит назвать оборонительным, в котором я не отчаивался, продолжал

или довершал начатое, отстаивал сделанное и старался сдерживать или ограничивать успехи начал и стремлений, противоположных моим началам и моим стремлениям. Первый период обнимает время с моего вступления в управление Министерством до конца 1863 года; второй простирается до сдачи Министерства ген. – ад. Тимашеву. Большая часть того, что мною вообще сделано, предпринято, начато, или подготовлено, относится к первому году моего управления. В нем написаны первые записки, имевшие целью обратить внимание государя на неизбежность коренных перемен в нашем государственном строе, сделаны попытки к более правильному устройству делопроизводства Комитета министров и Совета министров, направлены подготовительные работы по вопросу о земских учреждениях, обращено внимание на недостатки медицинского управления, приступлено к преобразованию городских учреждений, дано новое направление делам о раскольниках, положено начало новому порядку и направлению делопроизводства в Министерстве внутренних дел и подняты вопросы об улучшении внутреннего быта православной церкви и внешнего быта православного духовенства, об отношениях православной церкви к другим христианским вероисповеданиям и общих началах свободы совести, о преобразовании университетов, об устройство правительственной прессы и о новом законодательстве по делам печати. (Тегернзее, 3/15 июля 1868). *См. т. I, лл. 101 об. – 104.*